

Эолова арфа

литературный альманах

Анатолий ШАМАРДИН

*Книга об уникальном певце
и композиторе
к годовщине со дня его
преждевременного ухода в
мир иной*

РУССКИЙ
ОРФЕЙ

Издание *Нины Красновой* Москва 2014–2015

эолова арфа

Литературный альманах

Выпуск 8

РУССКИЙ ОРФЕЙ – АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН

*Книга об уникальном певце и композиторе
к годовщине со дня его
преждевременного ухода в мир иной*

*Издание
Нины Красновой*

Москва
Вест-Консалтинг
2014–2015

ББК 84 Р7

Э 69

Главный редактор и автор-составитель Нина Краснова

Фото на передней обложке: Анатолий Шамардин с гитарой в Москве, в Терлецком парке, на фоне природы. Фото Нины Красновой. 2007.

Фото на задней обложке:

Э 69 Эолова арфа

Эолова арфа: Литературный альманах Выпуск 8 / Главный редактор Нина Краснова. Автор-составитель Нина Краснова. – М., 2014–2015. 350 с.

8-й выпуск альманаха «Эолова арфа», как и 7-й, весь посвящён «золотому голосу России», преждевременно ушедшему от нас в мир иной Анатолию Шамардину, солисту оркестра Леонида Утёсова 70-х годов, певцу и композитору мирового уровня, обожаемому публикой, но недооцененному чиновниками от искусства и не раскрученному средствами массовой информации, а потому и малоизвестному в широких кругах, певшему всю жизнь о любви и нёсшему эту любовь людям и недополучившему любви из-за своей невозможности быть услышанным миллионами своих потенциальных поклонников, которые оказались лишены радости встречи с ним.

В 8-й выпуск «Эоловой арфы» включены новые страницы Дневника Нины Красновой об этом русском Орфее, продолжение историй от Анатолия Шамардина, материалы о его связи с Рязанью, с Шадринском, с Владимирской и Ярославской землёй, где он выступал, о его греческих корнях и связях с Элладой, а также «Поэтический венок» ему от поэтов, от Кирилла Ковальджи, Евгения Степанова, Виктора Широкова, Александры Ирбе, Николая Иодловского, Сергея Каратова, Владимира Алейникова, Галины Богачеко и т. д., и автографы на книгах от его друзей и знакомых, от его коллег и соавторов, от Виктора Бокова, Николая Старшинова, Андрея Вознесенского, Новеллы Матвеевой, Алина Кешокова, Владимира Кострова, Сергея Мнцаканяна, Валерия Дударева и т. д.

Пусть эта книга послужит делу увековечивания памяти уникального певца и композитора и светлого человека Анатолия Шамардина, и будет способствовать росту количества поклонников этого русского Орфея.

ISBN 978-5-91865-329-6

© Нина Краснова, 2014–2015

© «Вест-Консалтинг», 2015

ББК 84 Р7

ОТ АВТОРА-СОСТАВИТЕЛЯ «ЭОЛОВОЙ АРФЫ» № 8

Вот какой казус произошёл у меня, когда я делала электронную версию альманаха «Эолова арфа», посвящённого Анатолию Шамардину. Я собрала для альманаха столько материалов, что он получился слишком большой по своему объёму: 500 страниц 14-м кеглем. Тогда я решила разделить его на два номера, по 250 страниц, и добавила в каждый из них еще часть материалов, у меня получилось два номера: 7-й и 8-й — по 300 страниц в каждом. А когда я стала работать с художественным редактором и верстальщиком Мариной Кива, она сказала мне, что при верстании объём будет увеличиваться (потому что компьютерная страница не совпадает с книжной), и у меня получится два номера по 500 страниц. Вот так: 500 разделить на два получится два по 500. Эта весёлая несурезица совершенно в духе Анатолия Шамардина, у которого кроме многих положительных качеств было и отменное чувство юмора.

Но Анатолий достоин не только двух номеров альманаха, посвящённых ему!

И я рада, что журнал «Юность» (о чём я рада сообщить читателям альманаха) учредил рубрику имени Анатолия Шамардина «Голоса и судьбы», и что песни Анатолия Шамардина вошли в юбилейный альбом Виктора Бокова «Жизнь моя — дорога дальняя», и что тема: творческий опыт Анатолия Шамардина, — вошла в программу X-й научной конференции министерства образования, и что у Анатолия Шамардина сейчас растёт количество поклонников, которые раньше даже и не слышали о нём, об этом русском Орфее, а сейчас начинают узнавать и открывать его для себя и удивляются, почему они не знали его раньше и были лишены возможности и удовольствия слушать его песни, его чарующий голос.

Нина КРАСНОВА,
главный редактор альманаха «Эолова арфа»,
7 февраля 2015 г.

ДОКЛАД НИНЫ КРАСНОВОЙ ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ НА НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Нина Краснова,
член Союза писателей СССР, Российского Союза писателей,
Союза писателей Москвы,
Союза писателей XXI века и Русского ПЕН-клуба,
главный редактор альманаха «Эолова арфа»

ДИАЛОГ МУЗЫКИ И СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ: ТВОРЧЕСКИЙ ОПЫТ КОМПОЗИТОРА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

(X юбилейная межрегиональная межвузовская научная конференция
«Грани культуры: актуальные проблемы истории и современности»,
19 декабря 2014 г.)

Критик Лола Звонарёва предложила мне выступить на конференции с докладом на одну из двух тем: «Новые периодические издания — альманах «Эолова арфа» или «Диалог музыки и современной поэзии: творческий опыт композитора Анатолия Шамардина». Я, конечно же, взяла ту из двух тем, которая больше всего волнует меня, вторую... И выступила вот с таким докладом. Я, правда, не читала его по бумажке, говорила всё своими словами. Но придерживалась текста, который написала и который решила напечатать в альманахе «Эолова арфа», посвящённом недавно ушедшему в мир иной Анатолию Шамардину.

*Нина Краснова
3 февраля 2014 г.*

Анатолий Шамардин — имя, широко известное в узких литературных и музыкальных кругах и, к сожалению, мало известное широкой публике. Но кто хотя бы один раз в жизни слышал Анатолия Шамардина, его голос и его песни, тот помнит и любит его потом всю свою жизнь.

Анатолий Шамардин — певец и композитор от Бога. Золотой голос России. Чудесное, уникальное явление нашей культуры. Я говорю об этом без преувеличения.

По своему первому (не музыкальному) образованию Анатолий Шамардин — филолог. Он окончил Горьковский институт иностранных языков и Ленинградскую аспирантуру и, прежде чем прийти на эстраду, 10 лет преподавал в разных вузах страны разные иностранные языки, очень сложные дисциплины, например, немецкую стилистику и лексикологию. Он был полиглот, знал и немецкий, и английский, и итальянский языки, и греческий, который был для него по матери таким же родным, как русский. И пел песни на всех языках мира, даже на японском. Причём без акцента. И потрясаяще чувствовал все языки и, разумеется, русский язык.

Мать у Анатолия по своим корням — понтийская гречанка, а отец — ростовский казак. Анатолий провёл своё детство в греческом ставропольском селе Хасаут, где жили люди разных национальностей — русские, украинцы, казаки, греки, евреи, татары, кабардинцы, карачаевцы... и все жили между собой в дружбе. И Анатолий впитал в себя весь мелос своей земли и, обладая абсолютным слухом и на редкость красивым, полётным голосом и талантом от Бога, с одинаковым удовольствием и радостью пел всё, что пели его земляки, и ещё мальчиком, не зная нотной грамоты, сам научился играть и на балалайке, и на мандолине, и на гитаре, и на пианино, и на гармошке.

Когда ему было годика три или четыре, он сидел на брёвнышках и пел песню «Весёлый ветер», и так понравился цыганам, которые проходили мимо него, что они хотели забрать его с собой в табор, но, слава Богу, соседи отняли его у них. Если бы в это время ему попался импресарио, он сделал бы из Толи, из этого вундеркинда, «звезду» не хуже, чем из Робертино Лоретти, но пути «импресариев» не лежали через Хасаут.

Когда Анатолий учился в Ленинградской аспирантуре, Эдуард Хиль услышал, как он поёт, и сказал ему: «Толя, тебе надо не языками заниматься, не преподавать языки, а петь!» И с легкой руки Эдуарда Хиля Анатолий поступил в Ленинградскую филармонию. А потом, в 71-м году, Леонид Утёсов взял его в свой оркестр солистом-вока-

листом. Причём разрешил ему петь песни не гражданского звучания, которые тогда принято было петь, но под которые у Анатолия, как он сам говорил, не подходит голос, мягкий лирический тенор, и которых у Анатолия в репертуаре не было, а песни на иностранных языках, что в советское время не поощрялось, и русские народные песни и романсы, и свои собственные. После оркестра он работал в Росконцерте и в разных филармониях страны. Публика всегда и везде принимала его на «ура»! И он очень любил свою публику и считал, что плохой публики не бывает, а бывают плохие артисты. И считал, что публика — это главный худсовет для артиста.

А музыкальное образование Анатолий Шамардин получил, когда уже 15 лет проработал на эстраде. Чиновники сказали ему: «Вам нужны корочки, диплом артиста. Справка о том, что вы — артист. Иначе у вас не будет концертов. У нас даже Людмила Зыкина и то недавно окончила училище имени Ипполита Иванова». В 1985 году Анатолий экстерном окончил в Москве училище имени Октябрьской революции (ныне — колледж имени Шнитке). Но диплом ему оказался уже не нужен. Потому что началась перестройка, и уже никто не требовал от него никакого диплома. В 90-е годы Анатолий выступал с гастролями в Европе, в Германии и Греции, и везде с фурором, как и в России. Зарубежная пресса называла его «русский соловей» и «волшебник из Москвы», в афишах сообщалось: впервые у нас в стране — русский певец, который поёт без микрофона.

В 1974 году в популярнейшем тогда журнале «Кругозор» у Анатолия вышла первая гибкая пластинка. С предисловием Виктора Бокова.

В 1982 году — первая долгоиграющая пластинка. С предисловием Людмилы Зыкиной. 100-тысячным тиражом. И разошлась с быстротой молнии, как и дополнительный тираж. В эту пластинку вошли иностранные и русские песни и несколько песен Анатолия на стихи Виктора Бокова и Алима Кешокова.

Анатолий Шамардин начал сочинять песни ещё в студенчестве, когда выступал в институтских концертах. Он любил поэзию. И очень тонко чувствовал её. Он покупал книги разных поэтов и сам на свой вкус выбирал оттуда стихи и сочинял к ним музыку. То есть умел слышать эту музыку в стихах и воспроизвести её своим голосом.

Его песни входили в репертуар известных певцов — Эдуарда Хилия, Ольги Воронец, Екатерины Шавриной, Клавдии Шульженко, Ивана Суржикова, квартета «Аккорд».

Первую свою песню на стихи Виктора Бокова «Луговая рань» он спел поэту прямо по телефону-автомату. И Боков тут же одобрил её, как потом и вторую, «Вишенья, орешенья». А худсовет едва не забраковал их, потому что там не было «гражданского звучания», но, спасибо, на заседании худсовета оказался дирижёр оркестра народных инструментов Федосеев, он пришёл от Толи и от его песен в дикий восторг и записал обе песни на фирме «Мелодия», и они попали в Золотой фонд Всесоюзного радио.

Анатолий Шамардин писал песни на стихи разных поэтов, и Виктора Бокова, и Алима Кешокова, и Новеллы Матвеевой, и Ивана Киуру, и Владимира Карпеко, и Николая Старшинова, и Николая Шумакова, и Владимира Кострова, и Андрея Вознесенского... Старшинов, заядлый рыбак, обожал песню Шамардина «Лодочка» на свои стихи и напевал её в редакции альманаха «Поэзия» под гармошечку и акапелла), а перед смертью просил своих родных: «Заведите мне Шамардина! Заведите мне Шамардина! «Лодочку»!». Она передавалась в исполнении Шамардина и по телеканалу «Культура» на 80-летие Старшинова, до которого поэт не дожил.

Анатолий Шамардин писал песни и на стихи поэтов более молодого поколения — Сергея Мнацаканяна, Виктора Широкова, Валерия Дударева, Нины Красновой. На мои стихи он создал около двадцати песен, все — одна лучше другой, и ни одна не повторяет другую. Причём ему нравился рязанский колорит в моих стихах, какие-то особенности рязанского произношения слов, как, например, в песнях «Я не пью и не курю», «Забудешь меня», «Сон под пятницу» (*«Мне приснился сон под пятницу: Я надела белу платьицу / С вышивкой по рукам / И пошла на вечер к Вам»*). Когда Пушкин говорил: «Без грамматической ошибки / Я русской речи не люблю», он имел в виду и народную речь с отклонениями от литературных норм. Вот и Анатолий, со своим обострённым слухом лингвиста, филолога и музыканта любил такие «грамматические ошибки». У Анатолия и у самого сохранилось в его речи очень милое южнорусское, ставропольское, северокавказское произношение

(«в» вместо глухого «ф», «г» не фрикативное, «и» вместо «ы», а «ы» вместо «и»). Виктор Боков иногда говорил в шутку: «Толя, ты на всех языках поёшь без акцента и только на русском поёшь с акцентом».

Анатолий Шамардин работал в разных жанрах, писал и романсы, и танго, и вальсы, и песни с современными ритмами, и вокализы и сонаты моцартовского и шубертовского характера, и серенады в стиле бельканто, и песни в кавказском и русском народном стиле, и даже в стиле раёшника, а кроме того и припевки, и шуточные песенки. Причём стихи он выбирал такие, на которые кто-то из композиторов не обратил бы никакого внимания. А Анатолий чувствовал и находил в этих стихах то, чего не чувствовали и не подозревали даже сами поэты, и открывал и показывал скрытый там смысл, надсмысл, сосмысл и глубину и добавлял туда голосом, интонацией и мелодией какие-то такие нюансы, что сами авторы стихов удивлялись тому, какие трогательные и красивые по своему внутреннему содержанию песни получались у Анатолия на тексты, которым никто из них до него не придавал особого значения, и какая неразрывная гармония возникала между поэзией и музыкой.

Анатолий Шамардин был потрясающий мелодист, высшего класса! Человек, «сотканный из музыки», как сказала о нём доктор исторических наук, критик Лола Звонарёва.

Он очаровывал и покорял публику. И своим волшебным, волнующим голосом, и своими песнями, и своим артистизмом, и своей позитивной энергией, которую он излучал. Когда я услышала его в 1984 году первый раз, на юбилейном вечере Виктора Бокова в Большом зале ЦДЛ, я подумала: «А почему я не знаю этого певца, который мог бы стать кумиром миллионов? Почему его нет ни по радио, ни по телевидению?» — И у каждого, кто слышал Анатолия Шамардина, возникал такой вопрос.

В 2001 году фирма «Восток» выпустила компакт-диск и компакт-кассету Анатолия Шамардина «Золотые россыпи романса», в серии с такими певцами, как Георгий Виноградов, Пётр Лещенко, Вадим Козин, Изабелла Юрьева. Среди классических старинных романсов там есть и романсы Анатолия Шамардина на стихи современных поэтов.

А в 2014 году, к 100-летию Виктора Бокова вышел блок песен Бокова,

Будимира русской поэзии, лучшие песни таких композиторов, как Пономаренко, Аверкин, Пахмутова, Соловьёв-Седой, Кутузов, Темнов... И туда же вошло семь песен Шамардина, то есть все песни, которые он успел записать в студии (к сожалению, не все он успел записать).

А журнал «Юность», в литературно-музыкальных программах которого Анатолий Шамардин всегда принимал самое активное участие, в июне 2014 года учредил рубрику имени Анатолия Шамардина «Голоса и судьбы».

А я сейчас готовлю новый номер альманаха «Эолова арфа», весь посвящённый Анатолию Шамардину. Кстати сказать, в этом альманахе он печатал свои переводы рассказов чешского писателя-сатирика Януша Осенко, переписку Гёте со своей женой Кристианой, мудрые речения китайских философов и свою эссеистику и свои песни.

Анатолий Шамардин, в отличие от кое-кого из своих пробивных коллег, у которых нет и тысячной доли того таланта, которым Бог наделил Анатолия, не умел делать себе карьеру, и при своей жизни не получил заслуженной славы и сопутствующих ей регалий и материальных благ и выгод, к которым он и не стремился, потому что он был бессеребреник и бескорыстник и совершенно не прагматичный человек, и пел свои песни не для денег, а для удовольствия, для своего удовольствия, и для удовольствия людей, как соловей в кустах, и любил свою публику, независимо оттого, где он выступает, в Колонном зале, в Политехническом музее, в Фонде Мира и Согласия, в Доме учёных, в Венгерском или Корейском центре, в Большом зале ЦДРИ или ЦДЛ, или в зале, где до него выступали Пласидо Доминго и Пако де Люсия, в Германии, или в камерной атмосфере какого-нибудь кафе-ресторана или художественной галереи, в маленьком зальчике на 50 человек, или на колхозной ферме, в красном уголке, где ему приходилось выступать в 70-е и 80-е годы.

Наша страна богата талантами. Поэтому иногда бросается ими и не ценит их. Но потом спохватывается и начинает воздавать им должное и оценивать их по достоинству. Дай Бог, чтобы и Анатолий Шамардин был бы оценен по достоинству, этот русский Орфей с греческими корнями, о котором заслуженный деятель культуры, коллекционер редчайших записей, соведущий «Романтики романса» 2000-х годов

Валерий Сафошкин сказал когда-то на одном из концертов Анатолия: «В Греции всё есть, но там нет такого певца и композитора, как Анатолий Шамардин». И в России второго такого, как Анатолий Шамардин, тоже нет и не будет, и во всем мире*.

18–19 декабря 2014 г.,

Москва

* В подтверждение всех своих хороших слов об Анатолии Шамардине как о певце и композиторе я вставила диск с его песнями в проигрывающее устройство, которое привезла с собой на тележке, и дала слушателям моего доклада послушать песни Анатолия Шамардина — «Вишенья, орешенья» на стихи Виктора Бокова и (по просьбе присутствующих) «Сон под пятницу» на мои стихи. А потом еще — итальянскую песню «Красивая девушка». И всего трёх этих песен оказалось достаточно (и даже и одной оказалось бы достаточно), чтобы участники научной конференции почувствовали и поняли, какое невыразимо прекрасное и феноменальное явление нашей культуры — Анатолий Шамардин! — Н. К. 4 февраля 2015 г.

ИСТОРИИ ОТ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА И ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ

(Из Живого Журнала Нины Красновой)

***Истории от Анатолия Шамардина,
записанные Ниной Красновой от третьего лица***

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПОД ПЛАТАНОМ ГИППОКРАТА

Приехал потомок понтийских греков по матери певец и композитор Анатолий Шамардин в Грецию, на остров Кос, в августе 2011 года, в самый разгар летнего сезона, к своим родственникам, у которых до этого никогда не бывал там.

Ему показали на берегу Средиземного моря большой платан и сказали, что под этим платаном две тысячи лет назад, ещё до нашей эры, сидел Гиппократ, и здесь же он произносил перед жителями Коса свои медицинские речи и произносил клятву Гиппократа.

Надел Анатолий Шамардин длинные греческие шорты до колен, яркой экзотической расцветки, в которых все жители Коса ходят, надел себе на голову соломенную греческую шляпу с полями и с опоясочкой из бирюзовых и коричневых бриколажиков, сел под этим платаном, на берегу Средиземного моря, сидит при 35-градусной жаре, смотрит на Средиземное море, на горизонте которого с одной стороны видна Северная Африка, с другой — Израиль, а с третьей — Турция, и думает: «Подумать только, я сижу под тем же самым платаном, под которым две тысячи лет назад, ещё до нашей эры, сидел Гиппократ...»

А в это время идут по берегу Средиземного моря немецкие туристы и говорят, «шпрэхают» между собой на немецком языке и проходят мимо платана Гиппократа, под которым сидит Анатолий Шамардин в греческих шортах, в греческой соломенной шляпе, весь такой загорелый, темно-коричневый, как будто он здесь уже две тысячи лет загорает, и весь такой худенький, как из трёх тонких верхних веточек платана «сбранОй», и с глазами оливкового цвета, и с крупным для его узкого лица рельефно-покатым греческим носом, остановились около него,

достали из своих футляров цифровые фотоаппараты и говорят друг другу на немецком языке:

— О! Вот настоящий абориген! Настоящий островитянин! Он очень колоритный! Давайте сфотографируем его себе на память как достопримечательность острова Кос.

— А он разрешит нам сделать это? — культурно спросила одна из нескольких фрау, держа над собой зонтик от солнца, вся такая бледно-розовая.

— А мы сейчас спросим его, — сказали немецкие туристы и жестами стали говорить-показывать Анатолию Шамардину, что вы очень колоритный и вот мы хотим сфотографировать вас, и обратились к нему на немецком языке, потому что греческого они не знали:

— Эрлаубен зи? (Вы разрешите нам сфотографировать вас? Вы не против, если мы вас сфотографируем?)

— Абер натюрлихь, — ответил им Анатолий Шамардин на чистейшем немецком языке, поскольку в своё время окончил в городе Горьком институт иностранных языков и потом много лет преподавал в вузах немецкий язык. (То есть: ну конечно, пожалуйста, фотографируйте меня, если хотите, я не против, я люблю, когда меня фотографируют.)

— Надо же! Абориген Коса, а как великолепно владеет немецким языком! И говорит совсем без акцента! — поразились немецкие туристы. И спросили этого «аборигена»: — Мы приехали сюда только вчера, из Германии, из Дойчлянд. А вы здесь родились, и живёте здесь всю жизнь?

— Да нет, я, как и вы, только вчера прилетел сюда, первый раз в жизни, из России, где я родился, из Москвы, где я живу...

*2 сентября 2011 г.,
Москва*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПОД ЭВКАЛИПТОМ СОКРАТА

Приехал потомок понтийских греков Анатолий Шамардин из Москвы в Грецию, к своим родственникам, на остров Кос, сел там на берегу Средиземного моря под платаном Гиппократата и сидел под ним

целый день и думал: «Надо же, я сижу под деревом, под которым две тысячи лет назад до нашей эры сидел Гиппократ...»

На следующий день Анатолий Шамардин решил опять посидеть под этим самым деревом. Но планировка улиц на острове Кос с его округлой формой идёт какими-то такими кругами, в которых не привыкший к такой планировке гость Коса может легко закружиться и заблудиться. И Анатолий Шамардин, плохо ориентирующийся в незнакомой местности, закружился в этих кругах между деревьями и не смог найти среди них платана Гиппократа, заблудился, так сказать, в трёх платанах, как в трёх соснах. И вдруг... оказался около эвкалипта, ствол которого такой толстый, что его не обхватят и пятеро человек, а крона которого такая развесистая и раскидистая, и такая широкая, как крыша типовой хрущёвки, и под этой кроной размещаются сразу несколько греческих кафе-ресторанов, как под крышей большого зелёного шатра. Причём если на улице вдруг пойдёт дождь, то через эту зелёную крышу на землю не упадёт ни капли дождя, такая она плотная, а не только широкая, развесистая и раскидистая, эта зелёная крона эвкалипта.

Навстречу Анатолию Шамардину шёл официант с подносом, грек, в строгой белой рубашке, контрастирующей с его смуглым лицом, и в строгих чёрных брюках.

— Сигно́ми, пу эн то платано, то дендро, ти Гиппократос? — спросил у него на чистом греческом языке Анатолий Шамардин. (Извините, где здесь платан Гиппократа?) — Я вчера сидел под ним, а теперь не могу найти его.

— Да зачем вам платан Гиппократа? — удивился официант с подносом. — У нас здесь вот тоже дерево ценное, историческое, раритетное, не хуже платана Гиппократа, эвкалипт, под которым две тысячи лет назад до нашей эры сидел Сократ и говорил умные, философские вещи своим соплеменникам и ел вкусные яства и запивал всё это вином. Представляете? А теперь под этим деревом будете сидеть вы. Какая вам разница, под каким деревом сидеть? Гиппократа или Сократа? А эвкалипт Сократа даже ещё толще и древнее, чем платан Гиппократа. Давайте я сейчас принесу вам сюда сувлаки (греческую шаурму) и греческое пиво. И вы потом будете рассказывать своим друзьям, что вы сидели здесь и ели сувлаки и пили пиво, под эвкалиптом, под которым две тысячи лет назад до нашей эры сидел Сократ...

...Потом-то Анатолий Шамардин нашёл платан Гиппократы. Но если бы он его не потерял, то не нашёл бы эвкалипта Сократы и не посидел бы ещё и под ним.

3 сентября 2011 г.,
Москва

«ЛЯЙДЕР, ЛЯЙДЕР, МАЙН ФРОЙНД...»

1.

С Виталием Долгих певец и композитор Анатолий Шамардин познакомился в городке Шадринске Курганской области в 1966 году. Виталий тогда работал в газете «Шадринский рабочий», в отделе писем, и заочно учился в МГУ на факультете журналистики, а Анатолий после окончания Горьковского института иностранных языков преподавал в пединституте Шадринска немецкий язык и иногда захаживал в газету, чтобы напечатать там свои песни. И очень подружился с Виталием и ходил к нему домой в гости, и пел ему песни под гитару, и свои собственные, и песни народов мира на разных языках, и русские романсы, а Виталий записывал всё это на катушечный магнитофон.

Потом Виталия взяли работать в Москву, в ТАСС, потом Виталия взяли работать в Бонн и в Зальцбург, за границу, еще в советское время, и там, за границей, он в совершенстве выучил немецкий язык и много лет жил со своей семьей в Германии и Австрии, а потом вернулся в Москву. А Анатолия взяли работать солистом-вокалистом в оркестр Леонида Утесова. И Анатолий переехал в Москву. И друзья не потеряли друг друга из виду на перепутьях жизни, и Виталий часто приглашал Анатолия к себе домой, где «друзья вспоминали минувшие дни» и Анатолий пел песни для всей его семьи, а Виталий со своей женой Лидушкой с удовольствием подпевали ему.

Виталий всё время переживал о том, что Анатолий не смог сделать себе большую карьеру певца, достойную его таланта, и сочувствовал своему другу и журил его:

— Толя, у тебя божественный голос, и с таким божественным голосом ты не смог сделать себе хорошую карьеру... Певцы с нулевыми данными, без голоса и без слуха, делают себе сногшибательную ка-

рьеру, выбиваются в «звезды», и их знает вся страна, хотя они перед тобой — никто, а ты со своими великолепными данными не смог никуда пробиться и выбиться... А потому что в тебе нет честолюбия и ты слишком добр, мягок, деликатен и порядочен. И ты не умеешь пробивать себе дорогу локтями, оттесняя своих конкурентов, и ходить по головам. И потому что ты никогда не дружил с властями и всегда везде высказывал какие-то свои взгляды, которые не совпадали с официальной линией партии. И этим вредил сам себе. Хитрые люди умеют держать язык за зубами и не высказывать своих взглядов, а ты чересчур бесхитростный, наивный и неосторожный, говоришь при всех, при ком попало всё, что думаешь, и не умеешь ни под кого подлаживаться и подстраиваться ради своей выгоды. И не прислушиваешься к полезным советам.

...Виталий был серьезный человек, но при этом светлый и весёлый и никогда не жаловался на какие-то свои болезни. Казалось, что у него их и нет. А месяц назад он с тяжёлым диагнозом слёг в больницу, откуда уже не вышел. Он знал, что умирает, но сохранял в себе присутствие духа.

— Виталий, ну как ты себя чувствуешь? Уже лучше? Когда ты выйдешь из больницы? — спросил его Анатолий, когда звонил ему на тотый телефон за три дня до того, как Виталий умер.

— Ляйдер, ляйдер, майн фройнд (к сожалению, к сожалению, мой друг)... — сказал Виталий на немецком языке, на котором частенько говорил с Анатолием. И это были последние слова Виталия, которые Анатолий Шамардин услышал от него...

2.

Прощание с телом усопшего Виталия, друга юности Анатолия Шамардина, состоялось на Николо-Архангельском кладбище, в ритуальном зале крематория. А поминки проходили в корчме с веселым названием «Вечера на хуторе», но не близ Диканьки, а близ метро «Рязанский проспект», в банкетном зале, за длинными столами, поставленными в форме буквы «П».

Над дверью в корчму, огороженную серым плетнем с подсолнухами, крутилась ветряная мельница, а на стенах корчмы висели вышитые рушники, полотняные, с красными узорами.

Девушки в украинских национальных нарядах, в ярких красных юбках, в фартуках с цветными, ткаными полосками, подавали гостям разные блюда... на больших бежевых фаянсовых тарелках размером почти с подносы, 50 на 50... салаты, сервелаты, буженину, холодец, и, разумеется, блины (с медом) и кутью... и еще — клюквенный кисель, соки и темно-бордовый кагор... А потом к столу подадут и горячее: кому — судака с жареной картошкой, кому — свинину с жареной картошкой... кто что себе закажет...

Вдова усопшего и их взрослые дети и уже взрослый внук, студент гуманитарного университета, сидели в центре стола, а коллеги, друзья, земляки из Шадринска — по бокам. Все были с очень серьезными, скорбными лицами, но никто не плакал, не проронил ни одной слезы, все держались мужественно, и мужская часть поминальщиков, и женская.

Разумеется, все произносили тосты в порядке очереди. И все говорили о Виталии свои хорошие слова, хвалили его — и как талантливого журналиста и ученого, автора научной диссертации, и как руководителя большого коллектива, и как специалиста по немецкому языку, и как мужа своей жены и отца своих детей, и как верного товарища своих товарищей, и как разносторонне развитого, высокообразованного и культурного человека, который разбирался и в музыке, и в поэзии, и в живописи, и в разных сферах искусства, и просто как хорошего человека.

Гостья из Шадринска, подруга молодости Виталия, комсомольская активистка 60-х годов, сказала, что, хотя Виталий был и коммунист, атеист, но он был не без Бога в душе и не без креста на шее. И прочитала — с листа — стихиру как бы от лица Виталия, душа которого присутствовала на поминках и незримо летала под потолком:

«Видя меня, лежащего перед вами безгласным и бездыханным, восплачьте обо мне, братия, друзья, сродники и знакомые! Ещё вчера я беседовал с вами — и внезапно застал меня страшный смертный час. Придите же все, тоскующие по мне, и целуйте меня последним целованием, ибо мне уже больше не ходить и не беседовать с вами. (...) Вот, прошу всех и молю: непрестанно молитесь обо мне Христу Богу, чтобы за грехи мои не был низведён я в место мучения, но дабы поселил Он меня там, где сияет Свет Жизни».

Анатолий Шамардин сказал свои хорошие слова о Виталии. Рас-

сказал, как когда-то познакомился с ним в Шадринске. Сказал, что Виталий ценил его как певца и композитора, поддерживал и ободрял его на всех путях жизни, ходил на все его концерты, а когда Анатолий Шамардин делал для альманаха «Эолова арфа» переводы Гёте из книги «Семейная жизнь Гёте в письмах», Виталий давал ему консультации по немецкому языку и дополнительную информацию о Гёте...

— Виталий великолепно знал немецкий язык, и мы с ним любили говорить друг с другом на немецком... и понимали друг друга на этом языке так же, как и на русском. Несколько дней назад я звонил Виталию в больницу, спросил его: «Виталий, как ты чувствуешь себя? Скоро ты выйдешь из больницы?..» — Он чувствовал себя плохо и говорил с трудом, но не сказал, что он плохо чувствует себя, а сказал только: «Ляйдер, ляйдер, майн фройнд (к сожалению, к сожалению, друг мой)...» Он был веселый, неунывный человек, и никогда никого не грузил своими проблемами, и даже в последние дни и часы своей жизни, которые были уже сочтены, находил в себе силы пусть горько, но пошутить... Когда-то, еще в студенчестве, я прочитал книгу Ханса Фаллады «Каждый умирает в одиночку» («Jeder stirbt für sich allein»). И когда Виталий сказал мне: «Ляйдер, ляйдер, майн фройнд...» — я подумал: «Да, каждый умирает в одиночку»...

На этих словах у Анатолия Шамардина полились слёзы из глаз, и он больше не мог говорить от спазмов в горле. Он по натуре сентиментальный человек. И жалеет всех людей. И плачет на всех похоронах, даже и на похоронах людей, которых он знать не знает. Ну а на похоронах своего друга ему сам Бог велел поплакать...

— Толя, а давай-ка спой нам что-нибудь весёленькое! — предложила не «весёлая», а печальная вдова. — Виталик был веселый и оптимистичный человек и любил слушать, как ты поешь!..

— Да, спойте нам что-нибудь веселое, а мы вам подпоем, — подхватила инициативу вдовы гостя из Шадринска, комсомольская активистка 60-х годов... — А то очень уж грустные у нас поминки получаются...

— Да нет, не могу я сейчас петь, — сказал певец, вытирая свои слезы носовым платком, и заплакал еще горше. — Я и гитару с собой не взял... и минусовки... Я же шел не на концерт, а на похороны и на поминки...

Почему-то на всех похоронах и поминках ему все всегда предлагают спеть что-то, да еще весёленькое...

«Ляйдер, ляйдер, майн фройнд... не могу я петь на твоих поминках,
да еще веселые песни...»

1–2 октября 2011 г.,
Москва

НАРОДНАЯ АРТИСТКА АНАСТАСИЯ ЗУЕВА НА ВЕЧЕРЕ НАРОДНОГО ПОЭТА ВИКТОРА БОКОВА

В 1984 году в ЦДРИ на Кузнецком мосту проходил юбилейный вечер поэта Виктора Бокова, посвященный 70-летию этого «Соловья Будимировича» русской поэзии.

На вечере выступали его друзья — Александра Стрельченко, Зинаида Кириллова, хор Николая Кутузова, балалаечник Михаил Рожков, артист оперетты Сергей Менахин... и много кто еще... и солист оркестра Леонида Утесова 70-х годов, певец и композитор Анатолий Шамардин, который пел там свои песни на стихи Бокова и который и рассказал мне два веселых эпизода того праздника.

1.

На юбилейный вечер Бокова в ЦДРИ была приглашена в числе друзей поэта старейшая артистка МХАТа Анастасия Зуева, Анастасия Платоновна Зуева, лауреат Государственной премии СССР, народная артистка СССР. Ей тогда было под девяносто лет, а точнее восемьдесят восемь...

(Она родилась в Тульской губернии, в селе Спасское, в 1896 году. И оттуда выбилась в Москву, в артистки. Про Анастасию Зуеву еще в пору ее молодости Константин Станиславский пророчески сказал: «Быть ей вечной старухой». Так оно и вышло. Всю жизнь, с самой молодости, она играла в театре и в кино — старух, которых лучше нее никто не умел играть, таких, каких играла она:

в спектакле «Таланты и поклонники» А. Островского — Домну Пантелеевну,

в «Воскресении» по Л. Толстому — Матрёну,

в «Мёртвых душах» Н. Гоголя — Коробочку,

в «Пиквикском клубе» по Ч. Диккенсу — мисс Уордаль,
в «Трех сестрах» А. Чехова — Анфису, а в «Цветах запоздалых» —
кого-то еще...

а в фильме «Васёк Трубачев и его товарищи» — тетю Дуню,

а в фильме «Ревизор» — Пошлепкину,

а в фильме «Мёртвые души» — опять же Коробочку, как и в спектакле, которая была ее коронной ролью,

а в фильме «Живет такой парень» — бабу Марфу, которую ей предложил сыграть Василий Шукшин,

а в фильмах «Морозко», «Варвара-краса, длинная коса», «Огонь, вода и... медные трубы» — она играла сказительниц.

Максим Горький когда-то сказал, что у Анастасии Зуевой ее старые старухи получают на сцене лучше, чем они бывают в жизни.)

Зрители любили Анастасию Зуеву, и она любила своих зрителей и как истинно народные артисты считала для себя естественным выступать на «шефских», то есть бесплатных вечерах, каковыми были и вечера поэтов.

Боков попросил Зуеву оказать ему, Бокову, честь и прочитать со сцены ЦДРИ какие-нибудь его стихи из его книги, которых она раньше никогда со сцены не читала (а может быть, она и вообще никогда раньше не читала его книг и знала и любила Бокова как поэта только по его песням, которые каждый день звучали по радио, «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет», «Я назову тебя зоренькой»). Он дал ей свой маленький сборничек в мягкой обложке, и она без всякой репетиции вышла на сцену, вся такая маленькая, трогательная, в длинной юбке на резинке, и сказала залу своим характерным голосом старухи из фильмов и спектаклей, с характерными простонародными интонациями:

— Я люблю все стихи Бокова... У него все стихи гениальные, какое ни возьми. Вы сейчас убедитесь в этом. Вот я сейчас наугад открою его книгу и прочитаю вам первое попавшееся его стихотворение...

Анастасия Платоновна надела себе на нос очки, полистала малопослушными пальцами книгу и открыла ее на первой попавшейся странице и, ползая по ней носом, стала сосредоточенно вглядываться в буквы и в слова, а потом медленно — почти по слогам — прочитала первую строчку:

Трава, покрытая... дерьмом...

Тут Анастасия Платоновна вздрогнула, как будто наткнулась на что-то такое, на что не ожидала наткнуться, и сделала паузу... И взгляделась в строку получше и сказала залу:

— Ой... Извините... Не «дерьмом», а «дёрном», оказывается...

Трава, покрытая дёрном...

Зал заплодировал народной артистке... И она с успехом дочитала стихотворение Бокова до конца... и с успехом дебютировала в роли чтицы стихов Бокова, на восемьдесят девятом году своей жизни.

2.

...После официальной части вечера все участники вечера монологичным потоком направились в специальный зал на банкет... А её все забыли... Не то чтобы забыли... А просто не сказали ей, куда теперь нужно идти. А она замешкалась и отстала от потока... и потерянно кружила по пустой лестничной площадке второго этажа между дверями, коридорами и лифтом, как щепочка в водовороте, и не могла сообразить, куда все артисты и поэты подевались и куда ей идти, и в какую сторону. И тут увидела Анатолия Шамардина, который уже переоделся из концертного костюма в неконцертный и переобулся из концертных туфель в неконцертные, и сокрушенно сказала ему, хватаясь за него, как за соломинку:

— Меня все бросили... Меня все забыли... Я не знаю, куда мне идти...

— Идемте со мной, Анастасия Платоновна. Я знаю, куда и к кому вам нужно идти. И сейчас приведу вас туда, куда нужно, — почтительно сказал ей Анатолий Шамардин и взял ее под руку... и привел на банкет и провел сквозь банкетчиков, которые держали в руках тарелки с закусками и фужеры с вином и произносили тосты во славу и во здравие Бокова, и подвел гостью прямо к хозяйке банкета, к жене Бокова Алевтине Ивановне, и сказал с присущим ему юмором:

— Алевтина, это вот... к вам... Анастасия Платоновна, которую вы искали...

— А кто это? — обескураженно спросила Алевтина (не узнала ее)...

— Сейчас она вам всё расскажет...

И вскоре у Анастасии Платоновны в руках появилась тарелочка с закуской и фужер с вином...

28 августа 2010 г.,
Москва

И НЕЧЕГО ВОЗМУЩАТЬСЯ ЦЕНАМИ

Зашёл как-то в компьютерный магазин на Лубянке «Белый ветер»... не белый ветер зашёл в компьютерный магазин на Лубянке, а зашёл один покупатель в компьютерный магазин «Белый ветер» на Лубянке... Мужчина преклонного возраста, весь какой-то такой неблагополучный, в «обтерхатом» пальто, в старых нечищенных опорках со сбитыми задниками и «ободратыми» носами, не респектабельный такой господин, не вписывающийся в дизайн и в интерьер фирменного магазина... Чувствуется, что шел он, шел по улице и явно куда-то не туда зашел, куда шел... и что в этом магазине ему вообще-то делать нечего. Но раз он попал сюда, то почему бы ему не посмотреть, что тут есть? Это даже интересно...

Ходит он там, как все люди, как все другие — респектабельные — покупатели, которых там, впрочем, немного (нереспектабельных, а вообще всех, их там всего три человека, и только он один среди них не респектабельный), ходит-походит он там, один нереспектабельный среди всех (трех или четырех) респектабельных, переходит от прилавка к прилавку, от стеллажа к стеллажу, смотрит, какие там компьютеры, мониторы, принтеры стоят и сколько они стоят, подойдет к одному компьютеру, монитору или принтеру, посмотрит на него, потом на ценник, и начинает возмущаться ценами, прямо вслух, на весь магазин:

— Сколько стоит этот прибор? Пять тысяч?! Ну и ну! Как же дорого! А этот? Еще дороже! Целых 15 тысяч... А этот — 25 тысяч... Ну и ну! Да это же безобразия! Да где же такие деньги взять, чтобы вот это всё купить?!

И ходит и ходит он с недовольным лицом по магазину от прилавка к прилавку, от стеллажа к стеллажу, как советский ОБХСэсник, и смотрит на товары, которые там стоят, и возмущается и возмущается ценами. Остановился около ноутбука... рассматривает его, говорит сам себе:

— Красивый ноутбук... И сколько он стоит? Сколько? Тридцать тысяч?! Да это же безобразия!

Сотрудник магазина, консультант по компьютерной технике, молодой человек в гражданской форме, в голубой рубашке с синим галстуком, с аккуратной прической подходит к покупателю и культурно говорит ему:

— Вы что-то хотите купить? Вы хотите купить ноутбук?..

— Да ничего я не собираюсь здесь покупать! Да ничего мне здесь не нужно! Мне даже и даром всё это давай — я ничего не возьму! Но почему всё это так дорого стоит?! — возмутился покупатель не покупатель.

— А если вам ничего здесь не нужно, так чего же вы тогда возмущаетесь (ценами)?..

14 октября 2010 г.,
Москва

МИКРОФОН*

Задумал Анатолий Шамардин купить себе новый микрофон. Пошёл в «Ашан». Видит, в отделе музыкальной техники лежит на витрине под стеклом микрофон, как раз такой, какой ему и нужен, стоит столько-то рублей (я не помню, сколько. — *Н. К.*), а рядом с ним лежит другой, точно такой же микрофон, и стоит в два раза дешевле.

— Скажите, — обратился Анатолий к продавцу, — а почему один — вот этот — микрофон стоит у вас столько рублей, а другой, точно такой же, как этот, стоит в два раза дешевле?

— А потому что один микрофон работает, а другой нет, а если бы он работал, то стоил бы столько же, сколько и тот, который работает...

19 сентября 2014 г.,
Москва, Перово

* Толя Шамардин рассказывал мне не про микрофон, а про какой-то другой предмет, но я не помню, что это был за предмет (может быть, плеер? а может быть, дека?), и поэтому я вставила в историю от Толи Шамардина микрофон. — *Н. К.*

А ПОЧЕМУ ИХ ПОКАЗЫВАЮТ ПО ТЕЛЕВИЗОРУ?

— Вы смотрите телевизор? — спросила у певца и композитора Анатолия Шамардина, солиста оркестра Леонида Утёсова, одна дама, считающая себя искушённой зрительницей. — Там показывают наших лучших эстрадных звёзд, — и она назвала несколько раскрученных «звёзд» нашего отечественного шоу-бизнеса, которые поют по телевизору дурными голосами, да и то только с микрофонами и только под плюсовые фонограммы, сделанные в самых дорогостоящих студиях, а живьём ни одной песни нормально спеть не могут. В отличие от Анатолия Шамардина, который из всех эстрадных певцов чуть ли не единственный во всей Москве может петь живьём, без микрофона и без плюсовой фонограммы, и не дурным, а своим на редкость красивым, полётным голосом, причем так же, как если бы пел с микрофоном или под готовую плюсовую фонограмму, и которого во время его гастролей по Германии немецкая пресса поэтому называла «волшебником из Москвы» и «русским соловьем».

— Я не смотрю телевизор, — ответил певец.

— Почему? — удивилась дама.

— Потому что меня там не показывают, — пошутил певец.

— А почему Вас должны там показывать?

— А почему их показывают?*

— ?..

28 мая 2011 г.,

Москва

* Между прочим, точно так же отвечал и Виктор Боков на вопрос «Вы смотрите телевизор?». — Н. К.

«ПОНТИЯК»

(История от Анатолия Шамардина, записанная Ниной Красновой от третьего лица, рассказанная и Анатолием Шамардиным, и его сыном Олегом Шамардиным)

Еле-еле продав за бесценок свою старую иномарку, «Ланчу», которая разваливалась на ходу и уже не подлежала ремонту и могла ездить только с эвакуатором, Толя Шамардин купил за сравнительно дешёвую цену старый, подержанный «Понтияк», про который хозяин, он же продавец «Понтияка», сказал Толе:

— Машина исправная, в хорошем состоянии. Может ездить со скоростью 100 километров в час. Вы будете летать на ней, как на птице-тройке!

Машина была очень внушительная, большая, красивая, светло-серого цвета, с просторным салоном, с удобными мягкими креслами тёмно-серого цвета... Но когда Толя проехался на ней до дома, оказалось, что она может ездить только вперёд, потому что у неё не работает автоматическая коробка передач. Толя позвонил бывшему хозяину «Понтияка», сказал:

— Машина хорошая. Но у неё нет заднего хода. Она ездит только вперёд.

— А зачем вам ехать назад? Вы на этой машине должны ехать по жизни и по всем дорогам жизни только вперёд! — оптимистично сказал бывший хозяин «Понтияка», мужик с юмором.

И пришлось Толе избавиться от этой машины, продав её одному специалисту по машинам, за половину той цены, которую Толя заплатил за неё её бывшему хозяину.

*18 сентября 2014 г.,
Москва*

ПЛАН ДНЯ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА: ЗАД ЗАЛАТАТЬ И ПОКРАСИТЬ

Толя Шамардин вёл маленькие ежедневнички в записных книжечках, куда записывал свои планы на каждый день: сходить туда-то, купить то-то, сделать то-то, позвонить тому-то. Эти планы состояли, как правило, из десяти-пятнадцати пунктов. И почти все пункты он

выполнял. И в конце дня зачёркивал их шариковой ручкой. А какие не успел выполнить, не зачёркивал, а переносил в планы другого дня. Были там и пункты, касающиеся машин, которые Толя ездил смотреть, по объявлениям газеты «Из рук в руки», потому что всегда мечтал купить себе машину, пусть старую, но на которой можно ездить куда-нибудь выступать с концертами и возить с собой аппаратуру, колонки-усилители, пульт, кофр с одеждой, пюпитр, стойку для микрофона, провода-удлинители, гитару, балалайку, мандолину и т. д.

В одной из записных книжечек у него есть такой пункт в плане дня: «Зад залатать и покрасить»...

Это значит, «не подумайте плохого», залатать зад машины, которую он купил, и покрасить его.

*18 сентября 2014 г.,
Сходня — Москва*

КОМПЕНСАЦИЯ*

1.

В середине 90-х годов у Анатолия Шамардина, который тогда работал в японском ресторане «Саппоро», в Москве, на проспекте Мира, в доме 14, и пел там по вечерам песни о любви на разных языках, в том числе и на японском, была машина-иномарка «Ниссан Лаурел». Она была (и такую он и купил её с рук) уже не молодая, так сказать — в возрасте, подержанная, но вся исправная, в очень хорошем состоянии и в хорошей сохранности, как хорошая женщина, которая и в своём немолодом возрасте бывает лучше, чем иная молодая, но вся изношенная, изъезженная, раскуроченная, побитая и помятая, с до конца использованным ресурсом и исчерпанным сроком годности. К тому же она была очень красивая и элегантная — с классическими формами и очень благородного светло-кофейного и тёмно-кофейного комбинированного цвета. Толя приезжал на ней ко мне в Перово и аккуратно ставил её под моим окном, около газона, на площадке около поликлиники, которая теперь огорожена железнопрутьевой оградой, а тогда не была огорожена ничем. Там же, около газона, на этой же площадке, ставили свои машины и другие водители, жители моего дома и соседних домов. И никто из персонала поликлиники никогда не имел ничего

против этого. А охранники, которые обходили «владенья» медицинского учреждения «дозором», охраняли и поликлинику, и получалось, что и эти машины.

2.

И вдруг в персонале появился какой-то злой охранник, который стал придирается к Толе и нападать на него, когда он ставил свою машину в общем ряду стихийно образовавшегося автопарка, около газона. Этот охранник, здоровенный, красномордый бугай в камуфляжной робе, выскакивал откуда-то из-за угла и размахивал железной палкой и налетал на хрупкого, худенького, субтильного, «из трёх лучин собранОго» Толю и орал:

— Ты! — Его ненормативную лексику я здесь не цитирую. — ...! Если будешь ставить здесь свою машину, ...! я разобью её ...! И все стекла в ней повыбью, и все колёса (шины) продырявлю ...! Катись отсюда ...!

— Но здесь все ставят свои машины... — культурно, с растерянной улыбкой, говорил ему неконфликтный человек Толя, который считал, что надо обо всём уметь договариваться полюбовно и все проблемы урегулировать мирным путём, как политикам, так и людям в целом.

— Все пусть ставят! А ты свою не ставь! Или я разобью всю твою машину, ...! Я тебя предупредил, ...!

То ли ему чем-то не нравился Толя, его наружность «кавказской национальности», то ли ему слишком нравилась его машина и он завидовал, что у Толи такая есть, а у него нет (хотя она была старая, в отличие от чьих-то ещё, только очень красивая)... Он всё время грозил Толе разбить его машину и в один не прекрасный для Толи день, наконец-то, сдержал своё слово! Шарахнул железной палкой по бамперу так, что весь двор вздрогнул от шума, который раздался при этом, поднимаясь многократным эхом к облакам, и все жители повыглядывали из окон на улицу, как старушки Хармса, едва ли не вываливаясь по очереди из своих окон друг за другом. И Толя, который в это время пел-разучивал-репетировал у меня в кабинете свою новую песню на японском языке, выглянул в окно и увидел своего обидчика с палкой, и выбежал на улицу и, не боясь его, потребовал, чтобы тот заплатил ему сто долларов за нанесённое «Ниссану Лаурелу» увечье и за причинённый хозяину материальный ущерб (кроме ещё и морального)... тем

более, что у Толи лишних денег на ремонт бампера не было. Вандал отказался платить деньги и послал Толю понятно куда. Тогда Толя обратился в милицию, но там блюстители порядка сказали ему, что они не будут разбираться с этим мелким делом, и оно повиснет в воздухе на несколько лет.

3.

Тогда Толя, который, как в песне Высоцкого «Если я чего решил, я выпью обязательно», всё же решил добиться справедливости в этом деле и проучить наглого и злого охранника, против которого, как против лома, нет приёма, но против которого всё же существуют какие-то меры, и обратился к... одному из своих горячих поклонников, которые восхищались Толиным голосом и пением и приходили в ресторан «Саппоро» специально, чтобы послушать Толю... А одним из таких поклонников был главарь группы, которая «крышевала» ресторан «Саппоро», защищала его от рэкетиров и бандитов. А звали этого главаря — Сергей.

— Сергей, — сказал ему Толя, когда Сергей пришёл в «Саппоро» специально, чтобы послушать Толю, — со мной такая история приключилась... Охранник поликлиники разбил бампер моей машины и отказался заплатить мне за это. А милиция умыла руки... И я теперь какое-то время не могу ездить на своей машине... возить на ней свою аппаратуру, свои костюмы для концертов... Вот бы заставить этого охранника выплатить мне компенсацию за нанесённый мне ущерб. И дело не в том, есть у меня деньги на ремонт машины или нет, а в том, чтобы справедливость восторжествовала и чтобы этому типу не повадно было вести себя не только со мной, но и с другими так, как он ведёт себя со мной.

— Как звать этого мудилу?

— Лазарь.

— Не волнуйся, Толян. Всё будет «окей». Диктуй мне адрес поликлиники... — сказал Сергей и записал адрес в свой блокнот. И буквально на следующий день пришёл в поликлинику, в сопровождении своих крутых ребят, разыскал там Лазаря, спокойно положил ему на плечо свою руку, так, что у Лазаря от болевых ощущений перекошилось лицо, и сказал Лазарю:

— Ты знаешь, слизняк, кого ты обидел?

— Не-е-а, — заскулил Лазарь.

— Будешь знать, — Сергей надавил ему на плечо посильнее, и у Лазаря голова поползла вниз и начали подкашиваться ноги. — Ты обидел русского соловья Толю, которому нет равных ни в Москве, ни в России, ни во всём мире! Толя — золотой голос России, ему надо бы выступать в самых лучших залах Москвы, России и всего мира, а он поёт в ресторане и получает гроши. А ты обидел его. Разбил ему его машину, средство передвижения... Ну-ка давай плати за это...

— Скока? Я заплачу-у... — плаксиво запел Лазарь свою песню.

— Тыщу долларов.

— П-пожа-а-лста... нате... — Лазарь (в этот день или в другой?) с радостью вынул из своего кармана и дал Сергею тысячу долларов...

Сергей принёс их Толе в ресторан «Саппоро»:

— Толя, на тебе твои деньги на ремонт твоей машины, от Лазаря...

— Куда мне столько? На них можно второй «Ниссан Лаурел» купить, пятнадцатилетнего возраста, как мой, а не только бампер отремонтировать, — оторопел Толя и по-божески поделился с Сергеем, дал ему половину суммы — за то, что тот с честью выполнил функцию блюстителя порядка, которую блюстители порядка выполнить отказались. А себе Толя взял вторую половину суммы. И отремонтировал свой бампер за сто долларов, а четыреста, так сказать, «наварил», получил за моральный ущерб. ...Их он добавил до тиража своей компакт-кассеты «Время нежностей» с песнями о любви на разных языках, в том числе и на японском и на русском, которую выпустил в 1996 году.

Нина КРАСНОВА

17 октября 2014 г.,
Москва

* Эту историю от Толи Шамардина я когда-то знала, помнила, но подзабыла. А вчера Толин сын Олег Шамардин, отличный музыкант-клавишник, который в 90-е годы работал со своим отцом в японском ресторане «Саппоро» и играл там музыкальные пьесы на «Ямахе», пересказал мне со свойственным ему, как и Толе, юмором и с кое-какими подробностями эту историю, и таким образом напомнил мне её, и я решила записать и записала всё это своими словами. — Н. К. 17.10.2014, 19:37.

***Истории от Анатолия Шамардина, записанные Ниной Красновой
от лица Нины Красновой***

«ВЫ НЕ МЕНЯ ЛИ ЖДЁТЕ?» — «БОЖЕ УПАСИ!..»

1.

Я попросила своего друга, певца и композитора Анатолия Шамардина, лёгкого на подъём и скорого на ногу, встретиться в метро «Перово» с одной авторшей «Эоловой арфы», Еленой Олейниковой, дебютанткой, и передать ей пачку 5-го выпуска, в котором напечатаны её стихи.

— Елена, — сказала я Елене по телефону, — приезжайте на станцию метро «Перово». Вам передаст пачку «Эоловой арфы» певец и композитор Анатолий Шамардин, автор «Эоловой арфы» и мой помощник. Ждите его в центре зала, около скамеек.

— А как я узнаю его, что это он? — спросила Елена, готовая встретиться если не со мной, то с ним.

— К Вам подойдёт этакий «джигит в годах», в греческой соломенной шляпе с цветной лентой из разноцветных бляшек по окружности тульи и с дыркой на высокой передней части шляпы... эта шляпа раритетная. Он привёз её недавно со своей исторической родины, с острова Кос, и очень любит её и дорожит ею, хотя она уже поизносилась, поистрепалась и на ней появилась дырка.

— Шляпа с дыркой — это хорошая опознавательная примета! — засмеялась Елена, не лишённая чувства юмора и наделённая им в полной мере.

— А в руках у него будет пачка альманаха «Эолова арфа»... или нет... не в руках, а на тележке с колёсами, на серебряной английской тележке.

— У нас получается настоящий детектив...

— И завязывается таинственная интрига...

— Да!

— А как он узнает Вас, что это Вы? Вы в чём будете, Елена?

— Я буду в оранжевой майке, с короткой каштановой стрижкой... и с очками от солнца на голове...

— Девушка в оранжевой майке и джигит в соломенной шляпе с дыркой на тулье встречаются в метро «Перово»... — начала я развивать сюжет детектива...

2.

В 16:30 по московскому времени Анатолий Шамардин, «джигит в годах», в экзотической греческой соломенной шляпе с дыркой на тулье, в свободных чёрных сатиновых штанах с накладными карманами на молниях и в полосатой красно-чёрной рубашке, концы которой были завязаны пляжным узлом, держа в руке английскую тележку, на которой лежал таинственный свёрток, перетянутый резинками, спустился на платформу станции метро «Перово». Быстро огляделся и увидел в центре зала невзрачную женщину лет сорока — пятидесяти, про которых Михаил Зощенко писал когда-то, что такие в каждом троллейбусе «езжают» и что таких в каждом троллейбусе — по дюжине (сегодня он, наверное, написал бы, что в каждом вагоне метро). Она была в оранжевой майке, с короткой причёской, торопливо шла к скамейке и при этом оглядывалась по сторонам — искала и ждала кого-то

— Вы случайно не меня ли ждёте? — спросил у неё Анатолий с улыбкой.

— Боже упаси! — почему-то испуганно воскликнула женщина в оранжевой майке. Наверное, она подумала, что он сейчас будет клеиться к ней, И, наверное, она приняла джигита в шляпе с дыркой за бомжа?

...И в это же самое время к нему подошла полноватая молодая женщина в оранжевой майке, с каштановой короткой стрижкой и с очками от солнца на голове... и с радостью на лице... Елена Олейникова:

— Здравствуйте! Вы — Анатолий Шамардин? Слава Богу! Вы пришли! Я жду Вас!

И он дал ей пачку альманаха «Эолова арфа» и добавил в подарок к «Эоловой арфе» свою компакт-кассету «Время нежности», на которой он поёт своим золотым голосом лирические песни о любви...

*8 августа 2012 г.,
Москва*

МАЭСТРО АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН В ДОМЕ АРХИТЕКТОРА НА ГРЕЧЕСКОМ ПРАЗДНИКЕ ОХИ

Есть у нас такие эстрадные певцы, «звёзды» нашей отечественной маскультуры, нашей отечественной попсы, которых знает вся страна, и знает не потому, что они такие уж хорошие певцы, а потому что они не слезают с экранов ТВ, светятся там каждый день, на всех телеканалах. Причём многие из них (если не все) от природы не имеют ни голоса, ни слуха и не могут спеть «живьём», без микрофона и аппаратуры, ни одной песни и поют только под «плюсовую» фонограмму. И какой телеканал ни включишь — они там, тут как тут, и днём, и ночью. Я иногда думаю: живут они там, что ли, днюют и ночуют? И ничего больше не делают, а только всё время снимаются и снимаются на ТВ, и настолько всем примелькались и надоели, что их уже видеть никому не хочется, а они всё равно лезут и лезут на телеэкран, и навязывают и навязывают себя зрителям, как будто кроме них у нас в стране и певцов нет, а есть только они, самые лучшие из всех...

Солист оркестра Леонида Утёсова 70-х годов, осколок этого оркестра, российский потомок понтийских греков, Анатолий Шамардин — как раз не из тех певцов, которых знает вся страна, а из тех, которых вся страна не знает, а знает его только часть неширокой публики в музыкальных и литературных кругах Москвы и часть публики за пределами Москвы. И только потому, что он не выступает на ТВ, не светится и не мелькает там. Но зато кто знает этого певца, тот знает, чего стоит он и чего стоят наши «звёзды телеэкрана», в которых спонсоры вбухивают сотни тысяч долларов, чтобы раскрутить их на всю катушку, а эти «звёзды» на самом деле не стоят ничего (по крайней мере не стоят тех денег, которые в них всаживают их далекие от искусства спонсоры, не способные отличить хорошее от плохого).

На днях Анатолий Шамардин со своей музыкальной группой «Милос» выступал в Доме архитектора на греческом празднике ОХИ, от Греческого Общества Москвы. Пел там греческие песни — разумеется, «живьём», под гитары, бузуки и мандолину. И показал, «каких Платонов и... Невтонов» может «Российская земля рождать»...

— Таких певцов нет даже в Греции, в которой всё есть! — говорили покорённые его сладкозвучным тенором греки, которые присутствовали на празднике в Доме архитектора.

А юные гречанки Москвы, представительницы российской греческой диаспоры, родственницы античных богинь, которые раньше никогда не слышали этого певца, бежали к нему на сцену и говорили:

— Маэстро! Спасибо Вам за Ваше искусство!

31 октября 2011 г.,
Москва

«РУССКИЙ СМЕХ» С АНАТОЛИЕМ ШАМАРДИНЫМ

Ночью — не помню какого числа и месяца — 2011 года мне позвонил Валерий Золотухин, который никогда не звонил мне ночью, и с несвойственной для него шепелявой дикцией и с какими-то не своими — не с энергичными, а расслабленными — интонациями в голосе, еле ворочая языком, сказал:

— Нина, я шломал шебе шелюсть (упал в Театре на Таганке со штупенек)... а утром я должен ехать от журнала «Юношть» в Нижний Новгород на фештиваль «Русский смех», выштупать там. Скажи Валере Дудареву (главному редактору журнала), что я не сшмогу поехать... объясни, пошему... И съезди туда вмешто меня... чтобы не подвешти «Юношть» и не шорвать программу.

— А может быть, пусть лучше Толя Шамардин съездит вместо тебя?

— Ешли он шоглашитша и ешли шможет быштро шобраться, пушть Толя едет вмешто меня, пушть выштупит там, шпоёт швои пешни... Попроши его... Вше будут от него в вошторге!

...Я на подъём тяжеловата, хотя многие почему-то думают, что я лёгкая, как порхающая между цветами бабочка, а это далеко не так, а вот Толя Шамардин на подъём легок и всегда готов ехать выступать куда угодно. И утром он взял с собой свою гитару в чехле, минусовки, кофёр с концертным нарядом и поехал на поезде с членом редколлегии «Юности» поэтом Ярославом Литвиненко в Нижний Новгород, вместо Валерия Золотухина, на фестиваль «Русский смех».

...Приезжает туда... а его там не ждали, как на картине «Не ждали», а ждали Валерия Золотухина, известного на весь мир и на всю страну, и сделали ему, не Шамардину, а Золотухину, рекламу, и развесили

по всему городу цветные афиши с его лицом... и в каждой афише написали: в фестивале принимает участие Валерий Золотухин. А вместе него приехал... некто Анатолий Шамардин, имя которого мало что говорило организаторам фестиваля, если не сказать, что оно не говорило им ничего, да ещё он с такой нерусской внешностью, «кавказской национальности», и приехал участвовать в фестивале «Русский смех», вместо самого Валерия Золотухина, и в этом уже заключался какой-то юмор.

— У нас в программе стоит Золотухин! — сказали они обескураженно, — а вас в программе нет.

— Золотухин послал меня вместо себя. Он считает, что я выступлю не хуже его, он никого не смог найти в Москве лучше меня, кто мог бы заменить его, — со свойственным Толе юмором сказал Толя. — Когда вы услышите меня, вы поймёте, о чём я говорю, и будете от меня в таком же восторге, как Золотухин.

Организаторы приняли слова Толи за шутку. И заулыбались недоверчиво. Но, как говорится, в каждой шутке — только часть шутки.

...Когда Толя Шамардин в своём раритетном бархатном чёрном пиджаке старинного пошива, каких сейчас ни в одном супермаркете не найдёшь и ни за какие деньги не купишь, худенький, подтянутый, подвижный, артистичный, со своей нерусской экзотической внешностью, вышел на сцену под открытым небом, улыбнулся зрителям своей доброй лучезарной улыбкой и окинул всех своими карими глазами с горящими в них искорками и сказал:

— Вы ждали Валерия Золотухина, а вместо него к вам приехал я! Прошу любить и жаловать (меня)! Я постараюсь не разочаровать вас! — зрители засмеялись весёлым русским смехом, соответствующим названию фестиваля, и настроились на весёлую волну. А Толя продолжал в том же духе: — Сейчас я спою вам свою песню на стихи Нины Красновой «Я не пью и не курю»! По-моему, в этом названии уже содержится юмор и русский смех, потому что мало кто у нас в России сейчас не пьёт и не курит... даже среди женского пола, увы. А героиня этой песни — россиянка — к счастью, и не пьёт, и не курит, как и сама поэтесса Нина Краснова! И хотя песня эта от женского лица, я спою её вам и от своего лица, тем более, что я тоже не пью и не курю! Поэтому видите, какой я молодой, хотя я уже джигит в годах! — зрители за-

аплодировали ему изо всех сил и засмеялись одобрительным русским смехом. — А вы можете подпевать мне и танцевать!..

И Толя запел эту песню с таким задором и куражом, что зрители прямо сидя на лавках начали танцевать, ритмично притоптывая ногами и взмахивая руками и покачиваясь из стороны в сторону, а некоторые вышли к сцене и танцевали прямо там, и молодые девушки и молодые дамы... а Толя пританцовывал на сцене...

Потом он спел им нашу с ним хороводную песню фольклорного характера «Сон под пятницу», где есть такие слова: «Мне приснился сон под пятницу: /«Я надела белу платицу / С вышивкой по рукавам / И пошла на вечер к Вам»...»... И сказал:

— В этой песне нет ни одного слова о русском патриотизме, но я считаю, что это патриотическая песня, потому что в ней видится красивый, наивный и милый образ русской девушки в русском платье, и слышится рязанская простонародная русская речь... и всё это очень трогает душу...

Зрители аплодировали ему изо всех сил.

Потом Толя спел ещё несколько песен, в том числе и греческую, и итальянскую, и немецкую... Он не только не разочаровал никого, а покориł абсолютно всех! Зрители аплодировали ему, как звезде мировой величины! И кричали «Браво! Бис!». И организаторы фестиваля тоже! И не отпускали его со сцены. А один старый-престарый дяденька, которому лет девяносто, выполз из массы зрителей на сцену, еле еле взобрался туда, двое молодых людей поддерживали его под руки, и сказал:

— Толя! Я знал тебя пятьдесят лет назад! Ты узнаешь меня? Я тебя сразу узнал! Ты нисколько не изменился с тех пор! Пятьдесят лет назад я работал в Шадринске, литсотрудником в редакции газеты «Ленинское знамя», а ты приносил нам туда свои песни, и мы печатали их! Тебя там все любили за твои песни и за твой голос! А потом ты уехал в Москву! И вот я вижу тебя здесь, в Нижнем Новгороде, на фестивале «Русский смех»! Это такой праздник для меня и для всех, кто здесь есть! Спасибо тебе, Толя! Я и все мы, как ты видишь, от тебя в восторге!!!

Так что нашёлся среди зрителей один такой, который знает Толю, то есть знал пятьдесят лет назад и не забыл его.

...Толя выступал вместо Золотухина и поддержал марку журнала «Юность» как нельзя лучше, выступил с блеском, с фурором. Правда,

не получил за это никакого гонорара, поскольку был вне программы (а значит и вне бюджета «Русского смеха»). Хотя Валера Дударев потом заплатил Толе какие-то символические денежки от редакции журнала, сколько смог. Но Толя никогда не выступал ради денег, а всегда выступал ради своего удовольствия и ради удовольствия своих зрителей, и самой большой наградой для него всегда был восторг зрителей.

...Из Нижнего Новгорода Толя привёз синие пулуискусственные домашние тапки без задников, шлёпанцы, сказал мне:

— Мы с Ярославом ехали в вагоне бизнес-класса, в котором я никогда раньше не ездил, как и ты, там всем пассажирам выдают такие тапки... Причем каждый мог взять себе и не одну пару... Надо было бы мне ещё одну пару таких тапочек прихватить, для тебя... Не догадался я, да и постеснялся, что ли...

Толи уже нет. А тапки эти, кстати сказать, целы. Только уже продыржились. Я сохранию их для музея.

21 августа 2014 г.

Москва

*Истории-байки от Анатолия Шамардина о Леониде Утёсове,
записанные Ниной Красновой со слов Анатолия Шамардина,
вместе с ним*

УТЁСОВ ЭТО УТЁСОВ

(Истории-байки о Леониде Утёсове — от Анатолия Шамардина)

Леонид Осипович Утёсов (настоящее имя — Лазарь — Лейзер — Иосифович Вайсбейн) — советский артист эстрады, певец, тещ, руководитель оркестра, дирижёр, киноактёр, народный артист СССР.

Даты жизни: 9 (21) марта 1895–9 марта 1982.

Родился в Одессе, умер в Москве. Похоронен на Новодевичьем кладбище.

1.

Один бумагомарака, который считал себя писателем, решил поступить в Литературный институт имени Горького, чтобы получить дипломные корочки.

Леонид Осипович Утёсов сказал ему:

— Ты хочешь стать образованным или дипломированным? Если ты хочешь стать образованным, то читай больше книг и станешь образованным. Но для этого вовсе не обязательно поступать в Литературный институт. Горький не учился в Литературном институте имени Горького.

2.

Леонид Утёсов побывал в Колонном зале на вечере, посвященном 60-летию хора Свешникова, и потом вспоминал этот вечер со смехом, как комедийный спектакль, и так и говорил, что это был не вечер, а комедийный спектакль.

— Почему — комедийный? — спросил я у Леонида Утёсова.

— Представь себе большую сцену Колонного зала. На сцену выходят сто хористов, сто мужчин во фраках, в белых накрахмаленных рубашках и в бабочках и хором поют: «Выхожу один я на дорогу...»

3.

Один мужик продавал семечки на одесском рынке. По 15 копеек за стакан. Все другие продавцы продавали свои семечки по 10 копеек, а он свои — по 15. Леонид Утёсов спросил у него:

— А почему ты продашь свои семечки не по 10, а по 15 копеек?

А тот резонно и простодушно ответил:

— А потому что 15 больше, чем 10.

4.

Когда Леониду Утёсову было 75 лет и кто-то спрашивал его:

— А сколько Вам лет?

Утёсов отвечал:

— Без 25-ти 100.

**ПРЕССА И СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ
ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ**

(Часть материалов Нины Красновой после его ухода в мир иной)

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»:

ПАСТЕРНАК ГОВОРИЛ: «ПОЭТОВ ДОЛЖНО БЫТЬ МАЛО...»

(Вечер клуба Кирилла Ковальджи в ЦДЛ)

(...)

Нина Краснова представила залу свой двухтомник «Тайна». Прочитала оттуда строки, посвящённые Кириллу Ковальджи: *«Стихи у Кирилла такие лирические. / Такие они у него кириллические»*. А потом — несколько стихотворений, посвящённых своему другу, певцу и композитору Анатолию Шамардину, ушедшему в мир иной шесть с лишним месяцев назад: *«Ты сладкозвучно песню пел о ямщике. / Слеза слезала по моей щеке...»*, и: *«Я тебя, твою могилку в воскресенье посежу, / У твоей оградки сяду, птичкой певчей посвищу / И тебе одну из лучших новых песен посвящу»*. И сказала: «Раньше я всегда выступала в ЦДЛе вместе с ним, он пел здесь свои песни на мои стихи. И сейчас я хочу, чтобы в исполнении этого Орфея здесь прозвучала одна из них, которую вы все знаете и любите. Пусть здесь, в этом зале чувствуется его присутствие». — И включила на прослушивающем устройстве диск с песней «Сон под пятницу» и, как делала это и раньше, подпела певцу (в микрофон).

(...)

17 ноября 2014 г.,
Москва

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»

«БОГУ БОГОВО, ПОЭТУ ПОЭТОВО...»

(О вечере поэзии в «Библио-глобусе»)

В «Библио-глобусе», на втором этаже, среди высоких и ярких стеллажей с книгами, под эгидой Союза писателей Москвы и Фонда соци-

ально-экономических и культурных программ, состоялся чудесный вечер поэзии, где Александр Себелев сообщил зрителям о том, что в поэзию входит новое поколение поэтов, которые уже покорили Москву и ведут очень активную литературную жизнь: «И некоторые — лучшие из них — присутствуют здесь...». Критик Лола Звонарёва, доктор исторических наук, главный редактор журнала «Литературные знакомства», дала характеристику каждому из этих поэтов, стихи которых вошли в сборник «Новые имена», похвалила поэтов за то, что они пишут хорошим русским языком, и у них есть не только реалии нашего времени, но и дух нашего времени, и что они работают каждый в своем стиле и ищут свои художественные формы.

Затем — с большим успехом! — выступили и сами молодые поэты, участники совещания в Липках, а теперь и не в Липках, студенты Литературного института.

Мария Малиновская... Владимир Коркунов... Борис Кутенков... Ирина Медведева... Зульфия Алькаева...

(...)

Нина Краснова сказала *спасибо* и Маше Малиновской, и Володе Коркунову за их рецензии на её двухтомник «Тайна», где есть и статья Бориса Кутенкова о её «Избранном», и прочитала стихи из своего двухтомника: «Дали поэту в ПАРИЖЕ ПО РОЖЕ, / чтобы поэт выступал в ПАРИЖЕ ПОРЕЖЕ», «Инопланетятнин» (инопланетянину Евгению Степанову), и два стихотворения из цикла «Поминальные свечи», посвящённые певцу и композитору Анатолию Шамардину, сочинявшему песни на её стихи, а закончила она свою программу на весёлой ноте, «Кимрскими мотивами», посвящёнными кимряку Владимиру Коркунову, автору новой книги «Кимры в тексте»: «В Кимрах, в речке Кимерке, / Купались две кикиморки, / И голый, в тине весь в одной, / Ласкал обеих водяной...».

Затем место у микрофона поочерёдно заняли Наталья Черных, Ирина Леонова, Екатерина Селиванова, Александр Кувакин, Григорий Певцов, который сказал, что он недавно был в Париже, но «по рожке» там ни от кого не получил («Не заслужил, значит!» — «Это всё впереди!» — слышались возгласы из зала), прибыла в «Библио-глобус» и гостья из Германии, из Штутгарта писательница Елена Модуль, которая, по словам Лолы Звонарёвой, придала вечеру «международный характер».

А под занавес, соблюдая кольцевой приём в композиции праздника поэзии «Библио-глобуса», молодые поэты прочитали свои стихи по второму кругу, под аплодисменты зала.

7 декабря 2014 г.,
Москва

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»

«ДУШИ ПРЕКРАСНЫЕ ПОРЫВЫ» ВАЛЕНТИНЫ САРЫЧЕВОЙ (О презентации ее книг в библиотеке им. Платонова)

В библиотеке им. Платонова состоялась презентация сразу двух книг стихов Валентины Сарычевой, члена Союза писателей России, председателя литературного клуба «Северное сияние» района Аэропорт САО города Москвы. Одна из них называется «Души прекрасные порывы», вторая — «Следы в сердце». Виновницу торжества почтили своим вниманием представители Управы района Светлана Буткова и Людмила Бутусова, они поблагодарили её за творчество и за энтузиазм, с которым она не только пишет стихи, но и уже много лет руководит клубом «Северное сияние», и преподнесли ей цветы и подарки. Ведущая вечера поэтесса Нина Краснова сказала, что знакома с Валентиной уже 15 лет, помогала ей печататься в журнале «Наша улица» и печатала её в своём альманахе «Эолова арфа» и радуется успехам своей подруги и сестры по перу, человека редкостной душевной чистоты и душевного благородства, которая воспитана на высоких образцах классической поэзии XIX века и на старинных романах и на народных песнях и частушках.

(...)

(...)

А начался и завершился праздник песнями друга библиотеки им. Платонова — «золотого голоса России» певца и композитора Анатолия Шамардина, диски которого принесла с собой Нина Краснова, которая раньше бывала в библиотеке вместе с ним, а теперь приехала с посмертными музыкальными приветями от него. В зале звучали

и песни народов мира на греческом, немецком, итальянском, японском языках в исполнении этого Орфея, и старинные романсы «Тёмно-вишнёвая шаль», «Мой костёр», «Улетела пташечка», и украинская песня «Ехал казак за Дунай», и русские народные песни «Колокольчик», «Степь да степь кругом», «Перевоз Дуня держала», «Пряха», и его собственные на стихи Виктора Бокова, Алима Кешокова, Нины Красновой, и все гости и участники праздника наслаждались этими записями и с удовольствием танцевали и плясали под них, в том числе и сама Нина Краснова и сама Валентина Сарычева, подчиняясь своим «прекрасным порывам» души.

9 декабря 2014 г.,
Москва

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»

ЛИТЕРАТУРА СУЩЕСТВУЕТ «ВСЕМ БЕДАМ НАЗЛО»

В библиотеке-Культурном центре А. Т. Твардовского на Кутузовском проспекте, в уютном, комфортабельном и красивом зале с наряженной ёлочкой прошло совместное мероприятие литературно-поэтического клуба «Пегас» и Союза писателей XXI века — вечер номинантов на Международную литературную премию «Писатель XXI века».

(...)

Нина Краснова прочитала стихи из своего двухтомника «Тайна» — шуточные посвящения собратьям по перу. (...) А затем, по просьбе Евгения Степанова (Президента Союза писателей XXI века), прочитала стихи памяти своего друга, певца и композитора Анатолия Шамардина: «Он — идеал, какого нету идеала. / К тому же он не курит и не пьёт», «И с могилки в знак привета / ты помашешь мне цветком».

(...)

14 декабря 2014 г.,
Москва

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»

О ВЕЧЕРЕ ПОЭТЕССЫ ИЗ ЭЛЕКТРОСТАЛИ ЗУЛЬФИИ АЛЬКАЕВОЙ В ЦДЛ

В ЦДЛ при огнях новогодней ёлочки прошла — и с большим успехом — презентация новой книги Зульфии Алькаевой «По периметру...», выпущенная издательством Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» и названная полустрокой строки «По периметру лет я лета».

«Зульфия Алькаева — яркая и неординарная творческая личность, известная в литературном мире. Она член Союза писателей Москвы, Союза писателей XXI века и Русского ПЕН-клуба. Автор пяти книг стихов. Она и поэт, и эссеист, и критик, и редактор, работает в разных жанрах, и в каждом из них проявляет себя по-своему, — охарактеризовала Зульфию ведущая вечера поэтесса Нина Краснова.

(...)

...музыкальным оформлением вечера стали песни Анатолия Шамардина, «золотого голоса России», друга присутствующих поэтов и Зульфии, звучавшие на диске в начале и в конце вечера: «У Анатолия Шамардина был всего один-единственный концерт в Электростали, в центральной библиотеке, и это был уникальный концерт уникального певца и композитора, с песнями на стихи Нины Красновой, и зрители, которым повезло попасть туда, потом всё ждали, когда же он опять придет к ним, и всё спрашивали: «А когда же мы сможем опять увидеть и услышать этого соловья, этого «волшебника из Москвы»? Но увидеть его они теперь уже не смогут, а услышать смогут только на дисках, которые у них есть. Он собирался написать много новых песен на стихи разных поэтов, может быть, и на мои написал бы, но — увы... Царствие ему Небесное, как и Римме Казаковой, и Вадиму Рабиновичу». Презентация книги Зульфии отчасти превратилась в вечер поминовения дорогих ей друзей, которые ушли в мир иной, каждый по своему периметру.

*23 декабря 2014 г.,
Москва*

РУБРИКА ИМЕНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

«ГОЛОСА И СУДЬБЫ» ЖИВЁТ

(О журнале «Юность» № 8 (703), 2014 г.)

В журнале «Юность» с июня 2014 года появилась новая рубрика — рубрика имени Анатолия Шамардина, которая называется «Голоса и судьбы». Она открылась статьей Игоря Михайлова об Анатолии Шамардине «Так уходило бельканто», об этом друге журнала «Юность», солнечном, позитивном, исключительно талантливом человеке с исключительно трудной судьбой, о нашем отечественном Орфее, золотом теноре, певце мирового класса, к сожалению, не получившем заслуженной всероссийской известности и славы при своей жизни, но оставившем для нас компакт-диски и компакт-кассеты с записями своего голоса и своих песен, которыми мы можем наслаждаться. Анатолий теперь поёт в Раю, среди ангелов, устраивает там сольные концерты для жителей этого Царствия Небесного и знает, что мы на земле любим его и что здесь растёт количество горячих его поклонников и что в журнале «Юность» появилась рубрика его имени, — таких рубрик не было ни в одном журнале за всю историю нашей отечественной культуры.

«В голосах и судьбах» будут печататься материалы о певцах, в том числе о таких, у которых по каким-от причинам не сложилась карьера. В 8-м номере вышел рассказ Николая Тарасова «Секретарь по оргвопросам» — о талантливом сахалинском певце Артуре Дорошенко, драматическом баритоне, который мог бы петь в Большом театре, на большой сцене, но который по иронии судьбы вынужден работать секретарем по оргвопросам при Сахалинском Союзе писателей и петь на вечеринках.

Под рассказом — сноска от редакции «Юности»:

«Анатолий Шамардин (1938–2014) — певец, композитор, солист оркестра Утесова, обладатель уникального бельканто.

Его дар высоко ценила Людмила Зыкина. Долгие годы Анатолий Викторович сотрудничал с «Юностью».

Дар Анатолия Шамардина высоко ценила не только Людмила Зыкина, а и много кто ещё. Но это особая тема. Спасибо «Юности», и пре-

жде всего Валерию Дудареву и Игорю Михайлову, за рубрику имени Анатолия Шамардина, за такую трогательную дань памяти о нём, чему он наверняка «чрезвычайно рад», если говорить его же словами, из его лексикона.

5 декабря 2014 г.,
Москва

НЕКРОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

об Анатолии Шамардине в периодической печати:

Греческий культурный центр «Лица эллинизма». Клуб Ремиосини. «Ушёл Анатолий Шамардин» («...прощай русский соловей»). 27 апреля 2014 г. (добавлено 29 апреля 2014 г.).

«Московский комсомолец», 5 мая 2014 г. Сергей Бычкв. «Где ты, бельканто?».

«Литературная газета», № 18 (6461), 7–13 мая 2014 г. «Утрата», с. 5.

Газета «Слово», № 9 (870), 16–22 мая 2014 г. Нина Краснова. Статья «Ушёл Анатолий Шамардин». Стихи Нины Красновой памяти Анатолия Шамардина, с. 9.

«Независимая газета», Ex libris, 22 мая 2014 г. «Бог взял песнопевца в рай», с. 3.

Журнал «Юность», № 6–2014 г. Игорь Михайлов. «Орфей спускается в царство теней».

Журнал «Дети Ра», № 7 (117) 2014 г. Нина Краснова. «Поминальные свечи Анатолию Шамардину» (стихи), с.31–46.

«Независимая газета», Ex libris, 26 июня 2014 г. Николай Фонарёв (газетный псевдоним Нины Красновой). «Под песни Анатолия Шамардина» (прошёл вечер Союза писателей XXI века).

«Литературные известия», 2014 г. Николай Фонарёв (газетный псевдоним Нины Красновой). «Вечер Союза писателей XXI века прошёл под песни Анатолия Шамардина» (репортаж).

Газета «Поэтоград», № 35 (136) 2014 г. Нина Краснова. «Поминальные свечи» (стихотворение «Утрата, или Плач по новопреставленному певцу и композитору Анатолию Шамардину»), с. 3.

«Независимая газета», Ex libris, 24 июля 2014 г. Николай Фонарёв (Нина Краснова). «Под чай, сок и вино». В журнале «Юность» появилась рубрика имени Анатолия Шамардина), с. 3.

«Независимая газета», Ex libris, 2 октября 2014 г. Нина Краснова. «Сквозь трещину мира» (о частушках, эротике и вечной разлуке), с. 2.

И т. д.

**СТРАНИЦЫ ДНЕВНИКА НИНЫ КРАСНОВОЙ
ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ
(Фейсбук и Живой Журнал 2014 года)**

08.06.2014, 11:00 (Из фейсбука Нины Красновой)

ДУША АНАТОЛИЯ ВСЕГДА БУДЕТ С НАМИ И СО МНОЙ

Каждый раз, когда я бываю на Новосходненском кладбище, на могилке у Толи Шамардина, я обязательно захожу и в храм Преподобного Сергия на территории кладбища и ставлю там свечки за упокой души Толи Шамардина. Храм этот очень красивый, благолепный, но странный и напоминает часовню: во-первых, он очень и очень маленький, всего с одним залом, площадью, наверное два на два, как площадь одной могилы с оградкой, или три на три, там может поместиться всего несколько прихожан, и он почти всегда пустой, за всё время я видела там один раз одного человека, а второй раз — двух человек; во-вторых, там нет священников, которые служат службу, как во всех храмах, и читают молитвы, там есть записанный на фонограмму голос священника, который читает молитвы, причём этот голос — с большим количеством добавленного к нему ревера, эха — звучит оттуда-то сверху, как с небес... И у тебя (у меня) возникает ощущение, что ты общаешься с незримым Господом Богом, один на один, и он видит тебя, хотя ты его не видишь.

А когда я пришла туда 5 июня, в День Сороковин Толи Шамардина, я первый раз за всё время встретила там священника, высокого, с крепким телосложением, но не толстого, а подтянутого, в черной рясе, с черной вьющейся бородой и чёрными вьющимися волосами. «Пересвет... Или Ослябя...» — подумала я про себя. Он оглядывал иконы, которые висели на стенах и стояли около медной прямоугольной подсвечницы с дырочками для свечек и с горящими свечками...

— Батюшка, — сказала я ему, перекрестившись, — сегодня сорок дней, как мы (я и мои близкие) похоронили нашего близкого человека. Его душа сегодня улетит от нас на небо?

— Она улетела туда уже на третий день, и на девятый день, — ответил батюшка.

— Как же так? А мы думали, она ещё здесь? Мы думали, что его душа сегодня последний раз проходит мытарства и потом улетит от нас в Рай?

— Этого никто не знает... Мы ничего не можем сказать об этом точно. Потому что мы ничего не знаем...

— Но она будет прилетать сюда, к нам? Или она улетела от нас навсегда, и навсегда покинула нас? И уже никогда не вернётся к нам? И уже никогда не будет находиться здесь, рядом с нами?..

— Мы ничего не знаем об этом и ничего не можем сказать об этом точно.

...Я-то думала, что батюшки всё знают, по крайней мере об этом, о том, куда девается душа человека, когда он умирает... остаётся ли она здесь с нами и живёт здесь, только уже в параллельном мире, но видит и слышит нас? Или она улетает куда-то такое, в Рай, и иногда возвращается оттуда сюда, на землю, чтобы посмотреть, как мы живём здесь, и помним ли мы этого человека, который умер, и любим ли мы его...

Странный какой попался мне батюшка. Хоть бы утешил меня, сказал бы, как на молитве, как на Литургии, что человек умирает, но душа его не умирает и навсегда остаётся с нами, даже если уже живёт в Раю... что она и оттуда видит и слышит нас и прилетает к нам в гости... И что наступит время, пусть не скоро, пусть после Страшного суда, и этот человек воскреснет, и мы воскреснем, когда умрём, и будем жить жизнью вечной. И все опять встретимся когда-нибудь. А пока будем общаться друг с другом нашими душами. Нет, не сказал мне этого батюшка... Он, наверное, материалист и не верит в жизнь вечную, в жизнь загробную. Но вот я верю в это... и я верю, что душа Толи Шамардина никуда не исчезла и всегда будет с нами, и со мной. И не только потому, что она осталась в его песнях на дисках и кассетах, и в его фотографиях, и в его записных книжках и ежедневничках, и в его телефонных блокнотах, и в его литературных творениях, и в газетах и журналах с его публикациями или с публикациями о нём, и во всех его архивах...

25.07.2014 о 8.07.2014 (Из фейсбука Нины Красновой)

В ЖУРНАЛЕ «ЮНОСТЬ» ПОЯВИЛАСЬ РУБРИКА ИМЕНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Очередные «посиделки» в редакции журнала «Юность» были посвящены памяти певца и композитора Анатолия Шамардина и 6-му номеру «Юности», который открывается цветной фотографией этого «русского соловья» на внутренней стороне обложки и рубрикой «Голоса и судьбы», которая теперь будет носить его имя, о чём сообщается во врезке к ней: «Не стало Анатолия Шамардина. Неповторимого вокалиста оркестра Леонида Утёсова. Дар Анатолия Шамардина очень высоко ценила Людмила Зыкина... Анатолий Шамардин всегда был в центре творческих программ журнала «Юность». В память о выдающемся певце и композиторе редакционная коллегия и редакционный совет «Юности» приняли решение присвоить нашей рубрике «Голоса и судьбы» его имя». Здесь же помещена статья Игоря Михайлова об Анатолии Шамардине «Так уходило бельканто», она проиллюстрирована большим количеством фотографий из фотоархива певца и композитора, среди которых и фотография его мамы, понтийской гречанки из Ставропольского края, и «Толя Шамардин в черкеске с кинжалом», участник фестиваля молодёжи и студентов 1957 года, 19-летний солист северокавказского хора, и «Толя с гитарой, на осле» в родном русско-греческом селе Хасаут, и Анатолий Шамардин с Виктором Боковым, с Николаем Сличенко, с Иосифом Кобзоном, с Ксенией Георгиади, и «Анатолий Шамардин на фоне афиши вечера поэзии», и другие фотографии нашего Орфея, который владел несколькими иностранными языками и с одинаковым удовольствием пел и песни народов мира, греческие, немецкие, итальянские и т. д., и русские песни и романсы, и свои собственные на стихи своих друзей, авторов «Юности», причём музыку он сочинял на готовые стихи, которые сам же и находил и выбирал в книгах, по своему вкусу, а литературный вкус у него был безупречный, как и чувство языка и стиля.

Анатолий «частенько приходил в «Юность», чтобы простодушно похвастаться новой песней (например, «Жёлтыми заборчиками» или «Запахом пижмы с косогора» на стихи Валерия Дударева или «Селезем и уточкой» и «Сном по пятницу» на стихи Нины Красновой). «Всех

своих знакомых и друзей он встречал с неизменной лучезарной улыбкой» и со словами «Очень рад (я очень рад тебе, вам)!... «Толя был просто пронизан теплом и радостью, как будто впитал все эти чувства из песен», которые он пел. «Никто никогда не видел его унывающим», хотя у него было много тяжёлых проблем в жизни. «Даровав ему необыкновенный талант, Всевышний отнял у него возможность устроить свой быт, заработать на хлеб». Квартиру наш соловей получил лишь два года тому назад, а до этого «скитался по съёмным квартирам» и «работал за символические гонорары («в основном в ресторанах», хотя сам не пил и не курил, как в своей песне «Я не пью и не курю»). «Он похоронен на Новосходненском кладбище». Но его песни «живые и свежие, словно цветы поклонников на его скромной могиле», останутся с нами навсегда. «До свидания, бельканто! Солнце сладостного пения закатилось на Сходне. Орфей спускается в царство Аида, и звуки кифары пробуждают в наших сердцах всенепременную и бесконечную любовь!»*

...На вечере памяти Анатолия, на «посиделках» в «Юности», в приятной неофициальной, домашней атмосфере, — за столом с самоваром, с ароматным чаем, с пряниками и сухариками, с пастилой, с яблоками и грушами, с бутербродами и с красным вином и персиковым соком — выступили главный редактор «Юности» поэт Валерий Дударев, замредактора писатель и критик Игорь Михайлов и их товарищи по перу Нина Краснова, Николай Железняк, Генрих Палоян, Игорь Рутковский, Юрий Поклад, Ильдар Абузяров, Евгений Степанов. Все они — каждый от своего лица — говорили об Анатолии всё самое хорошее, рассказывали свои — в основном весёлые — истории и эпизоды, связанные с ним. И слушали диски с его песнями и читали статью о нём, которой он наверняка был бы (или есть?) рад, как и рубрике в его честь.

* Абзац с использованием цитат из статьи Игоря Михайлова «Так уходило бельканто». «Юность», № 6, 2014.

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев (некоторые):

Галине Богачеко, Марьяне Неймети, Александру Вепрёву, Надежде Кузнецовой, Евгению Истомову, Александру Ирбе и другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка! Это хорошо, что тебя окружают такие хорошие друзья! И очень хорошо, с чем тебя и поздравляю, что в «Юности» рубрика будет носить имя Анатолия Шамардина! Спасибо, что ты рассказала об этом событии. И фото очень красивое, как и ты, и Женя Степанов, и другие!

Нина Краснова: Да, дорогая Клава, что было бы, если бы не было таких друзей! Жалко, что Толя Шамардин не знает об этом событии. Как бы он порадовался! А может быть, он всё знает, Клава? И радуется, находясь в каком-то другом мире и в другом измерении?

Галина Йонаш: Ниночка, дорогая! Я давно Вам говорила, что он — все знает, и Вы — будете общаться, и Вы — нужны, чтобы чистый голос Анатолия звучал, что еще много нужно сделать, что он огорчается, когда Вы плачете. Разве, не помните?

Нина Краснова: Да, Галечка Йонаш, дорогая, Толя, конечно, всё знает. И, наверное, мне надо перестать плакать о нём, чтобы не огорчать его. Но, может быть, он радуется, что я о нём плачу? Он сам всегда тоже расстраивался и плакал, даже если кто-то из совсем чужих и неизвестных ему людей умирал. У Толи слёзы сами собой на глазах появлялись, помимо его воли. Он был очень чувствительный и очень переживательный.

Нина Краснова: ...Толя Шамардин был очень трепетный и в шутку называл себя «трепетУтный», а меня он называл «трепетУтная».

Из фейсбука Надежды Кондаковой 15 ноября в 20:52

Евгений Баратынский

* * *

Не ропщите: все проходит,
И ко счастью иногда
Неожиданно приводит
Нас суровая беда.
И веселью и печали
На изменчивой земле
Боги праведные дали
Одинакие криле.

2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ВОСКРЕС!.. НА СВОИХ ФОТОГРАФИЯХ

...Вчера я случайно нашла у себя в своём обширном фоторхиве на жёстком диске две, очень дорогие для меня, фотосессии с Толей Шамардиным, две последние в его жизни фотосессии, которые у меня потерялись несколько месяцев назад и которые я никак не могла найти у себя и очень переживала и расстраивалась из-за этого и уже думала, что никогда не найду их. Но, как говорил Толя Шамардин, который постоянно что-то терял, а потом находил: «У нас ничего не теряется!» Слава Богу!

Когда я нашла две эти фотосессии, две папки с фотофайлами, на которых сохранён образ Толечки в окружении наших с ним друзей, я так обрадовалась, как будто Толя воскрес из мёртвых!!!!!!! А может быть, это он и помог найти мне их, подсказал, как и где их искать (в каких-то таких глубинах моего компьютера, на жёстком диске, в которые я никогда не залезала)?

Одна фотосессия — за 15 марта 2014 года, сделанная в день моего рождения, который мы отмечали с Толей и нашими друзьями сначала в Театре на Таганке, а потом в азербайджанском кафе «Шеш-беш».

А вторая — за 3 апреля 2014 года, сделанная на вечере памяти нашего с Толей друга, кинорежиссёра, оператора, сценариста и писателя Христофора Триандафилова.

Хорошо, что я не успела тогда же отсортировать их, выбрать самые лучшие из них, а прочие «удалить в корзину». Теперь они дороги мне все до единой, даже самые неудачные. Теперь они для меня все — как святые иконы. Потому что на них запечатлён живой Толя Шамардин!!! Который всегда и будет живым для меня и для всех, кто его знал и любил.

1. На фото: Шамиль Хазиев, Елена Хазиева, Нина Краснова, Анатолий Шамардин. Театр на Таганке. 15.03.2014. День моего рождения.

2. На фото: Шамиль Хазиев, Нина Краснова и Анатолий Шамардин. Театр на Таганке. 15.03.2014. День моего рождения.

Здесь мы все радостные. Я сижу вся в подарках. А 30 апреля мы с Шамилем Хазиевым и его женой Леной будем хоронить Толю на Новосходненском кладбище.

3. На фото: певец и композитор Анатолий Шамардин в кафе «Шеш-беш» около Театра на Таганке отмечает со мной и с нашими друзьями день моего рождения. 15.03.2014. Фото Нины Красновой.

В «Шеш-беше» была очень красивая витрина с южными дарами природы — с арбузами, тыквами, дынями, виноградом, яблоками и грушами южных сортов, которые лежали на крепких деревянных полках... Я сказала Толе: «Толь, сядь рядом с этой витриной. Как будто ты привёз всё это с Кавказа в Москву, на большой подводе, и собираешься продавать или просто угощать всех этими дарами природы. Я сфотографирую тебя». — Толя засмеялся, сел, и я сфотографировала его.

22.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОЭТЕССА ГАЛИНА БОГАПЕКО В ГОСТЯХ У НИНЫ КРАСНОВОЙ

1.

3 июля мы с Галиной Богापекко договорились встретиться и встретились в метро «Перово», в центре зала, в 5 часов дня, и она подарила мне свою новую книгу «Очевидное как невероятное», которая вышла в издательстве «Спутник». Я в этот день ждала машину, которая должна была привезти мне со Сходни последнюю часть архивов моего друга Анатолия Шамардина, который три месяца назад покинул этот свет, но машина обещала приехать только к ночи, и я пригласила Гаю к себе домой в гости, на чай с пастилой и конфетами «Коровка», раз уж она оказалась в моём районе, в Перове, тем более, что она ещё ни разу не была у меня. По дороге ко мне, на улице 2-й Владимирской, Галя завела меня в продовольственный магазин «Дикси» и накупила мне к столу целый мешок продуктов, включая салат оливье, чипсы, энергетическую смесь с изюмом и марципанами, персики, бутылку минеральной воды «Ессентуки» и т. д., потому что «не привыкла ходить к кому-то в гости пустая», как она объяснила мне, и потому что она захотела просто устроить мне праздник, зная, в какой «хронической скорби»* и печали я пребываю после смерти Толи Шамардина, даже похудела на десять килограммов.

Когда мы ступили на тропинку между деревьев, которая вела к моему дому, я сказала Гале:

— Давай сфотографируемся с тобой здесь, среди красивой летней природы, для истории?

— А кто нас сфотографирует? Вокруг нас нет ни одного человека.

— Сейчас Бог пошлёт нам кого-нибудь...

И только я сказала это, как на нашем горизонте появилась невысокая дама в белом, и любезно согласилась сфотографировать нас. Причём она оказалась профессиональным фотографом, которая как раз шла с работы, из какого-то супермаркета, который она фотографировала целый день, сделала там триста кадров, и сделать ещё два-три кадра с нами ей не составило большого труда.

* «Хроническая скорбь» (по Толе Шамардину) — выражение Тамары Жирмунской, так она в своём письме ко мне определила состояние, в котором я нахожусь. — *Н. К.*

2.

Праздник, который захотела устроить мне Галя Богапеко, получился отличным праздником души, пиршеством духа. Это был вечер памяти Толи Шамардина и презентация Галиной книги «Очевидное как невероятное».

Мы говорили о Толе, о его последнем концерте в редакции журнала «Юность» 7 марта, на вручения премий. Я тогда оказалась без фотоаппарата, как без рук, забыла дома батарейку, которую поставила на подзарядку, но Галя взяла с собой свой фотоаппарат, и только поэтому у нас теперь есть фотографии того вечера, и среди них одна самая весёлая, где Толя и Галя сидят за столом в обнимку и смеются, и каждый держит в пальцах красную ягоду клубничку...

— А ты чувствуешь? Толя сейчас здесь с нами... Он рад, что мы говорим о нём... Его душа с нами... — таинственно сказала мне моя гостья.

— Да. И он смотрит на нас со своих портретов, которые висят на витрине шкафа, и улыбается нам.

3.

И, конечно, мы с Галей Богалеко читали вслух её новую книгу «Очевидное как невероятное». Там есть стихи, посвящённые поэтам — Блоку, Цветаевой, Есенину, Маяковскому, Пастернаку, Тарковскому, Ахмадулиной, Ковальджи, Людмиле Щипахиной, Анне Гедымин и т. д.

И, кстати сказать, в этой новой книге Галины Богалеко есть и стихи, посвящённые Нине Красновой:

Галина Богалеко

МАТРЁШКА-ЖАР-ПТИЦА

Нине Красновой

Матрёшки-Жар-птица –
От крупной до самой малюсенькой
Гуляют в лесу травянистом,
Некошеном, грустном.

Они разбежались
По разным театрам и сценам
С вечерним пожаром
Зари, к выступлениям ценным...

Но к ночи они соберутся –
В темь.
Но к ночи они обернутся
Все семь
В одну Матрёшку-Жар-птицу,
Вобравшую дух
Веселья, смятенья Столицы...

И не будет вокруг
Скоморошных и грустных,
И просто туманных сцен...
А в доме пусто,
И лишь –
Картинки со стен...

Но это твой дом,
Матрёшка-Жар-птица-Царица,
И в нём в окоём
Твой взгляд лучезарный стремится

Туда, где всегда
Ты находишь Его отраженье.
Ты помнишь, когда
Было первое это смущенье...

Ты помнишь и ту
Подведённую жизнью черту,
Когда Он ушёл
И оставил свой след на ходу...

Но ты зажигаешь
И даришь, и даришь себя,
Родная Жар-птица –
Матрёшка весеннего дня.

23.07.2014. ФБ

4.

— В этом стихотворении я задолго до того, как Толя Шамардин ушёл из земной жизни, предсказала, неожиданно для самой себя, что он скоро уйдёт и у тебя в доме останутся только его портреты:

А в доме пусто,
И лишь –
Картины со стен...

Твой взгляд лучезарный стремится
Туда, где всегда
Ты находишь Его отраженье...

Ты помнишь и ту
Подведённую жизнью черту
Когда Он ушёл
И оставил свой след на ходу...

Я перечитала эти стихи вслух и заплакала, и посмотрела на портреты Толи, которые висят у меня на витрине шкафа и на которых он улыбается своей лучезарной улыбкой... А Галя стала утешать меня своими же стихами:

Но ты зажигаешь
И даришь, и даришь себя,
Родная Жар-птица –
Матрёшка весеннего дня.

В этот вечер мы с Галей выпили за Толю Шамардина и за её книгу всю пластмассовую литровую бутылку минеральной воды «Ессентуки», которая оказалась очень вкусной, слегка подсоленной и потому особенно приятной в жару. На столе стояла также «Медова з перцем», но к ней мы даже не прикоснулись.

8.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

25.06.2014, 15:44

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПЕРЕЕЗЖАЕТ СО СХОДНИ В ПЕРОВО

Друзья познаются в беде. Думала я, думала, как мне перевезти к себе домой архив и вещи Анатолия Шамардина, моего самого близкого и самого любимого человека за последние двадцать с лишним лет и за всю мою жизнь, золотоголосого песнопевца и изумительнейшего композитора-мелодиста, автора песен на стихи разных современных поэтов и на мои стихи, неожиданно покинувшего этот свет 27 апреля, на Красную горку, как мне спасти его архив, его вещи, рукописи, фотографии, газеты и журналы с его публикациями и с публикациями о нём, его книги, его диски и кассеты, его документы, чтобы всё это не ушло на помойку, и я начала разбирать и систематизировать всё это у него дома на Сходне и перевозить к себе в Перово пока что на руках, на тележке и в сумках, частями, пока кто-то (кто-то, кого пошлёт мне Бог) не сможет перевезти мне всё это на машине. Есть у меня несколько друзей, которые готовы сделать это, когда будут более-менее свободны, но сей-

час они сильно заняты. И вдруг позвонила мне поэтесса Ирина Алексеева, с которой мы знаем друг друга лет тридцать, но нельзя сказать, что мы с ней такие уж подружки на каждый день, мы не перезваниваемся с ней и видимся очень редко, иногда на каких-нибудь вечерах в ЦДЛе, а иногда на «посиделках» в редакции журнала «Юность». И она сказала: «Нина, завтра мы с Володей Мещеряковым приедем на машине к тебе (к Толе домой, на Сходню, где я сейчас нахожусь), и поможем перевезти вещи Толи Шамардина». Ирина живёт не в Москве, а в Подмосковье, в Запрудье, только что вернулась из Питера, где выступала по ТВ, Володя тоже живёт не в Москве, а аж в Воскресенске. И вот они оба вчера приехали ко мне на Сходню, пробиваясь через страшные пробки и путаясь в маршрутах и потеряв на этом несколько лишних часов, и помогли мне погрузить в машину, не в грузовик, не в «Газель», а в небольшое «Рено», и перевезти в Перово всё, что влезло в багажник и в салон машины (влезло туда не всё, но много чего). Вот это, я понимаю, друзья! С неба свалились! Сам Бог послал мне их!

Мы сделали с ними застольный присест на Сходне, пообедали вместе, варёной картошкой с огурцами, помидорами и бутербродиками с «купеческой» колбаской. Выпили чаю с пастилой, а когда приехали в Перово, сделали присест в Перове, поужинали вместе... И, естественно, поговорили о жизни, о литературе, об искусстве и помянули Толеньку Шамардина добрыми словами и напитками (Ирина, поскольку она за рулём, минеральной водой «Легенда гор», а мы с Володей — рюмками украинской «Медовой з перцем») и послушали в исполнении Толи золотые шлягеры народов мира, в записи на диске... Толя смотрел на нас со своих портретов и улыбался нам своей лучезарной, открытой улыбкой и радовался...

9.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«И БУДЕТ КРАСНО СОЛНЫШКО У НАС НАД ГОЛОВОЙ...»

1.

6 июля, в воскресенье, я последний раз разбирала архивы Анатолия Шамардина у него на Сходне и последний раз ночевала там, в пустой квартире. Перед сном положила себе под подушку зеркало и попроси-

ла Толю: «Приснись мне и скажи мне что-нибудь... чтобы я знала, что ты жив, только находишься не на этом свете, а на том, в каком-то другом мире, в каком-то другом измерении, и что душа твоя жива и что она не теряет связи со мной и видит и слышит меня».

Мне приснился его голос. Приснилось, что я хочу позвонить Толе по мобильному телефону, но не знаю, куда теперь звонить, тем более, что и его телефон теперь у меня, а у Толи нет никакого телефона. И едва только я подумала о том, что я хочу позвонить Толе и хочу, чтобы он оказался на связи со мной, как услышала его голос: «Алло!» — и поняла, что между нами существует беспроводная связь, телепатическая, энергетическая, такая, для которой не нужен мобильный телефон, и никакая техника не нужна. Я захотела спросить у Толи: «А что же теперь будет, когда я нахожусь здесь, на этом свете, а ты на том?» — И он услышал меня, услышал то, что я хотела спросить, и ответил мне строкой из своей последней новой песни на мои стихи: «И будет красно солнышко у нас над головой...»

2.

7 июля, в понедельник, мы с Тamarой Королёвой, однокурсницей Толи Шамардина, которая была его студенческой любовью, как и он был её студенческой любовью, ездили к Толе на могилку, на Новосходненское кладбище, от «Речного вокзала», на автобусе 370, который идёт почти до самого кладбища и не доезжает до него примерно полкилометра. По дороге туда мы забрели в дикий малинник и съели по несколько ягодок малины, которая оказалась у нас перед глазами, и решили, что это Толя, радуясь нам, захотел угостить нас ягодками, и нарвали для Толи луговых цветочков — веточек с голубым цикорием, жёлтой сурепкой, сиреневой медуницей, клевером и с белыми ромашками... А около ворот кладбища купили Толе ещё и маленьких искусственных букетиков, розовых, желтых и синих... и украсили ими могилку, положив луговые цветочки ему «в голова», а искусственные букетики воткнув в землю. И ещё мы купили красную лампадку в форме стеклянной баночки с золотой крышкой и зажгли эту лампадку и поставили её около венков и около креста, в «ногах» у Толи. А потом расстелили на траве, среди больших, темно-зелёных лопухов, скатерть-самобранку и целый час или целых два часа сидели и общались с Толей

и говорили ему всё, что было у нас на уме и на языке и на душе и рассказывали ему хорошие новости, касающиеся его, и читали ему вслух Эклибрис — мой напечатанный там материал «Под песни Анатолия Шамардина прошёл вечер Союза писателей XXI века», и передавали Толе приветы и поклоны от его друзей, поклонников и поклонниц, в том числе и от фейсбуковцев, и поминали Толю коньячком и квасом с закусками, с бутербродиками, с пирожками, со свежими помидорчиками, с домашними маринованными огурчиками. И всплакнули о нём, конечно, — чистыми слезами. И я рассказала Тамаре свой сон, где Толя сказал мне «алло», то есть вышел со мной на связь, и сказал, что «будет красно солнышко у нас над головой».

— А смотри, Тamar... Мы сидим, общаемся с Толей, своими душами с его душой, находимся с ним на связи, а у нас над головой светит красно солнышко. Про это самое солнышко Толя и говорил мне во сне? Может быть, не только про это, но получается, что и про это... «И будет красно солнышко у нас над головой».

— Да, вон оно, красно солнышко, у нас над головой.

— Мы находимся на «территории Солнца»...

...Мы с Тамарой зашли в вагончик администратора кладбища и заказали для Анатолия Шамардина оградку, чтобы огородить его «территорию» с его последним пристанищем и с красным солнышком.

КОМЕНТАРИИ фейсбуковцев:

Зульфии Алькаевой, Фазиру Муалиму, Марине Ахмедовой и многим другим это нравится

Идиллия Фомичёва: Ниночка, а Вы молодчина, что помните и не забываете Анатолия. Я, когда мне грустно, слушаю его композиции с большим удовольствием, которые Вы мне прислали. Спасибо. 9 июля в 17:14

Нина Краснова: Дорогая Идиллия! Как же я могу забыть Анатолия Шамардина, когда мы с ним 20 с лишним лет шли по одной дороге жизни и творчества и он любил меня больше всех на свете и как поэтессу, и как самого родного и самого дорогого ему человека, а я его — как певца и композитора и автора песен на мои стихи, и тоже как самого родного и самого дорого мне человека, которому никогда и ни в чём не будет замены. Спасибо Вам за Ваши душевные слова обо мне и о нём и о его песнях, которые Вы слушаете с удовольствием, чему я очень рада и чему он тоже очень рад, находясь далеко от нас, в мире ином. 9 июля в 18:03

Галина Богачеко: Дорогая Ниночка, прекрасное фото! Вы всё хорошо устроили! Столько цветов и ограду заказали! Толя рад... 9 июля в 18:30

Идилия Фомичёва: Фотография прекрасная. 9 июля в 19:00

Надежда Кузнецова: Ниночка, я рада, что ты была там с Тamarой, я однажды её видела, симпатичная женщина, привет ей от меня. Толя тебя услышал — это хорошо, знак подал, что он всегда с тобой и с нами, кто его помнит и никогда не забудет. Звонила Валере Илиопулосу, он очень по Толе скучает, говорит, что намечали концерт провести в Геленджике и, вот на тебе... Очень жаль, что скоропостижная смерть Толи так осиротила нас. Я с тобой мыслями и душой. 9 июля в 20:54

Нина Краснова: Наденька, спасибо тебе за всё! Да, Толи Шамардина не хватает всем его друзьям, которые любили и любят его, все мы без него осиротели, и все скучаем по нему. Вот и Валера Илиопулос, с которым у Толи была такая хорошая человеческая дружба, подкрепленная творческой дружбой. Толя мечтал выступить с Валерой Илиопулосом в Геленджике, и меня хотел туда взять, и ты туда подъехала бы из Новороссийска... Жалко, что Толенька не дождался этого, как и многого другого, о чем мечтал. Но он с нами своей душой, и всегда будет с нами. И он знает, что мы любим его, и радуется этому. 9 июля в 22:16

Галина Йонаш: А я рада, что познакомилась и встретила с замечательной, преданной, чистой женщиной Ниной Красновой, которая подарила мне встречу с Анатолием, голос которого, и он сам, — мне теперь, — близкие друзья, кто бы, и что бы ни говорил! Мы — поем и танцуем, вместе с Анатолием ШАМАРДИНЫМ!!! Вчера, в 2:00

Марина Ахмедова: Нина! Я думаю, это связь есть, я и сама ощущала ее, теряя дорогих и близких людей. Ты — очень добрый, хороший, замечательный русский человек. Царство Небесное твоему другу! Вчера, в 2:20 •

Нина Краснова: Спасибо, дорогая Мариночка! Жалко, что нам, как и вообще всем, приходится терять дорогих и близких людей, и нет на этом свете ни одного человека, который не терял бы своих самых дорогих и самых близких. Но я тоже верю, что связь с потусторонним миром и с теми, кто ушёл туда, существует.

Клавдия Лунина: А лампадка у тебя в руках, Ниночка, светится здесь на фото, как красное солнышко! Неутомимая, преданная и любящая у тебя душа! Она сама у тебя, как красное и ласковое солнышко! И я, думаю, что Анатолию там сейчас хорошо! А мы будем молиться за него!

Марина Ахмедова: Нина, я так понимаю всю твою боль. Полгода будет очень тяжело, но ведь наши близкие всегда с нами рядом, даже когда уходят...

* * *

Бог нас соединил, и Бог нас разлучил,
Мы сами б никогда расстаться не посмели...
И только смерть одна из тысячи причин
Намеченной уже не упускает цели.

Кусая губы в кровь, мне надо привыкать
К тому, что на земле нам не сойтись отныне,
И слушать, как бурлит житейская река,
Хоть без тебя теперь мне целый мир — пустыня.

Елена Фадеева: ...Светлая память замечательному человеку... и замечательному певцу! 13 июля в 20:38

Нина Краснова: Светлая память ему, Елена! Хорошо, что он успел подарить Вам свой диск, заметил Вас среди других своих зрительниц.

16.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

У АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА ТЕПЕРЬ ЕСТЬ СВОЯ ОГРАДКА, СВОЁ ЛИЧНОЕ ПРОСТРАНСТВО

1.

В понедельник 14 июля я ездила к Толе Шамардину на Сходненское кладбище, навестила Толю и посмотрела, как рабочие сделали и поставили оградку вокруг его могилки. Оградку, которую я заказывала вдвоём с Тамарой Королёвой неделю назад, они сделали хорошо, ту самую, которую я выбрала среди множества образцов, не «Розу», не «Лиану», не «Пику», не «Снежинку», а «Лозу». Я выбрала её, во-первых, потому, что она ассоциируется у меня с виноградной лозой Святой Нины, а значит со мной, во-вторых, потому что каждая веточка этой лозы напоминает собой перо райской птицы, узорное, с закручивающимися кончиками, то есть ассоциируется с Толей, которого, как обладателя райского голоса, Бог призвал к себе в райский сад в качестве певца-солиста, а в-третьих (или во-первых?), потому что мне «Лоза» понравилась больше всех прочих. Но рабочие придвинули её слишком близко к соседнему участку, и поэтому дверца у неё открывается только наполовину и при этом стучается об соседнюю оградку. Я попросила их

исправить это, то есть передвинуть Толину оградку в сторону сантиметров на пятнадцать. Рабочие обещали передвинуть.

По дороге на кладбище я нарвала букет цветов, которые росли по краям дороги, на этот раз — ярко-жёлтые цветы пижмы... у Толи есть песня на стихи Валеры Дударева «Запах пижмы с косогора»... К пижме я добавила несколько сиреневых мохнатых цветочков медуницы и темно-коричневый камыш на высоком стебле, с узкими листочками, и перевязала букет травой осокой. А чтобы он не завял раньше времени, сходила в конец кладбища и принесла оттуда большую пластмассовую баклажку с водой и туда и поставила свою икебану.

2.

А потом я села на травку около Толи, то есть около его могилки, по-татарски, в своей любимой позе, и сидела и общалась с Толей тет-а-тет часа три, разговаривала с ним как с живым, который слышит меня, рассказывала ему новости, касающиеся его и меня, и рассказала самую главную новость — что в 6-м номере журнала «Юность» появилась рубрика имени Анатолия Шамардина «Голоса и судьбы», которая будет идти из номера в номер, и что под этой рубрикой напечатана статья Игоря Михайлова «Так уходило бельканто» (Орфей спускается в царство Теней), и что статья иллюстрирована фотографиями из Толиного фотоархива, которые я прислала Игорю Михайлову по электронной почте, среди них есть и «Толя с черкеске и с кинжалом», 1957 года, и «Толя с гитарой на осле в селе Хасаут», и Толя с Виктором Боковым, и Толя с Николаем Сличенко, и Толя с Иосифом Кобзоном, и Толя с Ксенией Георгиади, и Толя с афишей вечера Нины Красновой, и самая любимая фотография Толи, классическая, 80-х годов, и ещё одна самая любимая его фотография — Толя в Перове, 2007 года, во дворе, на фоне деревьев, с гитарой в руках, в своей любимой красно-чёрной рубашке, в бежевом клетчатом итальянском пиджаке и в соломенной греческой шляпе. Та же фотография, напечатана и на внутренней стороне обложки журнала... Я вытащила 6-й номер из своей котомки «Дикси» и показала его Толе («Толенька, вот... смотри..») и прочитала ему статью Игоря Михайлова и передала приветы и поклоны от всей «Юности», и от Валеры Дударева...

В небе сияло красно солнышко. Я сидела около Толи, как если бы

у него в гостях, и говорила с ним по душам, душа с душой, на его участка, огороженном узорной оградкой, оплетённом железной чёрной лозой, среди ярких красивых цветочков, розовых, лазурных, жёлтых, белых... и мне было не страшно сидеть на кладбище, около могилы моего золотого друга, около холмика, пригорочка с цветами, и я думала: как хорошо, что здесь вокруг нет никаких туристов, никаких экскурсионных групп, никакого шума, и никто не видит тебя (меня), и никто мешает тебе (мне) сидеть и общаться с Толей... И на меня нашло умиротворение и благодать... И мне даже не хотелось уходить с кладбища... как если бы Толя держал меня и говорил словами романа: «Не уходи, побудь со мною... Везде суматоха и суета, все куда-то бегут... куда-то рвутся... а тут тишина и покой... и гармония души с душой и с природой и с божественными силами...»

Я и пообедала там, сделала себе гамбургеры из «венского сервелата», огурца и помидора, расстелив под них на траве целлофановый пакет, как скатерть... Пчелка села на мой помидор... я отломилла ей кусочек и положила на холмик... За пчёлкой прилетела синяя муха...

Я помолилась о Толе, сказала ему: «Толенька, я с тобой не прощаюсь... Ты всегда со мной...» — и пошла к воротам. Там стояла машина, которой не было, когда я шла к Толе. В машине за рулём сидел кряжистый темноволосый мужчина и две русые девочки. Они подбросили, довезли меня до Сходни... и не взяли с меня ни рубля... Я мистично подумала, что это Толя попросил их позаботиться обо мне, подогнал к воротам «карету» для меня, чтобы я не шла назад пешком целый километр по «бойной» дороге, до автобуса, и чтобы я не ждала автобус, у которого есть своё расписание, но я этого расписания не знаю, и который редко ходит, раз в час или раз в два часа.

...Теперь у Толи Шамардина есть своя оградка, своё личное пространство с оградкой, на которое никто не претендует из его родственников, из тех, что когда-то заняли его квартиру и заставили его тридцать лет скитаться по миру и снимать углы...

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев:

Гонозову Олегу, Александру Гумённому, Надежде Кузнецовой, Валерию Савостьянову, Yelena Litinskaya, Наташе Ульяновой и другим это нравится.

Яннис Кесисов: Уважаемая Нина, Анатолий Шамардин и сейчас счастлив, что его так любят и помнят!!!! 16 июля в 22:19

Нина Краснова: Да, Яннис! Дай Бог, чтобы кого-то любили так, как мы его!!!

Галина Богапеко: Нет слов, Нина, какая ты молодец!

Нина Краснова: Ярославский парень Олег Гонозов! Спасибо Вам и ярославцам за любовь к Анатолию Шамардину, за светлую память о нем! Главный редактор «Юности» поэт Валерий Дударев рассказывал мне, как на очередном Некрасовском празднике 5 июля все грустили об Анатолии, и кто раньше знал, что он ушёл в мир иной, и кто узнал об этом только на празднике. Как наш певун пел там в минувшем году! А как танцевал со старушками, которые стали танцевать под его песни! Он легко спрыгнул к ним со сцены (с высоты в два метра), на лужайку перед сценой, и составил им компанию! И они водили вокруг него хоровод.

Скрыпник Наталия: Нина и Тамара, вам обеим низко кланяюсь за ваши труды по сохранению памяти о замечательном Человеке и Певце! Когда звучал голос Анатолия Шамордина, то казалось поёт соловей. А его незабываемая щедрая улыбка дарила радость всем и каждому! Помянем его добрым словом ещё и ещё раз!

Нина Краснова: Наташенька Скрыпник, спасибо тебе за добрые, светлые слова о нашей птичке певчей, о золотоголосом Толе Шамардине! Как хорошо мы с тобой и с ним и с Шамилом и Леной отмечали мой день рождения 15 марта, сначала на Таганке, а потом в «Шеш-Беше»!

Надежда Кузнецова: Ниночка! 16 июля, я разбирая свой архив в Новороссийске, решила послушать Толин диск «Золотые шлягеры народов мира». Включила «Красивую девушку» — итальянскую мелодию — и расплакалась... Он замечательно пел все песни! И я поняла ещё раз, что к своему голосу он включал прекрасную, открытую для любви к людям душу. Спасибо ему и тебе за Ваш СОЮЗ! Молодцы, что поставили оградку. Целую.

Нина Краснова: Да, Наденька! Я тоже сейчас не могу слушать Толю без слёз, даже такие весёлые песни, как «Красивая девушка». Везде поет его светлая душа, открытая для любви. А любви он недополучил.

Клавдия Лунина: Нина! Замечательная ограда, за которой виднеются русские берёзы! Слава Богу за всё! За то, что ты разговаривала с Анатолием, и что он вместе с тобой радовался новой ограде и красивым цветам!

Нина Краснова: Да, Клава дорогая, я почувствовала, что Толя радуется ограде и красивым цветам! Он всегда мечтал иметь свой уголок на земле, и нашёл его. Но Толя нашёл ещё и уголок в сердце каждого из своих по-

клонников и поклонниц и будет жить там и радовать нас своими чудесными песнями, своим божественным голосом, своими запечатлёнными на бумаге рассказами, историями о своей жизни, своей улыбкой на фотографиях и сам собой!

Галина Богачеко: Да, Нина, Толя всегда и везде будет с тобой...

Галина Йонаш: А теперь и с нами!

Нина Краснова: Да, Галечка! Толя Шамардин теперь будет со всеми нами! И с тобой!

Галина Йонаш: Благодаря Вам, Вашей дружбе, любви и открытому сердцу! Спасибо!

Нина Краснова: Дорогая Галя Йонаш, всё лучшее в этом мире происходит благодаря любви!

Нина Краснова: Вот и Людмила Щипахина согласна со мной и с нами! Спасибо Людмила, дорогая поэтесса, излучающая свет!

Клавдия Лунина Бог Вам в помощь!

Надежда Кузнецова: Читала с комом в горле, со слезами на глазах. Как нам не хватает Толи и Христофора. Обнимаю тебя. Береги себя, нам ещё много надо с тобой сделать для их Памяти.

Нина Краснова: Да, Наденька, я и писала всё это с комом в горле. Слишком рано Бог забрал к себе Толю, как и Христофора. Или Богу виднее? Но нам-то без них каково? Или Богу всё равно, каково нам? Или Бог уберёт всех нас от чего-то худшего для нас? Не зря говорится: что Бог ни делает, всё к лучшему. Хотя сейчас я не могу согласиться с этим. 19 июля (об 11 июля)

19.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

В ГОСТЯХ У ИРИНЫ АЛЕКСЕЕВОЙ В ЗАПРУДНЕ И У СЕРГЕЯ КЛЫЧКОВА В ДУБРАВКАХ

Поэтесса Ирина Алексеева, которая помогала мне перевозить на своём «Рено» часть архива моего друга Анатолия Шамардина, золотоголосого певца, улетевшего к Богу в Рай, пригласила меня в Дубровку на 125-летие поэта Сергея Клычкова, друга моего земляка Сергея Есенина, и предложила накануне этого переночевать у неё дома в Запрудне, в посёлке городского типа, чтобы утром не опоздать на праздник. И вот я на электричке поехала к ней в гости с Савелов-

ского вокзала. В Вербилках она встретила меня на своём «Рено», и мы приехали к ней. С нами был ещё и её друг из Воскресенска Володя Мещеряков, которого она тоже пригласила на праздник. Проехались мы поздно вечером по Запрудне, по тёмным улочкам, где нам не встретилось ни одного человека, совершили маленькую экскурсию от центра посёлка к лесу и озеру и обратно, и потом часов до трёх ночи сидели дома у Ирины, на кухне, ужинали — Ирина заранее приготовила очень вкусный ужин, с курочкой, с квашеной капустой провансаль — и душевно общались друг с другом и наобщаться, наговориться не могли. И помянули шампанским Толю Шамардина и помолились о нём перед длинной иконой, висевшей в красном углу. Очень хорошо посидели и расслабились. Компанию нам составили две её кошки, одна серая и очень толстая Буся, а вторая — изящная трёхцветная Кус-Кус, и собака Глаша, чёрная полудворняжка, но они вели себя так тихо и смиренно, как будто их и нет.

А утром мы втроём — Ирина, Володя и я — поехали в Талдом, возложили там цветы матиолы к скульптуре Сергея Клычкова около библиотеки, которая почему-то носит имя Воровского, а не Клычкова, и поехали в Дубравки, где и провели целый день с гостями и участниками праздника, среди которых была Лариса Васильева, был сын Станислава Куняева Сергей Куняев со своей женой Мариной... и много кто ещё, кого я не знала, но с кем познакомилась... Мы выступали у микрофона перед домом Сергея Клычкова и гуляли по территории, прилегающей к нему... и обедали в одном из залов дома... ели холодец, бутерброды с колбаской и сыром, блинчики с капустой, свежие огурчики и помидорчики. Пили чай с ягодным тортом...

И сидели отдыхали на ворохах сена во дворе. И любовались окружающей нас природой, окружающей нас райской красотой.

Меня потряс дом «крестьянского» поэта Сергея Клычкова! Трёхэтажный, из старинного красного кирпича. Я-то думала, что у него избушка, примерно такая, как у Есенина в Константинове, «низкий дом с голубыми ставнями»... ничего себе «избушка»... Дворец! И территория вокруг дома — соответствующая, с большим прилегающим к ней садом, с прудом... помещичья усадьба, а не крестьянский двор. «Теперь понятно, почему Клычков не принял революцию и почему его судьба оказалась такой трагической», — сказала мне Лариса Васильева, а я — ей.

Лариса посмотрела мне в глаза, очень глубоко, и сказала: «У тебя несчастье (она слышала об этом от кого-то)...» — «Да, у меня умер мой самый близкий друг, Толя Шамардин...» — «Я знала его... Он очень хороший человек певец и композитор...» — Она знала его в основном как автора и исполнителя песен на стихи Виктора Бокова, своего и нашего с ней старшего друга и учителя, на вечерах которого всегда выступал Толя... а как автора и исполнителя песен на мои стихи она его не знала. Я подарила ей диск «Сон под пятницу» с песнями Толи на мои стихи и его диск «Золотые шлягеры народов мира». Чтобы она узнала Толю и с этих сторон.

...В Москву я возвращалась с поэтессой-бардом Ларисой Новосельцевой, автором диска песен на стихи Клычкова, и с её мужем и с мужем внучки Клычкова Татьяны, который довёз нас на своей машине до станции «Аэропорт».

Никогда я не бывала раньше на родине Сергея Клычкова, вот теперь побывала благодаря Ирине Алексеевой, между прочим, специалистке по Клычкову, чего нельзя сказать обо мне. И теперь этот поэт будет мне намного интереснее, чем раньше, когда Есенин заслонял его для меня своей золотой головой.

19 июля 2014 г.

25.07.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ТАЙНА ЖИЗНИ, ТАЙНА СМЕРТИ...

Свой двухтомник стихов с названием «Тайна» я подготовила в апреле 2014 года, на что у меня и ушёл почти весь апрель. Сначала я не думала о двухтомнике, а просто сделала рукопись книги, для «Вест-Консалтинга», но она получилась слишком большая. И когда я сказала Жене Степанову, сколько в ней страниц, 400 с лишним, он посоветовал мне разбить её на два тома, что я и сделала. Причём пересоставила её так, чтобы стихи и циклы 1-го тома перекликались со стихами и циклами 2-го тома и продолжали и дополняли их и образовывали между собой неразрывную связь. Допустим, в 1-м томе будут стихи, посвящен-

ные моим, слава Богу, здравствующим друзьям, и во 2-м, но там уже не те же самые, а другие, в 1-м томе будет цикл «Поминальные свечи», посвящённый дорогим мне людям, ушедшим в мир иной, — и во втором, но там уже другие... в 1-м томе будут «Сны скромной девушки» и во втором, но там уже другие...

Думала я, думала, как мне назвать свой двухтомник, и назвала его — «Тайна». В честь стихотворения «Тайна»: «Наши отношенья — это тайна...» — и подумала, что «тайна» — это же не только отношения между мужчиной и женщиной, как в этом стихотворении, но и любовь есть тайна, и сама жизнь есть тайна, и смерть есть тайна, и поэзия — тайна...

23 апреля я закончила составлять для издательства «Вест-Консалтинг», свой двухтомник «Тайна», и написала аннотации к каждому тому и распечатала оба тома на принтере и положила 1-й том — в одну красную папку, а 2-й том — во вторую. И показала обе папки своему другу Толе Шамардину, который в этот день приехал ко мне в Перово на щи, которые я собиралась варить, и привёз продуктов для щей, и который радовался, что у меня скоро выйдет свой двухтомник.

— Там есть и стихи, посвящённые тебе, — сказала я ему. — Ты их все знаешь. Они печатались в моих книгах «Семейная неидиллия», «Интим», «Четыре стены»... А назвала я свой двухтомник знаешь как? «Тайна»... Нравится тебе такое название? Оно, правда, не коммерческое...

— Да, оно не коммерческое...

— ...Наверное, я могла бы придумать название и поинтереснее, и пооригинальнее, и попривлекательнее, но это название — «Тайна» — отвечает содержанию моего двухтомника... Тайна любви, тайна жизни и смерти... Всё на свете есть тайна... и тайна любви, и тайна жизни, и тайна смерти...

— У тебя все названия книг гениальные, и это название — гениальное! — сказал мне Толя.

— Ты одобряешь его?

— Да! И название, и книгу... у тебя все книги гениальны... И всё, что ты пишешь и делаешь, всё у тебя гениально!..

— Завтра я отвезу свою «Тайну» в редакцию «Вест-консалтинга», отдам Жене Степанову... А сейчас мы будем есть с тобой щи, которые я сварила, не щи, а борщ, со свёклой...

И мы с Толей стали есть борщ. Из керамических шведских мисок, купленных в «ИКЕЕ»... И Толя хвалил борщ и говорил со мной о моём двухтомнике, который я подготовила для издательства, и о своём новом диске с песнями, который он собирается выпустить... А 24 и 25 апреля мы доедали этот борщ. И ничто не предвещало трагедии.

...А 27 апреля Толя неожиданно умер по дороге к своему сыну, в Химках, когда шёл к нему отцифровывать кассеты со своими песнями, и почувствовал себя плохо и присел у него во дворе под деревом и отдал душу Богу. А за час до этого попал в стрессовую ситуацию, нелепее которой не придумаешь, но о которой я не буду писать здесь. Напишу потом, в другой страничке своего фейсбука или своего ЖЖ.

И я похоронила Толю... На Новосходненском кладбище, в нескольких километрах от Толиного дома, где он получил квартиру два года назад и где даже ещё не успел путём обосноваться и пожить в своё удовольствие.

И мне пришлось пересоставить свой двухтомник: я переместила свои стихи, посвящённые Толе, из раздела «Праздник цветов» в цикл «Поминальные свечи»... и добавила туда несколько новых стихотворений, которых Толя не читал и не знает, свои плачи по нему... Они есть и в 1-м томе, и во 2-м...

Да, велика тайна сия есть... тайна жизни и тайна смерти...

На переднюю обложку 1-го тома я поставила репродукцию картины художника Бориса Васильева-Пальма из Керчи, нашего общего с Толей друга, а на заднюю обложку — свою фотографию, которую когда-то сделал Толя, в Перове, на фоне зелёных деревьев, напротив моего дома, и которая нравилась ему больше всех моих фотографий.

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев (некоторые):

Тамаре Жирмунской, Раде Полищук, Андрею Патаракину, Надежде Кондаковой, Марине Ахмедовой, Валерию Савостьянову, Константину Дюбенко, Галине Йонаш, Галине Богачеко, Клавдии Луниной, Идиллии Фомичёвой, Гоар Рштуни, Inna Bogachinskaya и другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка! Какая ты молодец и умница! Я думаю, что Анатолию твой сборник нравится! И оформление очень симпатичное, и название, впрямь, гениальное! Толя прав! И рисунок и фото с тобой, очень симпатичные! Особенно, ты в кепке! Прелесть!

Нина Краснова: Клавочка! Спасибо! Я рада, что тебе всё это нравится, как и мне, и Толе Шамардину, и Марине Кива, и Жене Степанову, и Володе Коркунову, и всем нашим друзьям-фейсбуковцам, которые уже оставили здесь свои «галочки» («лайки»).

Нина Краснова: ...Что касается Толи Шамардина, ему вообще нравились все мои книги, как и мне нравились все его диски и кассеты, все его песни..

Клавдия Лунина: И мне тоже все нравится в тебе, Ниночка!

Галина Богачева: Нина Краснова, ты нас удивила снова — новая книга готова! Галина Ионаш: Поздравляю, Нина! Очень рада за Вас!

Галина Богачева: МНЕ ТАК ОЧЕНЬ НРАВИТСЯ ТВОЙ МАКЕТ!

Нина Краснова: Для меня важно, что на обложке красивая картина-портрет работы Бориса Васильева-Пальма и красивое мое фото работы Анатолия Шамардина и что у обложки очень красивый фон...

Галина Богачева: Нина, обложка просто прекрасная!

Нина Краснова: Марина Кива сделала ее очень быстро, по вдохновению и по внутреннему наитию.

Галина Богачева: Марина — гений! Огромное ей спасибо!

Нина Краснова: В этой обложке есть свет, который радует мою душу, и я думаю, он будет радовать души моих читателей!

Нина Краснова: И есть тонкая игра света, с переходами белого цвета в бледно-розовый, бледно-розового в насыщенно-розовый и в коричневатый и серовато-голубой, который сочетается с фотографией. Я не ожидала, что обложка может получиться такой нежно-красивой... Спасибо Марине за такую обложку!!!

Нина Краснова: Наде Кондаковой обложка тоже понравилась! И Наде Кузнецовой! И моему композитору Константину Дюбенко из Петербурга понравилась обложка! И моему краснововеду Эмилю Сокольскому! И моей литинститутской подруге Марине Ахмедовой! Кстати, и Евгению Степанову она понравилась, а иначе он не подписал бы мою книгу в печать!!!

Идиллия Фомичёва: Ниночка, мне очень нравится обложка Вашей книги. Это здорово!!! 26 июля в 8:14

..

Inna Bogachinskaya: От всех департаментов своей души поздравляю тебя, Ниночка! Светлого Пути твоему массивному труду в прекрасном одеянии! Ты заслуживаешь этого творческого триумфа!

Халина Лана: Поздравляю! Желаю новых вдохновений!!

26 июля в 20:49

Рада Полищук: Очень симпатичная обложка, насколько можно судить по фото в ФБ. Портрет замечательный...

Нина Краснова: Мне нравится мой портрет, написанный художником Борисом Васильевым-Пальмом, и мне хочется, чтобы люди видели этот портрет и знали этого художника.

Гоар Рштуни: Ниночка, чудесная обложка! И сзади очень вы там красивая! А когда книжку почитать можно?

Нина Краснова: Гоар! Книга находится в типографии. Когда выйдет оттуда, тогда ее можно будет подержать в руках и почитать.

Тамара Жирмунская: Дорогая Нина! Я счастлива, что у тебя выходит двухтомник. Обложка хорошая, да разве в ней дело? Дело в том, что ты преодолела боль, утраты, одиночество, вылила всё это в стихи, добавила несколько горстей таинственных специй — получилась поэзия, составилось аж два тома... Многие ли могут похвастаться этим?.. Помню, как продавала ты свои книжки водителям, бог знает кому, как была отважна, терпелива, оптимистична. В Небесах всё записано, и это тебе награда. И Толя рад безмерно, чувствую это. Обнимаю тебя. Твоя Тамара.

2.08.2014. 22:00. (Из фейсбука Нины Красновой)

ТОЛЯ ШАМАРДИН В МОИХ СНАХ ПОМОГАЕТ МНЕ ДЕЛАТЬ БОЛЬШИЕ ДЕЛА

Сегодня во сне я разбирала фонотеку Толи Шамардина, просматривала рабочие кассеты с записями его собственных песен и романсов на стихи разных поэтов, в том числе и на мои, и думала, какие из записей, и какие из вариантов (а их много!) мне взять для его нового диска? Те, которые ему самому нравились больше других, он когда-то пометил на бумажных вкладышах плюсами-крестиками, шариковой авторучкой. Эти варианты я во сне помещала в специальную коробку. А Толя (невидимый и незримый) помогал мне разобраться во всём его обширном музыкальном хозяйстве, чтобы я не запуталась там, и подносил к моим глазам беленькие листочки со списками своих песен, и эти листочки с его почерком висели прямо в воздухе...

Клава Лунина, моя подруга из фейсбука, когда я рассказала ей по телефону свой сон, сказала мне: «Толя никуда от тебя он ушёл, он всё время находится рядом с тобой и помогает тебе во всех делах».

А в предыдущем сне Толя таким же манером помогал мне разбирать газеты, «Московский комсомолец», «Независимую газету», «Литературную газету», «Новую газету», «Слово», «Из рук в руки» и разные другие, которые он регулярно читал, в том числе и мне, чтобы просветить меня в чём-то, зная, что у меня не хватает времени читать газеты, и жалея моё слабое от природы зрение, и в которых он ставил авторучкой свои пометочки, чтобы быстрее найти для меня интересные места и чтобы он мог использовать свои пометочки для каких-то своих литературных материалов или чтобы я могла использовать их для своих литературных материалов. Газеты эти он не выбрасывал, а складывал под подстилку на своём топчане, и их скопилось там столько, что из них получился бумажный матрас толщиной в полметра, бумажная перина.

...Сегодня я, не во сне, а наяву, разбираю и внимательно просматривала эти газеты, чтобы те, которые с пометками, оставить в архиве, а которые без пометок, если это не газеты с нашими публикациями, вынести из дома во двор, что собирался сделать и Толя, но у него до этого руки не дошли.

8.08.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН НЕ ПИЛ И НЕ КУРИЛ, А ПРОЖИЛ МАЛО...

Анатолий Шамардин всю жизнь не пил и не курил, и в какой бы компании ни оказывался, всегда говорил (читал всем маленькую лекцию) о том, что пить, а особенно курить вредно (не столько пить, сколько курить).

— Человек, который курит, да ещё и пьёт, сокращает свою жизнь как минимум на 20–30 лет, и не только свою жизнь, но и окружающих его людей, и в первую очередь — своих близких, — говорил Анатолий, эмоционально размахивая руками. — И подкреплял свои слова яркими примерами. — У Пастернака жена курила, и он умер от рака лёгких, потому что дышал папиросным-сигаретным дымом своей жены и был пассивным курильщиком. У Бернеса жена курила, и он умер от рака лёгких. У Георга Отца жена курила, и он умер от рака лёгких. И сами курильщики, как правило, умирают от рака лёгких или от других бо-

лезней на этой почве, от инсульта или от инфаркта, хотя и не верят, что курить вредно. Старшинов курил с 17 лет и в свои 60 лет и в свои 74 года, когда я советовал ему бросить курить, говорил, что ему уже вредно бросать это, так говорили ему и врачи, и умер от инсульта. И мало кто может бросить курить, как и пить, если уже втянулся в это и испытывает от этого физиологическую зависимость.

— А вон этот (имярек) всю жизнь курил и пил, а прожил 90 лет! — возражали Анатолию не согласные с ним оппоненты, в основном курильщики.

На это Анатолий педагогично отвечал им:

— Нельзя делать общих выводов из частных посылов. Если какой-то человек всю жизнь пил, курил, вёл нездоровый образ жизни, а при этом дожил до 100 лет, это не значит, что и все люди, которые пьют и курят и ведут нездоровый образ жизни, доживут до 90 и до 100 лет, и что курить (как и пить) полезно.

— А вон этот (имярек) не пил и не курил, а прожил мало... — возражали Анатолию не согласные с ним оппоненты.

И на это Анатолий опять педагогично отвечал им:

— Не стоит делать общих выводов из частных посылов... и считать, что если кто-то не пьёт и не курит, то он всё равно не проживёт дольше того, кто курит и пьёт...

Сам Анатолий рассчитывал прожить не меньше 90–100 лет. И прожил бы, при своём лёгком, весёлом, неунывном характере и при своём повышенном чувстве юмора... и при своём относительно нормальном здоровье, на которое он никогда не жаловался. Но он умер в 76 лет, которых ему никто не давал, потому что он выглядел лет на 15 моложе своего календарного возраста, умер преждевременно, скоропостижно и неожиданно для всех и, наверное, и для самого себя, если он успел осознать в предпоследнюю или последнюю секунду своей жизни, что с ним сейчас произойдёт... Слава Богу, если не осознал. Он шёл к своему сыну отцифровывать кассеты с записями своих песен для нового диска, сел под деревом во дворе и... отдал душу Богу... 27 апреля 2014 года, на Красную горку. Умер от острой коронарной недостаточности и от тромба, как сказали врачи «скорой помощи», которые не успели прийти ему на помощь и спасти его.

Все говорят:

— Он умер как святой человек... Не мучился и никого не мучил... Умереть такой лёгкой смертью мечтает каждый человек... (Если кто-то прямо так и мечтает умереть.)

— Ну вот, Толя, ты не пил и не курил и собирался жить до 100 лет, а прожил мало, всего 76 лет. Почти столько же, сколько и Старшинов, который курил (а когда-то и пил по-чёрному)... А кто-то пьёт и курит и живёт уже больше 100 лет, — сказали бы Толе его товарищи, если бы он сейчас воскрес и оказался в их компании.

Но Толя как человек с повышенным чувством юмора сказал бы им:
— Нельзя делать общих выводов из частных посылов!

16.08.2014. (И фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН: «КАК ЖИЗНЬ МОЛОДАЯ?..»

Толя Шамардин любил приветствовать всех соседей нашего двора в Перове, особенно старушек, одной и той же весёлой, бодрой, оптимистичной фразой:

— Как жизнь молодая?! У Вас всё хорошо?

Например, выходит он из дома на улицу или идёт с улицы домой, а ему навстречу ползёт по асфальтовой дорожке вдоль бордюра с кустами жасмина и с деревьями черёмухи какая-нибудь маленькая старушечка, которой лет под девяносто, она еле-еле ноги передвигает, а он ей:

— Как жизнь молодая?! Всё хорошо?!

И старушечка невольно начинает улыбаться и утвердительно кивает головой и отвечает:

— Всё хорошо... — и даже если у неё на самом деле далеко не всё хорошо, и даже всё плохо, мигрени замучали бедную или артрозы, ей в этот момент становится лучше от его слов.

Или ковыляет ему навстречу другая старушечка, инвалидка, на костылях, шаг шагнёт и отдыхает, шаг шагнёт и отдыхает, отдышаться не может, а он ей:

— Как жизнь молодая?! Всё хорошо?!

— Слава Богу, всё хорошо... — в тон ему отвечает она, опираясь на свои костыли, и улыбается улыбкой счастливого младенца.

Сперва всех удивляла странная манера Толи приветствовать всех, и даже очень старых, соседей одной и той же фразой:

— Как жизнь молодая?! Всё хорошо?!

Но потом все привыкли к этому, как к приятной игре, в которую он играл с ними, и всем это понравилось, потому что все чувствовали, что Толя никого даже из очень старых людей не считает старыми и искренне желает всем, чтобы у них у всех всё в жизни было хорошо, и что он помогает им создать внутреннюю установку на это, заряжает всех бодрым настроением и верой в то, что у них всё будет хорошо. И они, завидев его, иногда даже не дожидались, когда он спросит у них «Как жизнь молодая?», а предвосхищали это и говорили:

— Спасибо, всё у нас хорошо, Вашими молитвами...

Сам Толя, если кто-то спрашивал его, как жизнь молодая, неизменно отвечал:

— Очень хорошо! — и когда узнал, что точно так же надо отвечать по законам тибетской медицины, воскликнул;

— О! Значит я всё делаю по законам тибетской медицины... А я и не знал этого.

...Сам он всегда — и в свои 70, и в свои 75 и 76 лет — выглядел перед всеми старушками двора не просто молодым человеком, а почти мальчиком, которому только жить и жить. И частенько цитировал мне строки одного рязанского поэта, которые тот написал в восемьдесят лет (строки эти я же когда-то и услышала от этого поэта и потом прочитала Толе, а он запомнил их, потому что он ему понравился):

Быть может, стар я для девчат,
А для старушек — молод!

Толя со своим вечным ребячеством, мальчишеством и со своим молодым задором и юмором был и для девчат молод. А для старушек и подавно. Они все были больны какими-то болезнями, а он — нет, ничем не был болен, и был полон неиссякаемых сил... и ходил лёгкой, быстрой, порывистой походкой, и казалось, что он-то, сам-то, конечно, переживёт всех этих старушек, и он знает это и поэтому и утешает их и называет их молодыми... чтобы поддержать их морально, чтобы они не унывали.

И вот он умер на Красную горку, 27 апреля 2014 года, ни с того

ни с сего, от какого-то тромба, который Бог знает откуда у него взялся. А они, эти больные и слабые старушки, дай Бог им здоровья, живут себе и живут и всё ползают по двору и ходят кто с палочкой, кто на костылях... Только теперь уже никто не поприветствует их, как Толя, и никто не спросит у них:

— Как жизнь молодая?! У вас всё хорошо?!

19.08.2014, 17:14. (Из фейсбука Нины Красновой)

ЯБЛОЧНЫЙ СПАС — ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ МОЕГО БРАТА ВЯЧЕСЛАВА

Сегодня у моего брата Вячеслава — день рождения! Вячеслав мой младший брат из двух моих братьев, но он, как и наш с ним старший (и, к сожалению, уже покойный) брат Владимир, старше меня на несколько лет. Живёт в нашем родном городе Рязани. Я позвонила ему туда, поздравила его с днём рождения, пожелала ему главное быть живым и здоровым, как и его семье, жене, двум дочкам и детям обеих дочек... Слава обрадовался мне! Ждёт, когда я приеду в Рязань, а я всё никак собраться и приехать не могу. Раньше Толя Шамардин возил меня из Москвы в Рязань на своей подержанной иномарке, а потом продал её, чтобы сделать себе зубы, а на другую денег не накопил, хотя всё время мечтал купить машину, чтобы ездить на ней выступать в разные точки Москвы и Подмосковья, возить нужную для этого аппаратуру и чтобы помогать мне развозить по библиотекам тиражи моих книг и моего альманаха «Эолова арфа» (у меня этими тиражами вся квартира забита) и чтобы ездить со мной в Рязань и иногда выступать и там, в областной библиотеке и на радио.

Всё же я как-нибудь соберусь и съезжу в Рязань. И привезу своему брату Славе и его семье свои новые публикации и последние диски с песнями Толи Шамардина, которого и Слава, и вся его семья обожает, как обожала его и (к сожалению, уже покойная) наша со Славой матушка и наша со Славой (к сожалению, уже тоже покойная) сестра Татьяна.

А пока я в честь дня рождения своего брата Вячеслава и в честь

Яблочного Спаса помолюсь о своих родных и близких и съем наше русское яблочко «кориш».

P. S.

Вся моя родня очень любит Толю Шамардина, и семья одного моего брата, Вячеслава, и семья моего другого брата, Владимира. И потрясе-на преждевременным уходим Толи в мир иной. — *Н. К.*

26.08.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ПРОЧИТАЛ МОЮ «ТАЙНУ» САМЫЙ ПЕРВЫЙ

В воскресенье и в понедельник я вычитывала 2-й том — вёрстку — своего двухтомника, который скоро выйдет в издательстве Евгения Степанова «Вест-Консалтинг» и будет называться «Тайна». В воскресенье я вычитала вёрстку 2-го тома один раз, а в понедельник — ещё один раз. И подумала, что я в отличие от большинства поэтов, которые любят читать и всегда и везде читают кому-нибудь свои стихи, и по телефону, и в метро, и на улице, и у себя дома или у кого-нибудь дома, никогда никому не читаю своих стихов, стесняюсь обременять людей своими поэмами, и даже на своих авторских вечерах читаю их очень мало, а на коллективных вечерах и того меньше, одно или два стихотворения. И единственный человек, которому я любила читать и свои новые стихи, которые выходили у меня из-под пера, с пылу, с жару, и свои старые стихи, был Толя Шамардин, который очень любил всё, что я пишу, и сверхтонко чувствовал каждое моё слово, каждую мою строку и очень подробно и интересно и оригинально и всегда восторженно комментировал то, что я читала ему, и пользовался при этом не только русской, но и немецкой терминологией, «слововыбор», «разрыхление текста», «нэбензин», поскольку когда-то окончил иняз и целых десять лет преподавал немецкую стилистику и лексикологию. Толя не только слушал мои стихи, причём ему очень нравилось, как я читаю их, и с какими интонациями, и каким голосом, но и сам читал мне их вслух, а нередко переписывал их себе на бумагу, особенно стихи с юмо-

ром, частушки, экзерсисы, и потом читал их по телефону всем своим друзьям и приятелям, распиаривал меня, нёс меня в народ.

В архиве у Толи я сейчас нахожу много листочков с моими стихами, которые он переписывал от руки или которые он просил меня распечатать, и я распечатывала их ему на принтере. И так приятно мне сейчас находить и читать эти листочки, и так трогательно мне, что Толя всё это сохранял, а не выбрасывал потом:

Дали поэту в ПАРИЖЕ
ПО РОЖЕ,
чтобы поэт выступал в ПАРИЖЕ
ПОРЕЖЕ.

Я гулял по малой Бронной,
Размышлял о жизни брэнной,
Повстречал деваху я,
Мне девах... до колен.

Читала я вчера и позавчера вёрстку своего двухтомника и в каждом стихотворении слышала Толю, который комментировал мне каждую мою строчку. И думала: «Жалко, что Толя не дождался моего двухтомника. Как бы Толя радовался ему вместе со мной!»

Но получается, что Толя, который ещё не видел моего двухтомника и не держал его в руках, уже давно прочитал его, и не только прочитал своими глазами, но и прослушал в моём исполнении своими ушами все до одного стихотворения, причём не по одному разу... И уже похвалил меня за все мои стихи, а некоторые даже успел положить на музыку, сделал их песнями, которые пел в своих концертах.

27.08.2014, 13:43. (Из фейсбука)

**У ЕВГЕНИЯ СТЕПАНОВА В «ВЕСТ-КОНСАЛТИНГЕ»
ВЫШЕЛ 1-й ТОМ МОЕГО ДВУХТОМНИКА!**

Вчера, в отличие от того дня, о котором Демьян Бедный написал «Был день как день, простой, обычный», для меня был необычный

день. Вчера поэт Володя Коркунов, правая рука Евгения Степанова, он же верстальщик моего двухтомника, позвонил мне домой и сообщил светлую, радостную весть о том, что вышел 1-й том моего двухтомника, который называется «Тайна», и я могу приехать в редакцию «Вест-Консалтинга» и взять если пока не весь тираж, то какую-то часть. И я, разумеется, поехала в «Вест-Консалтинг», с тележкой, с большой сумкой на колёсах.

И порадовалась своей книге вместе с Женей Степановым и Володей Коркуновым! Она получилась очень красивая, с моим портретом работы художника из Керчи Бориса Васильева Пальма на первой обложке и с моей фотографией работы Анатолия Шамардина на задней обложке, вся очень нежного розово-пастельного тона с расплывчатыми оттенками коричневатых, сероватых и зеленоватых тонов, подёрнутая лёгкой дымкой таинственности. Очень эстетичная, на офсетной бумаге. О содержании книги я не говорю. Но, по-моему, оно соответствует её внешнему оформлению, за которое спасибо художественному редактору Марине Кива, как спасибо техническому редактору Володе Коркунову за его высокопрофессиональную работу, и главе «Вест-Консалтинга» и ответственному редактору Евгению Степанову за его горячее участие в выходе этой книги и, кстати сказать, ещё и за его великолепное предисловие к ней!

Мы все отправились во двор и сфотографировались друг с другом и с моей книгой около большой старой липы с неохватным стволом, на газоне с прелестными садовыми цветочками. И Женя Степанов помог мне довести мою тележку до метро, до «Павелецкой». А по дороге рассказывал мне о своём детстве, которое он провёл в Кускове, среди графских дворцов и прудов, хотя жил с родителями в маленьком щитовом домишке с печным отоплением и с щелястыми стенами, продуваемыми ветром, и о своих друзьях детства, с которыми он играл на площадке в футбол и в пинг-понг и которые по-прежнему живут там, в одном большом блочном доме, построенном на месте их маленьких домишек, и по-прежнему играют в футбол, а кто-то и в пинг-понг (в который один из друзей всегда обыгрывал Женю и, как считает Женя, обыграл его и в жизни, стал отцом пятерых детей)... Кстати сказать, у предков Жени — рязанские корни, как и у меня.

...Дома я выпила за свой 1-й том чаю с сыром чанах. И весь вечер

листала эту свою книгу и любовалась ею и радовалась ей... и поздравляла с нею сама себя и ещё Толю Шамардина, улыбающиеся фотографии которого висят у меня на витринах шкафа с книгами. И мне казалось, что Толя радуется ей так же, как и я. И я читала ему и себе вслух стихи из этой книги, в том числе и свой цикл «Поминальные свечи Анатолию Шамардину», где есть мои новые стихи, которых он не знал и не читал раньше, потому что они появились после его ухода в мир иной. В книге есть «Поминальные свечи» и нашим с Толей общим друзьям — Николаю Старшинову, Владимиру Солоухину, Александру Иванову, Виктору Бокову, Римме Казаковой, гитаристу Сергею Орехову, с которым Толя записал целый блок своих песен на мои стихи, и есть много посвящений нашим, слава Богу, здравствующим друзьям, и, кстати сказать, и Жене Степанову, и Володе Коркунову.

...А что мне вчера снилось? Мне снились яркие фотокартинки, которые летали передо мной в воздухе, на улице, и складывались то в одни композиции, то в другие. Я шла по тротуару, а они летали передо мной, и я рассматривала их и радовалась и изумлялась им. Оказалось, что это всё приснилось мне — к выходу моего 1-го тома, вот к чему.

5.09.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«В МОСКВУ ПРИЕХАЛ С ВАЖНОЙ МИССИЕЙ ЭМИЛЬ...»

Эмиль Сокольский из Ростова-на-Дону
Приехал собственной персоной, ну да ну,
Проделав путь большой, дорогу в сотни миль,
В Москву приехал с важной миссией Эмиль...

Написала я когда-то в одном из своих стихотворений. И вот писатель и критик Эмиль Сокольский из Ростова-на-Дону, краснововед, ковальдживед, тимофеевсковед, степанововед et cetera, точно так же, как в этом стихотворении, на днях приехал в Москву, и приехал опять «с важной (литературной) миссией» — повидаться со своими литературными друзьями, и в первую очередь — с героями своих статей. И позвонил мне. И мы встретились с ним дома у нашей подружки, у молодой

поэтессы Саши Ирбе, на «Китай-городе». Саша Ирбе живёт в старинном кирпичном доме 1907 года, в классической коммуналке, какие теперь остались только в советских фильмах и в ностальгических стихах и мемуарах советских поэтов, в коммуналке с общей для всех соседей кухней, ванной, туалетом, коридором, в комнате площадью двадцать пять квадратных метров, с тремя (!) высокими окнами и с дубовым паркетом, выложенным ромбиками, который ни разу не перестилался, но сохранился лучше, чем новый. В комнате два мягких дивана, старинное пианино, старинное трюмо, старинный буфет, два сравнительно современных шкафа и квадратный стол, который мы выдвинули на середину комнаты и за которым и расселись... не втроём, а вчетвером, компанию нам составил сын Саши Себастьян, ученик президентской гимназии, а ещё — шпиц, «прелестный шпиц», рыженький и лохматенький, с круглыми добродушно-интеллектуальными глазками, которого зовут Филя, но он сидел в основном на руках у хозяйки, у Саши, и у нас под ногами. И вставал на задние лапки, как цирковая собачка, когда Саша протягивала ему кусочек чего-то вкусного с нашего барского стола.

Наш стол был «полон яств», вареная картошка без кожуры, с отварными сосисками, фаршированные яйца, магазинные салатки, виноград кишмиш, вино «Хантанчак» и настойка «Клюква» (эти напитки пили, на выбор, только мы трое — взрослые люди — Эмиль, я и Саша, а Себастьян и Филя нет, Себастьян пил «Кока-колу»). Соседи нас не беспокоили, как и мы их.

Чудный получился у нас вечер! В неформальной атмосфере. С беседами на интересные для нас и интересующие нас темы, с шутками, с тостами за этот дом, за его гостеприимную хозяйку, которая в своём длинном сиренево-фиолетовом платье, с коротким лифом, с приподнятой талией, была похожа на античную богиню Гебу, и за всех участников этого вечера, присутствующих как физически, так и не физически, а виртуально, и за поэзию, и за искусство...

Я подарила Эмилю и Саше свою книгу «Тайна», которая как раз вышла у Жени Степанова в «Вест-Консалтинг», том первый. Эмильсел на диван, вальяжно развалясь на нём и опираясь о спинку, и очень артистично прочитал нам вслух стихи из этой книги, посвящённые певцу и композитору Анатолию Шамардину, нашему другу «... лежащему в могиле на Новосходненском кладбище». А потом вытащил из своей

сумки свою заветную тетрадку в дерматиновом переплёте, потрёпанную, с загнутыми краями, в которую он записывает от руки любимые стихи любимых поэтов и в которой есть стихи Кирилла Ковальджи, Евгения Евтушенко, Давида Самойлова, раннего Бахыта Кенжеева... и, кстати сказать, Нины Красновой... И прочитал наизусть, но держа в руках эту тетрадку, одно из ранних моих — литинститутских — стихотворений:

Парк от листьев жёлт и оранжев,
От дождя просветлён и мокр.
Милый, брось, не жалея, что раньше
Ты меня повстречать не мог.

Может, это к лучшему даже.
Может, будучи слишком горда,
Я тебя не смогла бы так же,
Как теперь, полюбить тогда.

А во втором томе, который ещё не вышел, есть статья Эмиля обо мне «Просветлённая рязаночка» и моё стихотворение, посвящённое ему (то самое, которое я процитировала в начале этой своей странички, которую я пишу).

И, естественно, мы выпили за мою «Тайну», и за «Вест-Консалтинг», и за Женю Степанова и его команду, и помянули Толю Шамардина и послушали его кассету с песней на мои стихи «Сон под пятницу»...

А потом Эмиль сел за пианино и своим вокальным голосом, который нравился Толе, спел несколько песен из репертуара Вертинского, аккомпанируя сам себе на пианино. Оно не зря стояло в комнате и, как ружьё Чехова, которое если висит на стене, то рано или поздно должно выстрелить, «выстрелило», то есть сыграло свою роль — прозвучало — в финале нашего вечера.

А потом Эмиль подарил мне свою книгу очерков «Грусть по донецкой степи», которая вышла в Таганроге в 2011 году. А Саша обещала подарить мне свою книгу стихов, которая скоро выйдет в издательстве «Время».

А Себастьян сделал из «золотых» канцелярских скрепечек длинное ожерелье удачи и показал его нам и пожелал, чтобы мы сделали себе та-

кие же ожерелья, чтобы они приносили нам удачу в жизни и в поэзии, без которой для нас нет жизни.

6.09.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ТОЛЯ ШАМАРДИН: «У НАС НИЧЕГО НЕ ТЕРЯЕТСЯ!»

1.

Толя Шамардин был очень рассеянный, как человек с улицы Бассейной и как многие творческие люди, рассеянный и «забывчатый», если говорить солотчинским языком моей матушки, то есть часто забывал, куда какие свои вещи он положил, очки, авторучку, минидиски, клавиры, какие-то свои бумаги, тексты песен, написанные им от руки на отдельных листах, записные книжки с номерами телефонов и с планами на каждый день, документы, газеты, книги, шейный платочек, беретку или шляпу, ключи, мобильник, фотокарточки и т. д. И всегда он что-нибудь искал в квартире, в разных углах. И когда оказывался в каком-нибудь общественном месте, например, в редакции журнала «Юность», на посиделках, или в ЦДЛе, на каком-нибудь вечере, или в метро, то и там он всегда что-нибудь искал, роясь в своих сумках и карманах. Один наш общий знакомый когда-то сказал про него: «Толя — человек, который всегда что-то ищет...» Это можно было сказать о Толе и в переносном смысле, как о человеке, который всегда находится в творческом поиске и ищет что-то новое в искусстве, не успокаивается на достигнутых им результатах, и это же самое можно было сказать о нём в прямом смысле, как о человеке, который всегда находится в поиске каких-то своих вещей, которые он положил туда, не помнит куда. Но главное — он всегда находил то, что ищет, в том числе и то, что, как ему казалось, он потерял с концами и уже никогда не найдёт.

И тогда он радовался и говорил: «Я нашёл то, что искал! Я нашёл то, что потерял... У нас ничего не теряется!»

Я тоже бываю очень рассеянной, как человек с улицы Бассейной и как многие творческие люди и как Толя Шамардин, рассеянная и «забывчатая», если говорить солотчинским языком моей матушки. И тоже

часто забываю, куда какие свои вещи я положила... И когда я начинала при Толе искать эти вещи и находила их, то всегда радовалась и говорила: «У нас ничего не теряется!» — «У нас ничего не теряется!» — говорили мы не с Бобчинским и Добчинским, а с Толей Шамардиным, когда он находил то, что потерял и вдруг нашёл, и когда я находила то, что потеряла и вдруг нашла.

Эта фраза — «У нас ничего не теряется!» — стала нашей общей разговоркой, которую мы всегда повторяли с Толей, когда он искал то, что у него куда-то запропастилось, и когда я искала то, что у меня куда-то запропастилось.

«Ты не можешь найти свои очки? Не помнишь, куда положил их? Поищи получше в своей сумке. Сейчас найдёшь. У нас ничего не теряется!» — говорила я ему.

«Ты не помнишь, куда положила папку со своими бумагами? Поищи её получше. Сейчас найдёшь. У нас ничего не теряется!» — говорил мне Толя.

2.

...И вот что стало происходить со мной у меня дома, когда Толя Шамардин покинул этот мир и ушёл, «как говорится, в мир иной». Какие чудеса стали происходить со мной.

Стоит мне только потерять у себя дома какую-то вещь, и стоит только подумать: «Куда же я её положила, куда задевала, куда забесила?! И как же и где же мне её теперь найти?» — как она тут же, моментально, сама собой и находится и попадает мне на глаза. Раньше у меня если что-то терялось в квартире, я могла искать это неделями и месяцами, а иногда и годами, и не могла найти. И находила, как правило, только после того, как переставала искать. А теперь едва только потеряю что-то и едва только подумаю: «А где же у меня эта вещь?» — как тут же и нахожу её. Чудеса...

...Например, вздумала я найти у Толи Шамардина в его архивах, которые я перевезла от него к себе, бумагу с Толиными авторскими правами. И подумала: «Да где же я её сейчас найду среди десятков папок и среди тысяч бумаг?» — И бросила взгляд на одну из папок и подумала: «Дай-ка я посмотрю эту бумагу в этой папке...» — И открыла эту папку и... тут же увидела там эту нужную мне бумагу! Как будто это

сам Толя помог мне найти её, подсказал, где её искать, и сказал мне: «У нас ничего не теряется!» — И я обрадовалась и воскликнула про себя: «У нас ничего не теряется!»

...Или, например, сунула я куда-то свой блокнотик с набросками своих стихов о Толе... и подумала: «Ну всё, потерялся мой блокнотик... Нет его на привычном месте и на привычных для меня местах, куда я всегда кладу его, и в сумке у меня его нет... Не найду я его теперь... Может быть, я оставила или выронила его где-нибудь на улице... Но если он дома, а здесь «у нас ничего не теряется», то я, может быть, всё же найду его, только вопрос — когда? Через месяц? Или через три месяца? Или через три года, если он упал куда-нибудь под батарею, под которую я влезть не могу, потому что она загорожена столом с коробами бумаг и книг...» — И я бросила взгляд на угол с ворохом бумаг, где моего блокнотика по логике вещей никак не могло быть, и приподняла один пласт бумаг и... тут же увидела под ним свой блокнотик! Как будто это опять сам Толя подсказал мне, где искать этот блокнотик, и сказал мне: «У нас ничего не теряется!» И я обрадовалась и подумала про себя: «У нас ничего не теряется!»

...Или, например, задевался у меня куда-то мой фотоаппарат, без которого я, как говорится, ... не хожу, то есть никуда не хожу, а мне надо идти в редакцию «Юности», на посиделки, и делать там фотосессию. И я подумала: «Да где же он? Нет его нигде!» И тут же бросила взгляд на стеллаж с книгами, куда я никогда не кладу свой фотоаппарат, и увидела там свой фотоаппарат! Как будто Толя сказал мне: «Посмотри его вот здесь, он здесь...»

...И каждый Божий день со мной теперь случается такое. Как только мне кажется, что я потеряла у себя дома какую-то свою вещь, авторучку, диктофон, флэшку, зеркальце, расчёску, нужную мне книгу, нужную бумагу, записную книжку, и что я теперь никогда не найду её или найду, но не скоро, так она тут же сама собой находится, тут же, в эту же секунду, чего раньше никогда не бывало! Как будто Толя Шамардин с фотографий на стеклянной витрине моего шкафа всё время подсказывает мне, где находится вещь, которую я потеряла, положила туда, не помню куда, или «забельшила», если говорить солотчинским

языком моей матушки, и говорит мне: «У нас ничего не теряется!» И я восклицаю с ним: «У нас ничего не теряется!»

Я не знаю, чем объяснить эти чудеса, которые происходят со мной в моём доме с тех пор, как Толя Шамардин вроде бы ушёл в мир иной. ...Только тем, что Толя Шамардин никуда не ушёл от меня и что он, как Домовой, как святой дух, живёт в моем доме, в моей святой келье, и знает, что где лежит, что где находится. И помогает мне найти это, если я не могу вспомнить, что куда положила, и говорит мне, как раньше: «У нас ничего не теряется!» Причём эти его слова относятся не только к материальным вещам.

8.09.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

НИНА КРАСНОВА В ГОСТЯХ У ХУДОЖНИЦЫ НАДЕЖДЫ МУХИНОЙ

Вчера (6 сентября) поздно вечером я поехала навестить одну свою подругу, художницу Надежду Мухину, которая давно ждала и много раз приглашала меня к себе в гости, а я всё никак не могла собраться и поехать к ней. Вчера, наконец, собралась и приехала, в десять часов вечера. Чтобы заночевать у неё, чему она очень рада, а утром ехать от неё на Новосходненское кладбище к Толе Шамардину. Она — коренная москвичка, живёт в районе «Речного вокзала», на улице Фестивальной, то есть в доме на улице Фестивальной, а не на улице.

У Нади десять лет назад умер ее самый близкий, самый родной и самый любимый человек — муж, Герман, а шесть лет назад она попала в аварию, под колёса машины, получила тройной перелом правой ноги и теперь ходит с тростью, а иногда и с костылём.

Я привезла ей кое-какой еды и несколько экземпляров 4-го номера альманаха «Эолова арфа», где напечатаны её новеллы под общим названием «Блики на хризантемах».

И мы вместе с ней поужинали на кухне бутербродами с зерновым хлебом и с «Казачьей» колбаской и с помидорами и выпили из красивых больших и широких чашек чай «Kurtis» с лимоном. И потом до четырёх часов утра не спали, а сидели в её комнате, увешанной кар-

тинами и напоминающей Третьяковскую галерею, зал импрессионизма, и рассказывали друг другу свои новости и обсуждали их со всеми подробностями. И она показала мне альбомчик репродукций своего любимого художника Коровина и свои новые и старые натюрморты и пейзажи, и сказала, что краски на полотнах со временем изменяются и дописывают за художника его живопись:

— Поэтому когда я пишу картины, я учитываю это и никогда не дописываю их до конца, чтобы не переборщить с этим, они сами себя допишут со временем, — открыла Надя мне свой профессиональный секрет. — Вот, смотри, картина «Летние сумерки на Гоголевском бульваре», которая тебе особенно нравится. Ты видишь, у неё изменился цвет? Она сейчас не такая, какую была несколько месяцев назад.

— Да, она стала ещё лучше... Я даже не пойму, что с ней случилось, но она стала ещё лучше...

— Она сама себя дописала.

— Как природа сама себя доделывает... Мы засушим зелёный лист, а он через время превращается в лист другого цвета... Или: мы посадили бледно-зелёный росточек в воду, а он через два дня стал тёмно-зелёным, набрал цвет.

— Об этом я и говорю...

Потом Надя читала мне свою новую прозу, вещь из разрозненных кусочков «Мир улетающих ангелов». И ещё она дала мне для книги о Толе Шамардине, которую я готовлю, свой этюд в прозе, который она написала четыре месяца назад, 11 мая 2014 года. И мы с ней повспоминали Толю Шамардина, как он выступал на вечерах «Эоловой арфы», пел песни своим сладкозвучным голосом и очаровывал публику, и как вместе со мной навещал Надю у неё дома, и всегда был весел, артистичен и заряжен солнечной энергией, и как он вместе с критиком Юрием Крохиным привозил ей из типографии и поднимал на седьмой этаж, на лифте, часть пачек «Эоловой арфы», которые она заказывала себе (со своими публикациями)...

В четыре часа ночи или уже утра у меня стали слипаться глаза, мне захотелось спать. И я собиралась было лечь и уснуть, на полу, на ковре, где Надя постелила мне постель, как раньше в деревнях гостям стелили постели на полу (моя матушка говорила мне об этом). Но мы с Надей выпили ещё по чашке чаю, с тостами за покойного Толю Шамардина и за её покойного Германа и за наших покойных мам и, как сказала бы

моя матушка, «разгулялись», разбодрились и засиделись до восьми часов утра. И рассказывали друг другу сны, которые нам снятся, и расшифровывали их... И так и не уснули.

Я подарила Наде Мухиной свою новую книгу «Тайна», с автографом, том 1-й, которую выпустил в «Вест-Консалтинге» Евгений Степанов. И мы обе листали эту книгу и восхищались её оформлением и полиграфией... и хвалили Евгения Степанова. И Надька совершенно обалдела от этой книги и сказала:

— И я такую хочу выпустить когда-нибудь, книгу своих сочинений!

Потом мы позавтракали яичницей с кусочками жареной курицы. Глядя на дымчато-серый с голубыми отблесками рассвет в окне, на густые кущи деревьев за окном. И я поехала на «Речной вокзал», а от туда — на Новосходненское кладбище — навестить Толю Шамардина, на могилке у которого я давно не была, — от «Речного вокзала» туда ехать намного ближе, чем от моего «Перова».

8.09.2014. 20.09.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПРИВЕТЫ ОТ ТОЛИ ШАМАРДИНА ЧЕРЕЗ ЦВЕТОЧКИ НА ЕГО МОГИЛЕ

1.

На могилку к Толе Шамардину на Новосходненское кладбище я езжу так: от своей станции метро «Перово» доезжаю (через «Третьяковскую» и «Новокузнецкую») до «Речного вокзала», а от туда еду на 370-м автобусе до конечной остановки, и потом минут двадцать иду пешочком по асфальтовой дороге до самого кладбища. А 6 сентября я была в гостях у художницы Надежды Мухиной, которая живёт на улице Фестивальной, недалеко от «Речного вокзала», и заночевала у неё и от неё и поехала к Толе, рано утром 7 сентября, в воскресенье, в восьмом часу. Доехала от улицы Фестивальной на троллейбусе до «Речного вокзала» и села на 370-й автобус... На котором (если не на 482-м) и сам Толя часто ездил, к себе домой, в свою новую квартирку, в Усково, но он никогда не доезжал до Новосходненского кладбища и даже не знал, что есть такое, и не знал, что он найдёт своё последнее пристанище и упокоится на этом клад-

бище.

Ехала я на автобусе по маршруту Толи Шамардина, по которому когда-то и с самим Толей ездила не раз... «ЛЕРУА МЕРЛЕН» (здесь мы с Толей покупали занавески для его окон)... «АШАН» (здесь мы с Толей покупали продукты, французские булочки, итальянский белый хлеб-багет, фрукты-овощи, диски и кассеты для записи песен)... «ИКЕА» (здесь мы с Толей покупали мебель для его квартирки, буфет, стол со стульями, стеллажи, раму для кровати, и ужинали в кафе на втором этаже)... блошинный рынок Подрезково (сюда Толя носил одной семейной паре, продавцам, которые стали его восторженными поклонниками, свои диски для продажи)... ресторан «У Филина» (здесь Толя хотел устроиться на работу, петь песни по вечерам, но не успел встретиться с хозяином и договориться с ним насчёт работы)... Все точки этого маршрута связаны с моими воспоминаниями о Толее... все они теперь для меня — мемориальный комплекс Толи Шамардина, и везде я повесила бы мемориальные таблички: здесь бывал певец мирового уровня Анатолий Шамардин, с соавтором своих песен поэтессой Ниной Красновой. А вот и гора, за которой находится его террактово-розовый дом, эконом-класса... Рукотворная, большая и высокая гора... почти такая, как в ставропольском греческом селе Хасауте, где Толя провёл своё детство. На этой горе я поставила бы памятник Анатолию Шамардину, как Шукшину в Сростках, и организовывала бы здесь Шамардинские музыкально-литературные праздники... Толя смотрел на эту гору из своего окна, на воробьев и галок, и шутил: «Вон над горою орлы летают!»

Грустно-грустно мне теперь смотреть на эту гору... и на воробьёв и галок, которые летают над нею, машут крыльями и думают: «А где же тот весёлый человек с экзотической внешностью, который сравнивал нас с орлами?» И грустно-грустно мне ехать по маршруту Толи не к нему домой, а к нему на кладбище.

2.

Пробок утром на дороге не было. И я быстро доехала на 370-м автобусе до конечной остановки, а дальше пошла пешочком. По асфальтовой дороге, по которой взад-вперёд сновали легковушки, а иногда и грузовики, и по краям которой росли кусты, высокие травы, пока ещё по-летнему зелёные, и цветы, пока ещё не увядшие... Я нарвала

для Толи живой букет из сиреневых ромашек, желтой пижмы, розовой кашки, лилового люпина и жёлтых цветов-метёлочек... А у ворот кладбища купила несколько маленьких искусственных букетиков — фиолетовых и розовых фиалок. И с ними и пришла к Толе на могилку... Около неё выросли лопухи и крапива... А у входа в оградку, у самой дверцы, выросло большое растение с крупными сочными листьями, не лопух, а что-то другое, ярко-зелёное... Хорошо им здесь. В этом живом ботаническом уголке. На участочке Толи Шамардина... И Толе с ними, наверное, веселее?

— Толенька, вот я к тебе пришла... — сказала я Толеньке.

«О! Какая радость! Что у тебя нового произошло за последнее время, какие события? Я люблю, чтобы что-то происходило...» — сказал бы мне Толя, в ответ на это, и мне послышалось, что именно это он мне и сказал.

...Я села на траву, сбочку от могилки, и достала из своей бежевой котомки с эмблемой «Дикси» и положила перед собой пластмассовую красную папку, чтобы она служила мне крышкой столика, а на неё положила 6-й номер журнала «Юность», газету «Слово» и три номера газеты «Экслибрис»-НГ, два старых (за май-июнь) и один новый, где напечатаны материалы о Толе. И стала прямо вслух рассказывать Толе, как если бы он сидел рядом со мной, что где напечатано:

— Толенька, в 6-м номере «Юности» напечатана статья Игоря Михайлова о тебе «Где ты, бельканто?», и там же твои фотокарточки разных лет из твоего фотоархива, который я храню у себя дома, а на обложке помещён твой цветной портрет, твой любимый портрет, как на твоём диске «Песни народов мира», и ещё в журнале введена постоянная рубрика твоего имени, имени Анатолия Шамардина, она называется «Голоса и судьбы». А в «Экслибрисе» напечатана моя (под псевдонимом Николай Фонарёв) статья о вечере Гостиной Союза писателей, который проходил «под песни Анатолия Шамардина» и стал по- существу первым (эскипрым) вечером твоей памяти, а в другом номере напечатана статья о «посиделках» в «Юности», посвящённых 6-му номеру и тебе, а в другом, более раннем номере Экслибриса — моя (и наша с «Экслибрисом») некрологическая статья о тебе с твоим цветным портретом, а в газете «Слово» — моя некрологическая статья о тебе с подписями твоих друзей, и в «Литературной газете»... но некрологические статьи я тебе уже читала... Я всё это принесла тебе, чтобы ты знал,

что никто тебя не забывает и что все тебя любят... И, кстати сказать, все передают тебе свои приветы. (Я перечислила ему всех, кто передаёт ему приветы... ну не всех, а кого не упустила.) ...А ещё у меня вышла книга «Тайна», в издательстве Жени Степанова «Вест-Консалтинг», первый том, с твоей любимой моей фотографией, которую ты когда-то и сделал, и с моим, тоже твоим любимым портретом, который нарисовал наш друг из Керчи — Боря, Борис Васильев-Пальм... И в этой книге напечатаны мои стихи, посвящённые тебе, из моей твоей любимой книги «Семейная неидиллия» и два реквиема, два плача о тебе... в цикле «Поминальные свечи».

И я прочитала Толе статью Игоря Михайлова, и свою статью о «посиделках» в «Юности»... А потом стала читать ему свои стихи, посвящённые ему, устроила ему такой свой авторский вечер, тет-а-тет. Я никогда никому и нигде не читаю своих стихов, стесняюсь замучивать ими людей, и даже на своих авторских вечерах читаю их мало, а Толе всегда читала все свои стихи (по мере того, как они сочинялись у меня), и теперь прочитала ему весь цикл, посвящённый ему... Не громко, не во весь голос, не на всё Новосходненское кладбище, а тихонько, чтобы никто, кроме него, меня не слышал, если не считать его ближайших «соседей» по кладбищу.

Я сидела на его кусочке земли, никому не видная со стороны, огороженная его оградкой, в траве с лопухами и крапивой, перед его могилкой, которая похожа не на могилку, а на клумбу с искусственными цветочками, очень весёлых и нежных расцветочек, солнышко согревало меня своими тёплыми лучами... незримые птички пели на деревьях... и я совершенно отключилась от внешнего мира людей и испытывала состояние, близкое к состоянию благодати... и чувствовала себя почти в Раю... где моя душа общается с душой Толи Шамардина... Я и помолилась и поплакала о нём... И выпила за него минеральной водички и закусила помидором и слойкой с капустой... Всё у меня получилось, как в одном моём стихотворении.

НА ПОСЕЩЕНИЕ МОГИЛКИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Я тебя, твою могилку
в воскресенье посету,
У твоей оградки сяду

птичкой певчей посвящу
И тебе одну из лучших
новых песен посвящу.

О тебе и днём, и ночью
я тоскую, вот о ком.
Я приду к тебе с повинной,
в белом платье в таком.
И с могилки в знак приветва
ты помашешь мне цветком...

14 и 21 июля 2014 г,
Москва — Сходня — Москва

3.

...Когда я собираюсь идти и иду и прихожу к Толе Шамардину на кладбище, я всегда как будто бы жду чего-то... чего ждать от человека, который лежит в могиле и не может пошевелить ни рукой, ни ногой и не может подняться оттуда? Но я жду какого-то тайного знака, который Толя пошлёт мне... не из-под земли, а из своего потустороннего мира... незримые ворота в который находятся на территории Толиной могилки... Портал между двумя мирами...

И вот я пришла к Толе и сидела около его могилки (часа четыре и не заметила, как они прошли) и читала ему статьи и стихи о нём, напечатанные в газетах, в журнале и в моей новой книге «Тайна», и разговаривала с Толей и ждала от него какого-то знака. И дождалась. Я смотрела на искусственные цветочки, которыми всегда украшаю его могилку, каждый раз добавляя к ним новые и новые цветочки, и любовалась ими и думала, что у него самые лучшие цветочки, не помпезные, не претенциозные, а маленькие и весёленькие, и они ему понравились бы (и нравятся?), и вдруг увидела, что один из них, розовенький, низенький, воткнутый в ту часть могилки, которая находится на вертикальной линии, связанной с сердцем покойного, как если бы рос прямо из его сердца, стал покачиваться на своём коротком стебелёчке и кивать мне своим венчиком и кланяться мне, хотя, что особенно удивительно (!), никакого, даже слабого ветерка, от которого он двигался бы, не было. Это Толя помахал мне этим цветочком — послал мне свой привет...

«Это ты посылаешь мне свой «тайный знак любви и тайный знак

привета?» — заморожённая этим, не отрывая глаз от цветка, спросила Я Толю молча, без слов, как бывает в снах, где я разговариваю с ним телепатически.

«Да», — сказал мне Толя тоже молча, и цветок плавно и трепетно кивал мне своей головкой... А в это самое время один за другим начали кивать мне своими головками-венчиками и кланяться и другие цветочки... Толя помахал мне всеми цветочками, какие я приносила ему, послал мне таким образом свои приветы. И не только мне, но и всем, от кого я передала или могла бы передать ему приветы. И сказал мне то, что я хотела услышать от него.

22.09.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

**ПЕСНИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА НА СТИХИ
ВИКТОРА БОКОВА ВОШЛИ В ЮБИЛЕЙНЫЙ
МУЗЫКАЛЬНЫЙ АЛЬБОМ ПОЭТА
«ЖИЗНЬ МОЯ — ДОРОГА ДАЛЬНЯЯ...»**

Вчера я была в Зале Чайковского на вечере, посвящённом 100-летию поэта Виктора Бокова, нашего с Анатолием Шамардиным общего друга и учителя и, так сказать, нашего посажённого отца, благодаря которому я когда-то и познакомилась с Анатолием, а Анатолий — со мной, когда мы оба выступали на одном из вечеров Бокова. Это было в 1988 году, в Доме культуры газеты «Известия».

С Боковым я познакомилась в октябре 1984 года, в Константинове, на Есенинском празднике, в котором участвовала вместе со своими земляками, рязанскими поэтами и московскими гостями как молодая поэтесса, читала свои стихи о Есенине. И Боков при всём народе сорвал с вазона петунью и преподнёс мне, отметил меня своей метой. А в декабре 1984 года он пригласил меня в Москву на свой юбилейный вечер, который проходил в Большом зале ЦДЛ. И там я впервые увидела и услышала Анатолия Шамардина. Он пел под гитару свои песни на стихи Бокова — «Луговая рань» и «Золотая иволга». Пел он — как золотая иволга в лесу, голосом, который лился и переливался самыми разными оттенками и казался беспредельным. Я тогда подумала: «Откуда взялся такой чудесный, такой изумительный и восхитительный

певец и композитор? Почему я раньше никогда не слышала и не видела его?» Правда, тогда, в 1984 году, мне не пришлось познакомиться с ним лично, а познакомилась я с ним, как я уже сказала, в 1988 году, когда приехала из Рязани в Москву выступать на вечере Бокова в Доме культуры газеты «Известия». Анатолий — со своей лучезарной улыбкой — сам подошёл ко мне и попросил у меня мои стихи, сказал, что напишет на них песни и мы будем петь их вдвоём, взявшись за руки. И я прислала ему свою книгу по почте, и он написал песню «Вечер в клубе» и исполнял её в своих концертах. А когда я в 1992 году переехала жить в Москву, он создал целый цикл песен на мои стихи! А до этого писал песни в основном на стихи Бокова и ещё кое-кого из своих друзей-поэтов — Николая Старшинова, Алима Кешокова, Новеллы Матвеевой, Ивана Киуру и т. д.

Свою первую песню на стихи Виктора Бокова, а ею была «Луговая рань», Анатолий Шамардин написал в 1968 году, когда жил на Урале, в Шадринске Курганской области, и преподавал там в пединституте иностранные языки. Потом он приехал на несколько дней в Москву, нашёл через справочное бюро номер телефона Бокова (тогда это было просто), позвонил поэту по уличному телефону-автомату и спел свою песню Бокову на ухо, прямо в трубку. Боков сказал: «Добро! Годится!». И у них завязалась творческая дружба. А когда Анатолий переехал жить в Москву, они с Боковым стали ездить по России с концертами и изъездили всю Россию. Анатолий сочинил песен двадцать на стихи Бокова. И тот любил их больше, чем многие раскрученные песни на свои же стихи, и очень ценил Анатолия как композитора-мелодиста и как певца, обладающего редчайшим по красоте голосом и владеющего искусством «русского бельканто», и говорил, что лучше самого Анатолия никто не споёт его песни, ни один певец и ни одна певица, даже Людмила Зыкина.

И вот к 100-летию Виктора Бокова, который ушёл в мир иной пять лет назад, в возрасте 95 лет, Информационно-консалтинговое агентство «СМИ и бизнес» выпустило музыкальный альбом «Жизнь моя — дорога дальняя...» — с песнями разных композиторов на стихи Виктора Бокова — Соловьева-Седова, Пономаренко, Аверкина, Кутузова, Пахмутовой, Экимяна, Ханка, Темнова и т. д. Из 150 песен в альбом по-

пало 90. И среди них — семь песен Анатолия Шамардина — «Луговая рань», «Вишня, орешенья», «На лесах позолота», «Вероника», «Твой районный городок», «Белый пух», «Золотая иволга!» — все те песни, которые он успел записать в студии, а большинство из них он записать не успел. В том числе и одну из самых лиричных своих песен «Алевтина», посвящённую жене и музе Бокова Алевтине, которую сама Алевтина очень любила и пела за столом на даче в Переделкине, куда мы с Толей регулярно ездили к Бокову и сидели за столом с ним и его семьёй.

Я помню, как Толя радовался, когда в 2013 году, по совету Алевтины, Генеральный директор «СМИ и Бизнеса» Татьяна Новикова попросила у него песни для юбилейного Боковского альбома, и как Толя внимательно прослушивал все варианты своих песен и отбирал самые лучшие и радовался, что они попадут в юбилейный альбом, и ещё в феврале-марте 2014 года досылал туда свои песни. И вот альбом вышел, прямо к 100-летию поэта и к вечеру в Зале им. Чайковского.

Жалко, что Толя не дожил до этого пять месяцев и что он не дожил до своих 95-ти лет, если не до 100, чтобы успеть доделать свои главные творческие дела, и 27 апреля на 77-году жизни, всего через 5 лет после Бокова, который был старше его на 24 года, ушёл за ним в мир иной, где теперь встретится или уже встретился с этим своим старинным другом. Но я думаю, что Анатолий Шамардин, как и Виктор Боков, там, на небесах, знает, что их с Боковым песни не пропали, не канули в Лету.

По окончании вечера сотрудник Зала им. Чайковского громко объявил со сцены всем зрителям:

— Сейчас вы получите подарки!

И стал вытаскивать из белых картонных коробов и раздавать зрителям музыкальные альбомы Виктора Бокова, уложенные в специальные коробочки с портретами поэта на них, в каждой коробочке — пять дисков, которые листаются как страницы книги в переплёте, а в кармашке каждой «книги» — буклет с текстами о Викторе Бокове и с перечнем песен на стихи этого патриарха поэзии, народного поэта России.

Алевтина Бокова сквозь всю толпу крикнула мне:

— Нина! Краснова! На, тебе! — и протянула мне через головы зрителей коробочку с дисками песен на стихи Виктора Бокова!

...И я принесла эту коробочку домой. И поставила её рядом с фотографиями Толи Шамардина, в его уголок. И сказала Толе:

— Толечка! Вот тебе к 100-летию Бокова подарок от Бокова, который Боков (с помощью Алевтины и добрых людей) сделал не только себе, и не только всем своим друзьям и поклонникам, но и тебе, как и мне! И вот Боков улыбается тебе и мне со своего портрета своей мудрой боковской улыбкой и говорит, что если он взял тебя когда-то под своё крыло, то и не покинет тебя никогда, не бросит тебя на произвол судьбы, и вы с ним всегда будете вместе, как на земле, так и на небесах, где вы теперь встретились под яблонями райского сада, как на даче в Переделкине, и что вы всегда будете вместе в истории русской культуры, и в Вечности.

Вот праздник так праздник!

Я согрела в электрическом чайнике кипяток и выпила «Майского» чаю с «Российским» сыром и с цветочным тамбовским мёдом за этот праздник, за Виктора Бокова, и за Анатолия Шамардина! И всю ночь слушала песни Толи Шамардина на стихи Виктора Бокова, и песни их общих друзей — «Оренбургский пуховый платок», «На побывку едет молодой моряк», «Я назову тебя зоренькой», «Ты моя надежда», «Никому я не поверю, что другую любишь ты», «Коло-коло-колокольчик», «Володенька, Володенька», «Лён» — песни Пономаренко, Кутузова, Аверкина, Темнова, которых Бог тоже призвал к себе на небеса, как и Людмилу Зыкину и Ольгу Воронец... Хорошая там собралась компания... и им не будет там скучно, как и на земле, и они не будут там одиноки, и Толя не будет там одинок в кругу этих своих друзей.

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев:

Галина Йонаш: «Откуда взялся такой чудесный, такой изумительный и восхитительный певец и композитор? Почему я раньше никогда не слышала и не видела его?» — это то, что приходит в голову всем, кто не был знаком с его творчеством!...»

13.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

МЁД С ЯРМАРКИ МЁДА В КОЛОМЕНСКОМ

Вчера я ездила в Коломенское на ярмарку мёда. С художницей Надеждой Мухиной, на которую шесть лет назад наехал автомобиль и сломал ей ногу в трех местах, и теперь Надя ходит с тростью и не может пускаться одна в дальний путь, и носить тяжести, и она попросила меня сопроводить её на ярмарку мёда за мёдом, который ей, как и вообще-то и всем, а не только ей, нужен для здоровья. Она купила пять банок (пять килограммов) мёда, всего за 1.500 рублей, волгоградский (урюпинский), «Белая акация» и «Лесной», и башкирский, «Горный», «Донник» и ещё какой-то.

— Этого мёда мне хватит на целый год, — сказала она. — Чем глотать разные таблетки, разные лекарства, которые стоят сумасшедших денег, лучше кушать мёд.

Я купила себе две банки — «Белую акацию» и «Лесной».

...Год назад я ездила на ярмарку мёда с моим вечным другом, певцом и композитором Толей Шамардиным. Мы тогда купили с ним банку десяти разного мёда.

— Теперь нам хватит его на целый год, — радовался Толя, большой любитель мёда. А через полгода умер, ни с того ни с сего. От острой коронарной недостаточности. «Не доживя века», как сказала бы моя покойная матушка.

И теперь я ходила по ярмарке и вспоминала, как мы с Толей, я и он, ходили год назад на ярмарку за мёдом и пробовали его на вкус беленькими пластмассовыми лопаточками и собирались приехать сюда через год, когда съедим все свои банки, от которых у меня остался нетронутым липовый мёд.

...Дома у Нади Мухиной мы обе выпили из красивых чашек чаю с горным мёдом и помянули Толечку Шамардина, дух которого кружил возле нас, прилетев к нам, как «пчёлочка золотая» на мёд.

16.10.2014

НИКОЛАЙ ИОДЛОВСКИЙ: «Я БАЛДЕЮ ОТ ПЕСЕН ТОЛИ ШАМАРДИНА...»

Поэт Николай Иодловский (из литературного круга Кирилла Ковальджи и «Золовой арфы») позвонил мне и сказал, что написал три стихотворения, посвящённых Толе Шамардину, и продиктовал мне их и долго и сокрушённо говорил со мной о Толе:

— Как жалко, что он ушёл от нас раньше времени. Жалко до слёз... Жалко...

— Причём он ушёл так нелепо и так несуразно...

— Вот именно — нелепо и несуразно...

— Ехал в автобусе (в Химки, к своему сыну), забыл на сиденье свой мобильник, погнался за автобусом, за мобильником и бежал за ним до самой станции «Химки», как олимпийский грек, как марафонец, не догнал автобус, сел на такси, догнал автобус, нашёл там свой старый, никому не нужный мобильник, позвонил своему сыну, сказал: «Я забыл в автобусе свой мобильник, но сейчас уже нашёл его и иду к тебе, уже захожу во двор...» — Зашёл во двор... и почувствовал себя плохо... И присел под деревом, перевести дух... и умер... в один момент... отдал Богу душу... Потому что перенервничал... испытал сильный стресс... да и физически перенапрягся... Вот сердце у него и не выдержало и разорвалось...

— На кой хрен Толя помчался за этим мобильником?! У меня это в голове не укладывается...

— Причём он бежал по жаре, с тележкой, в которой вёз своему сыну свои кассеты на отцифровку (для своего нового аудиодиска) и кое-что из продуктов...

— Чёрт бы с ним, с этим мобильником. Мы скинулись бы и купили бы ему новый...

— Разве эта железка стоит его жизни?

— Ничего она не стоит, эта железка...

...Николай Иодловский дружил с Толей много лет, частенько звонил ему, и Толя частенько звонил ему и говорил с ним на литературные и музыкальные темы и — как с опытным юристом — консультировался по некоторым юридическим вопросам и весело приветствовал его, как

и всех своих друзей, одним и тем же зачином: «Это мой лучший друг (имярек)... Николай?» И ценил его как поэта, обладающего юмором и иронией, и всегда приглашал на свои концерты, где бы они ни проходили, в ЦДЛе, или в Доме учёных, или в Политехническом музее, или в клубе МВД...

— А как Толя пел! Итальянские песни в стиле бельканто...

— Итальянские он пел лучше, чем сами итальянцы... И все песни он пел так, как никто не споёт лучше его.

— И немецкие, и японские... и греческие... Он и русские песни и романсы великолепно пел, но иностранные мне в его исполнении особенно нравятся!

— И как он пританцовывал, когда пел ритмичные песни... как легко и красиво двигался... перебирал ножками...

— Да... раскидывал ножки туда-сюда... то в одну сторону, то в другую... Он всё делал легко и красиво и весело... Толя подарил мне свои диски, и я всё время слушаю их... и дома, и на работе... Как-то я сидел и слушал его песни у себя на работе во время обеденного перерыва и наслаждался ими. Потом думаю: дай-ка я позвоню Толе и скажу ему это. Звоню ему, говорю: Толя, представляешь, я слушаю твои песни во время обеденного перерыва и прямо балдею от них... Толя весь расцвёл от моих слов! А я правда всё время наслаждаюсь его записями и балдею от них...

— Толя певец — мирового уровня, если кто понимает это...

— Вот именно — он певец мирового уровня... И Толя достоин, чтобы его знали, помнили и любили... Он достоин этого. И я верю, что он с нами, его душа с нами, хотя это и противоречит учению марксизма-ленинизма, но я верю, что его душа — с нами. Как со мной душа моего отца, который умер десять лет назад, и моей бабушки. Я говорю с ними, а они говорят со мной...

— Толя ушёл... но он не покинет нас...

— Не покинет...

— Как и мы не покинем, не бросим его. И сейчас я составляю книгу о нём, и делаю альманах «Эолова арфа» о нём, куда включу и твои стихи... Толя будет рад этому...

— Да, он будет рад...

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Юлии Арешевой, Вере Завгородько, Андрею Патаракину и другим это нравится.

Идилия Фомичёва: Анатолий — певец от Бога! Прослушав его песни, мне кажется мы с ним знакомы давно. Смотрю на его фото, а он мне так мило улыбается. Анатолия и его песни я очень и очень полюбила. Когда мне грустно, я слушаю песни в его исполнении. Вечная ему память!!!

Нина Краснова: Дорогая Идилия, я вставлю Ваши слова о Толе Шамардине в книгу о нём и в альманах, посвященный ему. Толя очень любил своих слушателей, своих почитателей и очень дорожил ими. И я рада, что теперь число его слушателей и почитателей растёт и будет расти!

Идилия Фомичёва: Ниночка! Большое спасибо, я не возражаю!!!

Галина Йонаш: У Толи (на фотографиях) такая лучистая улыбка всегда!

Герман Гецевич: Светлая память о светлом человеке — бессмертна... Он весь светится: каждая черта лица... и улыбка...

Нина Краснова: Герман, Толя тебя очень ценил как поэта и эрудита и как человека и любил. Спасибо тебе за твои золотые слова о нём! Я вставляю их в книгу, посвященную Толе. Ему это будет приятно и радостно.

18.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

НОВАЯ СТАРАЯ ПОКЛОННИЦА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Поэтесса Раиса Быстрова позвонила мне домой по телефону и обрадовалась, что дозвонилась до меня:

— Нина! Я до тебя целый месяц не могла дозвониться...

— У меня телефон был сломан...

— А я хотела сказать тебе, что у Толи Шамардина объявилась ещё одна (новая старая) горячая поклонница, моя соседка по дому, из второго подъезда. Валентина Ивановна Комракова... Ей 83 года. Она сейчас уже плоховато ходит, а раньше была очень подвижная. Она узнала от меня, что умер Толя Шамардин, и сильно расстроилась! Она сказала мне:

— Я так любила его, с самой своей молодости... так любила, так любила... Я ходила на все его концерты... Только услышу по московскому радио или увижу где-то объявление о его выступлении, сразу же бро-

саю все свои дела и иду слушать Толю Шамардина... На все его концерты я ходила, обязательно... Я любила его больше всех Кобзонов, Лещенков... больше всех самых известных певцов, которые то и дело звучат по всем радиоканалам и не слезают с телеэкранов... У него такой голос, такой голос! И сам он такой обаятельный, светлый... Как жалко, что Толи Шамардина не стало... Как жалко...

...А Толя Шамардин и не знал, что у него есть такая поклонница... Как бы он обрадовался этому! Он любил свою публику, которая приходила на его концерты и для которой он пел и которая аплодировали ему и кричала «Браво!», «Бис!» и которая была готова слушать его бесконечно... Ему были дороги все его слушатели, все его поклонники и поклонницы, и для него их отношение к нему, их непосредственная восторженная реакция на его выступления была дороже и ценнее мнений всех самых авторитетных специалистов и дороже и ценнее всех лавров и гонораров...

— Вот я встретила в своём дворе одну соседку, которая знает Анатолия Шамардина, бывала на его концертах, видела его живьём и любит его больше всех певцов на свете, — сказала мне поэтесса Рая Быстрова, которая тоже бывала на его концертах и видела его живьём и общалась с ним и любит его и написала своё эссе и свои стихи о нём.

20.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ДОРОГА К ТОЛЕ ШАМАРДИНУ И ОТ НЕГО ПО НЕНАСТНОЙ ПОГОДЕ

1.

14 сентября я опять была на могилке у Толи Шамардина, теперь уже не одна, а с его однокурсницей и нашей с ним подругой Тamarой Королёвой. Мы договорились встретиться и встретились с ней в 9.30 в центре станции метро «Речной вокзал» и вместе поехали к Толе на Новоходненское кладбище.

Погодка на этот раз выдалась не солнечная, а бессолнечная, сероватая, и мы с Тamarой всё боялись, что пойдёт дождь, который шёл в Москве уже несколько дней, не то чтобы боялись, но не хотели, чтобы он пошёл, и молили об этом Бога, и Бог услышал нас... а может быть, нас

улышал Толя и попросил Бога, чтобы тот перенёс дождь на другое, более позднее время, когда мы с Тamarой уже разъедемся по своим домам, и Бог внял ему.

— Надо же, целую неделю в Москве шёл дождь, и сегодня, по прогнозам метеорологов, должен был пойти дождь, а его пока нет... — удивлялись и ликовали мы с Тamarой. — Это Толя позаботился о нас и попросил Бога отменить дождь на время, зная, что мы с тобой, две кумушки, собираемся сегодня идти на Новосходненское кладбище... Ещё утром дождь немножко накрапывал, а сейчас нет. И ведь мы с тобой даже зонтов не взяли... если пойдёт дождь, нам негде будет укрыться от него, хотя в этом случае и зонты нас не спасут...

2.

По дороге к Толе мы обе нарвали для него цветов, которые росли вдоль дороги: это были уже последние осенние цветы — жёлтые, белые и сиреневые... А у ворот кладбища мы купили ещё несколько искусственных цветочков, Тамара — темно-синие васильки на высоких ножках, а я — темно-лилово-бордовые, тоже на высоких ножках, и по букетику маленьких фиалок...

— Толенька, сегодня мы пришли к тебе вдвоём с Тamarой, — сказала я Толеньке так, как будто мы пришли к нему домой или на дачу (которой у него никогда не было).

«Очень рад! Я очень рад вам, девочки! Я ждал вас! И даже попросил Господа Бога отменить дождь на время. Чтобы вы не промокли, — сказал нам наш сладкоголосый Толя. — Проходите сюда, девочки, на мою территорию...».

Мы нашли место нашим искусственным цветочкам на могилке, повтыкали их в землю. А живые цветы я поставила в пятилитровую пластмассовую баклажку с водой, а старые засохшие отнесла в контейнер для мусора. А Тамара, которая прихватила с собой из дома спички, зажгла красную лампадку на могилке в нише между венками.

— У нашего Толечки — самое хорошее место здесь, — сказала я.

— Да уж, чего уж хорошего...

— То есть — самое красивое, и цветочки у него здесь самые красивые... Ему такие нравятся... Его могилка даже не похожа на могилку, а похожа на клумбу с цветочками.

— Это точно...

— Ой, я обстрекалась об крапиву!

— И я! Это Толя обстрекал нас.

— Но зачем же он стегает нас крапивой?

— Это он так играет с нами и приветствует нас и говорит, что он нам очень рад! И он знает, что крапивой стрекаться полезно, это способствует... здоровью...

3.

Мы с Тамарой провели в «гостях» у Толи часа два. Рассказывали ему свои новости, касающиеся его, Тамара напомнила и рассказала ему, а также и мне, как они познакомились когда-то в Пятигорске, когда оба учились в пединституте, на факультетах иностранных языков, только она на факультете французского, а он — на факультете немецкого... Толя потом десять лет преподавал в вузах немецкий язык, а Тамара и до сих пор преподаёт французский.

— Толя хотел выучить французский язык и пять французские песни. Ему легко давались все языки, которые он учил, даже японский, но французский почему-то не давался, — открыла мне Тамара один секрет.

— Странно...

— Он не мог произносить картавое «р» и носовые звуки «н»...

— Он не любил гундосые звуки. И не любил гундосые голоса... которыми поют многие наши эстрадные артисты и киноартисты, даже и очень популярные... и, наверное, не хотел быть гундосым...

Он когда-то даже написал и напечатал в журнале «Юность» статью о певцах гундосых и гнусавых... Ха-ха-ха...

— А расскажи, Тамара, напомни мне и Толе, как вы с ним увлеклись друг другом, как тебя очаровал его голос, а потом и он сам, ему было 19 лет, а тебе 18, и как ты мечтала потанцевать с ним, но стеснялась пригласить его на белый танец, и как он сам пригласил тебя на одном из институтских вечеров потанцевать и как хотел встретиться с тобой рассвет в парке, но твоя подруга заперла тебя на ключ и не пустила тебя к нему, а на другой день Толя уехал выступать в Киев, и вы расстались на тридцать лет... а потом ты услышала его по московскому радио, в прямом эфире, в программе «Москва и москвичи», он пел песни на разных языках, и на русском, а твой муж, за которого ты вышла замуж и который оказался горячим поклонником Толи Шамардина, не менее горячим, чем ты, записал на бумажку телефон прямого

эфира и по нему раздобыл номер Толиного телефона и заставил тебя позвонить кумиру твоей юности... и он стал другом вашей семьи...

Тамара рассказала это и мне, и самому Толе, который незримо присутствовал рядом с нами, и мы обе сказали Толе, что мы его любили, любим и будем любить. И в этот момент серая завеса неба раздвинулась, и там показалось солнце! — Толя подал нам свой знак и послал нам привет солнечными лучами!

— Толя нами доволен! И рад, что мы пришли к нему! — прокомментировали мы это чудесное явление.

Кстати сказать, в течение тех двух часов, пока мы с Тамарой находились у Толи, в Новоходненской местности накрапывал дождь, а кое-где и лился ливнем, и только над нами с Тамарой не капало, ни одной капли на нас с ней не упало, как будто Толя держал над нами широкий зонт. Мы выпили за Толю морс из маленьких бутылочек, закусили пирожками и бутербродиками. И помолились о нём в две руки.

4.

Поскольку земля после ночи была мокрая, мы с Тамарой, как ни аккуратничали, извозились в грязи и измазали все наши туфли, которые ни в одной луже не отмоешь, а я ещё измазала и свои брюки, а она свою юбку, но на душе у каждой из нас стало почему-то легко и просветлённо-радостно, как будто Толя велел нам не унывать, потому что и сам он никогда не унывал, и мы обе шли с кладбища в приподнятом настроении и смеялись, глядя друг на друга и подшучивая друг над другом. Тем более, что мы обе были не только в грязи, но ещё и посиневшие от холода, то есть очень непрезентабельные, одна непрезентабельнее другой, две подружки, две «чаровницы» Толи Шамардина, одна поэтесса, а другая преподавательница французского... «Нас с тобой кто-то может принять за бомжих, которые валялись в овраге, в грязи. От нас сейчас все машины будут шархаться в стороны, и никто не захочет нас подвезти», — критиковали мы сами себя, глядя на себя глазами людей со стороны. И у нас от холода зуб на зуб не попадал. И на этом холоде нам пришлось ещё два часа ждать автобус и прогуливаться парой мимо ультрасовременных домов и магазинов-супермаркетов, у которых все двери были почему-то (не от нас ли? смеялись мы) заперты и нигде нельзя было погреться.

— Толя решил испытать нас, — шутили мы. — Проверяет, сильно ли мы его любим... Смотрит, будем ли мы проклинать погоду и жалеть, что поехали к нему на кладбище в такой ненастный день. Нет, не будем. Зато когда мы сядем в автобус и окажемся в тепле, мы почувствуем себя королевами.

Едва только мы сели в автобус, как на улице начался проливной ливень, но он был нам не страшен. Когда мы проезжали поворот на Овражную улицу, мы помахали руками высокой зелёной горе, за которой жил Толя Шамардин и где теперь будет витать его дух, как и везде, где ступала нога этого песнопевца от Бога.

Нина КРАСНОВА

20.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПОХОД С СЫНОМ ТОЛИ ШАМАРДИНА НА КЛАДБИЩЕ К ТОЛЕ ШАМАРДИНУ

1.

Сын Анатолия Шамардина Олег позвонил мне и сказал, что, пока ещё стоят тёплые дни ранней осени, хотел бы сходить на Новосходненское кладбище на могилу отца вместе со мной и со своей семьёй — женой Оксаной и дочкой Леной.

— А потом мы посидим у нас дома, на улице Овражной (у Толи в его новой квартирке, которую он получил два года назад, но в которой не успел путём обосноваться и пожить), и помянем его...

Встретиться мы решили 17 сентября на станции Химки, где я раньше никогда не бывала. Олег объяснил мне, как и на каком автобусе туда ехать. И я приехала туда и увидела эту станцию, до которой Толя 27 апреля на Красную горку бежал с гружёной тележкой по жаре, за автобусом, в котором по рассеянности забыл свой мобильник, но, разумеется, не догнав автобус и тогда наняв такси за 300 рублей и помчался за автобусом на такси и догнав его и нашёл и вернул себе свой старый, ничего не стоящий мобильник, но... ценой своей жизни, переволновался и запыхался и почувствовал себя плохо и присел под деревом во дворе своего сына на улице Машенцева и... умер от коронарной

недостаточности. И теперь мобильник, за который он заплатил своей жизнью, ему больше никогда не понадобится, а пригодился ему, уже бездыханному, только затем, чтобы милиционеры и врачи разыскали по нему Олега и меня и доложили нам о том, что Анатолий Викторович Шамардин умер.

Вот она эта станция, которая привела его к концу. Площадь с плакатом «75 лет городу Химки» (столько же, сколько и его жителю Анатолию Викторовичу Шамардину, которому, правда, было 76 лет и которого мало кто знает в Химках как певца, потому что он там никогда и нигде не выступал с концертами, в отличие от звёзд шоу-бизнеса, которые где только не выступают, у них все точки схвачены).

2.

На электричке мы с Олегом, Оксаной и Леночкой доехали до станции Фирсановка и пошли по прямой дороге, усыпанной золотыми осенними листьями, на Новосходненское кладбище.

— Отсюда туда идти всего четыре километра, — проинформировал нас Олег. И посадил Леночку, которой всего два годика и которая в своей светло-сиреневой курточке с оборками похожа на светло-сиреневый цветок или на порхучую бабочку, к себе на плечи, и пошёл вперёд уверенной походкой.

Мы с Оксаной шли сзади, Оксана была на каблуках и натёрла себе ноги и через час сказала:

— По-моему, мы прошли уже не четыре километра, а все десять, четыре с большим гаком... — но всё же мужественно шла и почти ни разу не присела ни на пенёк, ни на лавочку.

По пути нам попалась гора яблок которые лежали на газоне. Я взяла два яблочка — для Толи.

3.

На кладбище мы пришли часа в четыре дня, когда продавцы цветов, цветочники, уже ушли оттуда.

— Как же мы без цветов придём на могилку? — озабоченно сказала Оксана. И нарвать полевых-луговых-лесных цветов было негде, и они не встретились нам на всём нашем пути, потому что они уже отцвели и завяли.

— Ничего, для Толи главное — не цветы, а мы сами, — сказала я успокоительно. И тут... увидела около ворот... несколько свежайших

маленьких жёлтых ромашек, которые будто бы сам Толя показал нам, они росли в траве специально для нас.

Я сорвала несколько цветочков, и Леночка, следуя моему примеру, сорвала несколько цветочков — «для дедушки Толи».

— Толечка, сегодня мы пришли сюда всей семьёй, я, твой Олег, его Оксана и их дочка Леночка, твоя внучка, — сообщила я Толе, хотя, я думаю, могла бы и не сообщать, потому что он и так всё знал.

Я положила свои жёлтые ромашки с одной стороны холмика, а Леночка — очень бережно — с другой стороны.

И мы сказали каждый сам от себя хорошие слова Толе и выпили по глоточку Аква-минерале и съели по пирогу, кто с капустой, кто (Олег) с курагой, которые купили на станции в Химках. За Толю... А потом уже поминали его дома на улице Овражной. Без вина и водки, без спиртных напитков, которые Толя не любил. Персиковым соком, который Толя любил. А потом индийским чаем с фруктовым тортом.

Оксана наварила-натушила в казане мясо с овощами... мы хорошо посидели за столом. Говорили о Толе, о Толе, о Толе. Олег рассказал несколько смешных историй, связанных с ним и его машинами, которые Толя всегда покупал очень старыми (потому что они сравнительно дешёвые) и от которых потом не знал, как избавиться (потому что они были неисправные и доставляли ему много лишних проблем и хлопот)... Ещё мы немножко поиграли с Леночкой, чтобы она не скучала. Она показала мне свои игрушки и книжки с картинками, и азбуку... И очень не хотела, чтобы я уходила к себе домой. Я ушла поздно вечером, когда на улице было уже темно. Шла от горы, за которой стоит Толин дом, с улицы Овражной по улице Северной, которая спускается вниз к большой дороге, и по которой мы когда-то ходили с Толей и по которой мы уже никогда не будем ходить с ним, шла, вспоминала его, и меня душили слёзы и лились из моих глаз, как бурные речные потоки из ущелий гор... и я плакала в голос, не плакала, а выла, или, если говорить солотчинским языком моей матушки, «воила», как плакальщица на похоронах, дала себе такую волю, зная, что никого нет поблизости и что меня никто не видит и не слышит... кроме, может быть, самого Толи... дух которого витает в районе улицы Овражной и примыкающих к ней улиц.

20 октября 2014 г.,
Москва

Ася Климанова*

* * *

Пришли друзья и соседи
Меня стали отпевать
Меня стали отпевать
Во гроб слезыньки ронять

Вы не плачьте не мешайте
Телу белому Мому
Телу белому Мому
Находиться в том дому

Вы не плачьте не мешайте
Душе к Господу лететь
Душе к Господу лететь
Больше мира не хотеть

(Из фейсбука, 18 ноября 2014 г.)

* Ася Климанова умерла в 2010 году в 17 лет.

21.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ЧУДЕСА С НОСОВЫМ ПЛАТКОМ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

В сумке Анатолия Шамардина, с которой он 27 апреля, на Красную горку, ехал со Сходни, ко мне в Перово варить щи, но не доехал до меня, потому что по дороге решил завернуть домой к своему сыну на улицу Машенцева в Химках и не дошёл до него... попал в форс-мажорную ситуацию, которая заставила его сильно перенервничать и пробежать несколько километров за автобусом... и сел под деревом перевести дух и умер, было не так много вещей, предметов — четыре пачки индийского чая Рязанской чаеразвесочной фабрики, 1 килограмм картошки, пачка блинчиков с мясом, несколько кассет для отцифровки песен, футляр с очками, приёмничек для прослушивания песен, с наушника-

ми и с флэшкой, маленький лёгкий — размером с футляр для очков, и ещё кое-что, и носовой платок. Старый носовой платок, коричневого цвета, в клеточку, тонкий, из натурального хлопка, местами истончившийся до дыр...

Этот носовой платок, которым Толя вытирал свой нос и своё лицо, я стала носить с собой как талисман, как что-то, соприкасавшееся с Толей и соприкасающее меня с ним, и очень боялась потерять.

И в один прекрасный день... потеряла. 7 сентября. В тот день, когда ходила к Толе на могилку последний раз. Приехала с кладбища домой, разделась, бросила свою одежду в стирку... И хватилась своего — Толиного — носового платка, а его нет!!! Где он?! Я стала искать его и не нашла его. Я просмотрела, перетряхнула свой мешок, с которым ходила на кладбище, пересмотрела всё, что там было... Нет платка! Я помню, что положила его к себе в бюстгальтер поближе к сердцу. Значит, он выпал у меня из бюстгальтера, что ли? И потерялся! Я потеряла Толин платок, который мне дороже любых денег! Да лучше бы я всю свою пенсию потеряла, чем этот дорогой для меня платок. А Толя говорил мне: «У нас ничего не теряется!» То есть даже если теряется, то потом обязательно находится. Но вот у меня потерялся его платок, выпал из бюстгальтера... где? На улице? В метро? И теперь уже точно не найдётся. И главное — он никому не нужен, кроме меня. Никто даже не захочет поднять его с тротуара или с пола или с земли, даже если и найдёт, увидит его, потому что для всех этот платок будет просто старой грязной тряпочкой.

Я сильно расстроилась и вся расперевивалась из-за этого платка. И всю неделю не могла успокоиться... Как будто я не Толин платок, а Толину душу потеряла, или часть его живой материи...

...И вот через неделю, 14 сентября, я прихожу с Тамарой Королёвой, нашей с Толей подругой, преподавательницей французского языка, к Толе на могилку. И мы с ней начинаем стелить в оградке скатерть-самобранку, с пирожками и бутербродиками... Чтобы помянуть Толю. И я ищу место, куда мне сесть.

— Пожалуй, я сяду в траву около креста, в левом (от дверцы) уголке оградки, — говорю я. И сажусь там, в траву и в крапиву, скрестив ноги по-татарски. И случайно бросаю взгляд в левую сторону, на траву около креста, под крест... и... и... что я вижу там? Я вижу там, в глубине зарослей, прикрытый травинками Толин платок! Тот самый ко-

ричевый, в клеточку, платок, который я потеряла, который у меня потерялся неделю назад!!! Как он попал под крест?! Я же туда не лазила и не прятала там платок!

— Наверное, ты выронила платок, а ветер унёс его туда...

— Во-первых, когда я ухожу от Толи с его могилки, я всегда смо-
трю, не оставила ли я здесь что-то из своих вещей. И когда 7 сентября
уходила отсюда, я тоже проверяла, не оставила ли я здесь чего? Ничего
из моих вещей здесь не было. И платка не было. А во-вторых, ветер
не мог унести его в глубину травы и так аккуратно сложить и положить
около креста... Причём вместе с тряпочкой, которой я протирала свои
руки. Тряпочка тоже лежит рядом с платочком... Это Толя нашёл мой
платок и положил его туда! И ждал, когда я приду, и когда я пришла, он
велел мне сесть именно туда, куда я села, именно в тот уголок оградки,
около креста, и сказал мне: «Нинетка! Посмотри сюда! Вот он мой-твой
платок! У нас ничего не теряется! Я же говорил тебе — у нас ничего
не теряется!»

Я вся возликовала! И перекрестилась, и взяла в руки мой, Толин,
наш платочек, поцеловала его, прижала к груди и положила в Толи-
ну барсетку, которую ношу на ремешке через плечо, и сказала Тамаре
и Толе и самой себе:

— Слава Богу! У нас ничего не теряется!

И потом принесла платок к себе домой, в Перово. И больше не ношу
его с собой, не выношу из стен своего дома, чтобы не потерять. Толя
сказал мне: «Держи платок дома. Здесь он точно никогда не потеряется!
А если потеряется дома, то всё равно найдётся!»

Но как этот платок попал в траву около Толиной могилки, в глу-
бокие заросли, под крест? Это для меня загадка, которую я никогда
не разгадаю.

И которую я объясняю себе только так: Толя нашёл мой платок
и положил его туда. А больше я никак не могу объяснить себе эти чу-
деса с платком.

24.10.2014 и 29.10.2014. (Из фесбука Нины Красновой)

«ПОСИДЕЛКИ» С ОДНОКУРСНИЦЕЙ ТОЛИ ШАМАРДИНА, В СТРОГИНЕ

1.

Уже давно наша с Толей Шамардиным подруга Тамара Королёва приглашала меня к себе домой, в Строгино, чтобы посидеть там со мной и помянуть нашего Орфея, и я давно собиралась прийти к ней, а всё собраться не могла. А вчера, 23 октября, наконец-то, собралась и приехала. И мы провели с ней чудесный вечер, весь посвящённый Толе Шамардину.

Я не учла, что на улице уже ранняя зима, холод и мороз, и оделась чересчур легко, и, хотя я и морозостойкая, а сильно озябла в своей тонкой летней курточке, пока бежала от станции метро «Щукинская» к остановке 687-го автобуса, и подумала, что совсем оконечую, пока буду ждать этот автобус, но тут же увидела, что он стоит на остановке и ждёт меня и без меня не отправляется, как будто сам Толя позаботился обо мне и подал мне его. А когда я села в эту свою «карету», около окошка, в этом окошке появилось солнышко, которого до этого не было, и стало греть меня своими лучами, как будто сам Толя включил для меня этот обогреватель, чтобы я нормально доехала до Тамары и не превратилась в ледышку.

2.

...Приятно попасть с холода в тепло, куда я потом и попала с улицы домой к Тамаре, в её с мужем квартирку, и не просто в тепло, а в мир красоты, простора, уюта и душевного блаженства, в мир, куда Толя, часто ездил в гости, поскольку был другом этой семьи, а Тамару знал с её 18-ти девических лет, учился вместе с ней в Пятигорске, в пединституте, на факультете иностранных языков, но она — на факультете французского, а он — немецкого. Таких друзей юности, как Тамара, с таким стажем дружбы и взаимной любви и симпатии, у него больше и не было и нет. И вообще среди всех людей, которые знали Толю и которых знаю я, нет никого, кто знал бы его столько лет, сколько Тамара. Кстати, именно она ещё в студенчестве подарила ему книгу с песнями и нотами итальянских песен, которые он любил, и он стал разучивать

и петь эти песни, которые потом и составили основу его итальянского репертуара.

3.

...Тамара усадила меня в кухне-столовой, за круглый стол с белой скатертью, на котором стояла ваза с виноградом кишмиш и с мандаринами и стояли две тарелки немецкой фирмы, похожие на музейные тарелки царских сервизов.

Тарелки эти теперь и в самом деле музейные, из них ел наш Орфей — Толя Шамардин.

— Сейчас мы будем «пиршествовать», — сказала Тамара, употребляя глагол из лексикона Толи.

— Пиршествовать и «предаваться блаженству», — добавила я фразу из лексикона Толи.

Тамара выставила на стол вкусные закуски — салат из креветок и крабов, который любил Толя, салат-оливье, который любил Толя, красную солёную рыбу, которую любил Толя, сыр-мацарелла, который любил Толя, и бутылку вина «Кагор», которую Толя подарил Тамаре на день рождения полгода назад, 23 апреля, когда был у Тамары и её мужа в гостях последний раз и не знал, что через четыре дня он улетит к ангелам на небеса, а через полгода мы будем сидеть с Тамарой и пить эту бутылку за упокой его души. Пили мы её из хрустальных рюмочек, из которых когда-то пил и Толя. Я сидела на стуле, на котором когда-то сидел Толя, около тумбочки с настольной лампой, которую Толя подарил Тамаре на день рождения, забавную, весёлую, с голубым плафоном и гномиком, держащим его. Потом Тамара подала на стол горячее — отварной рис с бефстрогананами и с цельными печёными яблоками, которые любил Толя. А потом мы пили чёрный чай с тортом «Чародейка», который любил Толя, и я пила чай из большой керамической кружки, из которой любил пить Толя. И поневоле мне вспомнились мои же стихи о нём, 1995 года, из моей книги «Интим»:

Моя квартира — вроде как музейная.
Один артист нанёс сюда визит.
Его рубашка бумазейная
В моём шкафу на плечиках висит...

Из этой он посуды ел
И в чашку сахар насыпал,
На этом стуле он сидел,
За этим он столом сидел,
На этом он диване спал...

Тамара процитировала мне французского поэта:

«Mais la vie sépare ceux qui s'aiment, tout doucement sans fair de bruit...» — И сама же перевела это на русский язык:

«Но жизнь разлучает тех, кто любит друг друга так нежно, без шума (и шумихи)».

4.

— А вот кошка Маша, — показала мне Тамара члена своей семьи кошку Машу, которая проживает с Тамарой и Женей в их квартире со всеми удобствами и считает, что хозяева живут на свете для неё, чтобы кормить её и ухаживать за ней, и что не Тамара, не Женя здесь хозяева, а она, а они — её слуги, обслуживающий персонал. Кошка — трёхцветная: бело-рыжая с чёрным. По примете, трёхцветные кошки приносят счастье своим хозяевам. — Толя, когда приходил к нам, гладил Машку и говорил ей: «Ки-и-са, ки-и-са...» (или ещё: «Кы-ы-са, кы-ы-са...» — *Н. К.*). И она вся ластилась к нему.

— Толю любили кошки и собаки, и всегда бежали к нему, чтобы он погладил их... Когда он гладил какую-нибудь кошку, он ещё говорил ей: «Кису-у-ля, кису-у-ля...»

Машка помнит Толю, и она теперь в этом доме Королёвых — такая же особо ценная музейная реликвия, как все предметы, которых Толя Шамардин касался своими руками.

5.

Я показала Тамаре журнал «Дон», 7–9-й номер, где напечатана статья Игоря Михайлова о Толе «Орфей спускается в Ад», и подарила ей 2-й том своей книги «Тайна», где напечатано много моих стихов о Толе, в том числе и посмертные.

И весь день и весь вечер мы Тамарой вспоминали Толю, говорили о нём, и ели и пили за него. А его фотография, где он — в чёрном пиджаке и в рубашке жёлтого цвета, который ему нравился, сидит

в кресле, закинув ногу на ногу, стояла около нас, он улыбался на ней нам обеим своей широкой, сияющей улыбкой, и мы обращались к нему и говорили с ним и чувствовали его, что он и его душа — с нами, и он очень рад, что мы с Тamarой встретились в Строгине и устроили здесь девичьи «посиделки» в его честь.

По такому случаю Тамара надела элегантное чёрное платье и серый, с диагональными чёрными полосками кардиган и чёрные туфельки на невысоких каблукках...

Кстати сказать, Тамара — женщина без возраста. Моложавая, стройная, миниатюрная, благородная, с голубыми глазами, розовым лицом, светлыми русыми волосами, с чёлочкой и с затейливой причёсочкой в стиле одновременно и XX-го и XIX-го века... «красавица», «чаровница» и «прелестница», если говорить о ней словами из лексикона Толи Шамардина. В ней есть что-то и от классной дамы из института благородных девиц, и до сих пор сохранилось что-то девическое, и не надо делать усилий, чтобы представить себе, какую она была в студентках.

А муж Тамары Женя деликатно оставил нас с Тamarой и с виртуальным Толей тет-а-тет и ушёл в Третьяковскую галерею смотреть картины, чтобы ничем не стеснять нас и дать нам поговорить по душам.

Как назло, у Тамары сломался магнитофон, и мы не смогли послушать кассеты с песнями и с голосом Толи Шамардина. Но, может быть, Толя захотел, чтобы мы на наших первых таких «посиделках» обошлись без этого и просто поговорили о нём. Тем более, что Тамара сказала мне:

— Я пока не могу слушать его песни. Мне слишком больно слушать их в записи на кассетах и знать, что теперь нам только в записи и остаётся слушать Толю, а живём мы уже никогда не услышим его...

2.02.2015, 14:17

ДЖАВИД СОБИРАЛСЯ НАПИСАТЬ ПОРТРЕТ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Друг юности Валерия Золотухина художник Джавид, который стал и моим другом, и другом Анатолия Шамардина, Джавид Агамирзаев, очень тяжело переживал смерть Валерия Золотухина. А теперь очень

тяжело переживает смерть Анатолия Шамардина. Джавид всегда приглашал Толю на свои вернисажи, то в галерею «На Солянке», то в галерею «На Каширке», то в Дом национальностей, то в Реутово. Потому что очень любил Толю и как человека, и как певца и композитора, и Толя с удовольствием приходил к нему на вернисажи и пел там под гитару песни из своего репертуара, потому что и он любил Джавида как человека и как художника, и к тому же совпадал с ним по своим жизненным, философским, творческим и эстетическим взглядам и по своему отношению к искусству и по своему интересу к античной культуре.

Джавид написал несколько моих портретов, два из них попали на обложки моих книг «Четыре стены» и «Тайна» (т. 2). Эти портреты очень нравились Толе. И Джавид всё мечтал написать и его портрет

— Толя очень колоритный... Я хочу написать его портрет...

Мы с Толей все собирались приехать к Джавиду в мастерскую. Я-то сама бывала там много раз, а Толя ни разу не был. Я рассказывала Толе о том, как проходили наши с Джавидом сеансы в мастерской, как Джавид рассказывал мне о художниках и о себе... и показывала Толе фотографии: Джавид у себя в мастерской, с палитрой в руках, и в сером рабочем халате, заляпанном красками... И мы с Толей все собирались и собирались приехать к Джавиду, но какие-то дела все мешали и мешали нам, и мы все никак собраться не могли. И в конце концов договорились с Джавидом, что мы приедем к нему в начале года, 2014-го, если не в январе, то в феврале... и Джавид будет писать Толю. Но опять какие-то дела, которых у каждого из нас всегда много и которые все никогда не переделаешь, помешали нам, и мы думали, что еще успеем приехать к Джавиду, если не в феврале, не в марте, то в апреле, а лучше всего — в мае, когда у него под окнами зацветут кусты жасмина и появятся одуванчики...

И так и не съездили мы к Джавиду... 27 апреля 2014 года Толя улетел туда, куда не собирался улететь, в мир иной...

И вот Джавид позвонил мне на днях (в октябре 2014 года) и сказал, что очень переживает о Толе:

— Жалко, что Толя ушел от нас раньше времени, — сказал Джавид со вздохом. — Я до сих пор никак не могу прийти в себя от этого. И жалко, что я так и не написал его портрет... Думал, что это еще успеется... Но сейчас — недавно — я написал триптих картин, посвященный Толе. Я выставлю этот триптих на своей новой выставке...

Ученик Джавида Дима Ситников тоже печалится о Толе. И тоже поговорил со мной по телефону. И я утешала Джавида и Диму, а они оба утешали меня. И мы договорились встретиться у Джавида в мастерской и помянуть Толю... И до сих пор не встретились... Опять какие-то дела мешают нам...

2.02.2015. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ПЕВИЦА ЕЛЕНА КАЛАШНИКОВА — НЕ СОСТОЯЩИЙСЯ ДУЭТ

Из молодых певиц народного плана Анатолий Шамардин дружил с Еленой Калашниковой, ученицей Людмилы Зыкиной и ученицей Виктора Бокова. Толя приглашал её на свои концерты, а она приглашала его на свои концерты, и он ходил на ее концерты, а она ходила на его концерты, в том числе и на литературные вечера с моим участием и с участием Толи. И оба они перезванивались друг с другом и делились своими новостями и советовались друг с другом по разным творческим вопросам. И, конечно, очень ценили друг друга за данный каждому из них талант от Бога.

Лена солистка ансамбля «Россия», художественным руководителем которого была Людмила Зыкина. А кроме того Лена основатель и художественный руководитель красногорского фольклорного ансамбля «Повечерье». Несколько лет назад мы с Толей ездили на концерт этого ансамбля, посвящённый памяти Бокова, и оба выступали там, в маленьком камерном зале. Толя пел песни на стихи Бокова, «На лесах позолота», «Луговая рань», и песню на мои стихи «Сон под пятницу», а я читала свои стихи, посвященные Бокову... А участницы «Повечерья», наряженные в русские народные наряды, с кокошниками на головах, пели вместе с Леной разные народные песни и опять же песни на стихи Бокова. А аккомпанировал им первоклассный баянист, русая голова, он же директор «Повечерья». Очень яркое и приятное для души получилось мероприятие, от которого у нас с Толей остались яркие приятные воспоминания. И к тому же у меня сохранилась моя фотосессия этого праздника.

А надо сказать, что Лена Калашникова, в отличие от прочих народных певиц любит не только русские народные, но и иностранные

песни. В ее репертуаре есть корейские песни на корейском языке и корейские на русском в вольном переводе Бокова. Кроме таких песен, как «На побывку едет молодой моряк», «Ой, страданье, ты страданье», «То не вечер», «За грибами в лес девицы», «Ой, цветет калина», «Валенки», «Роса на землю катится» и т. д. И кроме трех песен и на стихи, и на музыку Бокова, которые Боков давал петь только ей, и больше никому, — «На заре, на зорюшке», «Через речку-быстротечку», «Белая березонька».

В феврале 2014 года мы с Толей опять ездили на концерт «Повечерья», который состоялся в красногорском Дворце культуры и был посвящен 10-летию ансамбля, в исполнении которого тогда среди песен на стихи Бокова прозвучала и песня Толи Шамардина «На лесах позолота»... А Толя спел «Золотую иволгу» и нашу с ним «Сон под пятницу»... И сорвал большие аплодисменты публики, как и несколько лет назад.

А потом мы, как и несколько лет назад, присутствовали на банкете «Повечерья» и общались с участниками ансамбля, по душам. И Толя произносил речь за столом, а оператор снимал всех нас на видеокamerу...

И вот (после смерти Толи) Лена позвонила мне и долго соболезновала мне и себе в нашем горе, связанным со смертью Толи, которая для всех, кто его знал, была громом среди ясного неба... И мы обе плакали каждая в свою телефонную трубку...

— Все участники «Повечерья» — в шоке! О себе я и не говорю... — сказала мне Леночка. — Они так полюбили Толю... И никто не хочет верить в его смерть... Совсем недавно он был с нами, пел свои песни, произносил речь в честь 10-летия «Повечерья»... шутил, радовался... И вот на тебе... (Ушел в мир иной, покинул нас всех.) ...Никто не ожидал этого... Он был здоров, молод, полон сил и творческих планов, которых хватило бы на сто человек!

— Он был весь заряжен активной светлой энергией и излучал ее на всех людей, которые находились в его биополе...

— Да! Он был такой светлый...

— Леночка! Он мечтал сделать с тобой музыкальную программу, в которой вы с ним пели бы не только русские песни, но и иностранные... Ты бы пела корейские песни, а он — японские, итальянские, немецкие, греческие... А некоторые песни вы пели бы с ним дуэтом...

У вас с ним это хорошо получилось бы... Он мечтал о концертах, где вы с ним пели бы песни, а я читала бы стихи...

— Да... И теперь этому не бывать...

Лена Калашникова сказала, что у нее есть диск с видеозаписью концерта и банкета «Повечерья»... Толечка там живой и таким и останется в памяти всех, кто любил его...

25.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«Я С ТОБОЙ ВЧЕРА ПРОСТИЛАСЬ... ТОЛЬКО НА ДЕНЬ, НЕ НАВЕКИ...»

1.

Ровно полгода назад, 25 апреля 2014 года, я видела Толю Шамардина — живым — последний раз в своей жизни.

Он приехал ко мне в Перово взять у меня кое-что из своего архива и отвезти к себе в свою новую квартиру на Сходню и доесть со мной борщ, который я сварила 23 апреля и который мы ели и 24 апреля и не доели нашу кастрюлю.

Я налила борщ в шведские «икеевские» керамические зелёные миски, и Толе, и себе. Борщ почему-то немного не то чтобы прокис, чего раньше никогда не случалось, хотя я никогда не ставила его в холодильник, потому что у меня дома нет холодильника, но слегка подкислился, подкис (или «тронулся», если говорить солотчинским языком моей матушки).

— Это ничего. Его ещё можно есть, — сказали мы с Толей. И с удовольствием съели его, посыпав в свои миски петрушку и положив сметанку.

— Очень вкусный борщ! Он способствует (хорошему настроению и хорошему здоровью)! — весело сказал Толя и попросил у меня добавки. — За безвременно ушедших друзей наших! — произнёс он свой традиционный тост с ложкой в руках. Это значит — за Солоухина, который умер в 73 года, за Старшинова, который умер в 74 года, за Астафьева, который умер в 77 лет, за Бокова, который умер в 95 лет, и Толя считал, что умереть даже в 95 — это слишком рано, и что сам-то он проживёт не меньше 100 лет, тем более, что он не пьёт и не курит и ведёт правильный образ жизни.

— Ой, что же я не сфотографировала тебя с борщом, а ты меня? Для фейсбука! — спохватилась я, когда уже помыла нашу посуду.

— А, ладно, в другой раз! Потом! — беспечно сказал он (хотя, как говорится, потом будет суп с котом).

Потом он уложил в свою тележку кое-какие свои папки с бумагами, кое-какие книги и другие вещи, которые хранились у меня на кухне... и вышел за порог. И я — в тапках-шлёпанцах — вышла туда проводить Толю, чтобы не прощаться с ним через порог. Попробовала приподнять Толину тележку, чтобы проверить, не слишком ли она тяжёлая, и сказала:

— Толь, тележка слишком тяжёлая. Чего ты такие тяжёлые тележки, такие тяжести таскаешь!

— А, мне это одним пальчиком поднять ничего не стоит! — легкомысленно сказал Толя и пошёл к лестнице.

— Но это лишняя нагрузка на суставы (на ноги, на колени) и... на сердце (Женя Степанов на днях таскал тиражи книг, и у него сердце от этого заболело).

— А! — легкомысленно махнул рукой Толя и легко стал спускаться вниз по лестнице.

— Ну ты — прямо мальчуган (молоденький)!

— Да уж... мальчуган (76-ти лет)... — польщённо улыбнулся Толя. — Я позвоню тебе, когда приеду на Сходню. Скажу, как я доехал.

Он позвонил мне с улицы Северной, когда поднимался по ней в гору к своей улице Овражной, к своему дому:

— Я уже иду домой... — сообщил он мне, тяжело дыша, задыхаясь, запыхиваясь...

— Ты сейчас не разговаривай, а то тебе трудно говорить. Придёшь к себе, тогда позвонишь мне.

— Я уже у себя! — весело сообщил он мне через десять минут, когда пришёл к себе. — Сейчас буду пить чАёк с мёдом. Как ты думаешь, это мне не повредит? Это будет способствовать (моему хорошему настроению)?..

— Это тебе будет очень полезно!

Ещё несколько раз мы с ним попереzzванивались перед сном. А на следующий день Толя ездил со своим другом Юрой, машинных дел мастером, смотреть машину по объявлению, потому что мечтал купить «машинку», чтобы ездить на ней выступать и возить с собой свои

вещи для концертов, и чтобы доперевезти к себе от меня свой архив, и чтобы ездить со Сходни и на Сходню, когда ему вздумается, и не зависеть от расписания автобусов. И мы с Толей, как всегда, перезванивались весь день и весь вечер.

— Мы с Юрой нашли машину, которая стоит всего 10 тысяч рублей. Стоит её купить, как ты думаешь? — спросил он у меня, как консул-танта по всем вопросам.

— Толь, конечно, нет. Какую машину можно купить за такие деньги? Только металлолом...

— Ну ладно... Мы потом хорошую машинку купим... Да?

— Да.

2.

...А 27 апреля, на Красную горку, Толя собирался приехать ко мне в Перово варить свежие щи, то есть не варить, а есть со мной свежие щи, которые я сварю, и сказал, что купит для них картошку на Сходне, потому что на Сходне она дешевле, чем в Перове...

— Только не бери, не вези много картошки. Больше килограмма не вези... Не таскай тяжести, — предупредила я его.

...Так и не доехал до меня Толя со своим килограммом картошки, которую он купил... Не доехал, потому что по дороге решил завернуть к своему сыну Олегу в Химки на улицу Машенцева... отдать ему на отцифровку кассеты со своими песнями, чтобы потом выпустить диск... И попал в стрессовую ситуацию...

.....

И больше я не видела Толю Шамардина живым... И увидела его потом уже только, в гробу, мёртвого... когда хоронила его. А картошку, которую он вёз мне и не довёз в своей тележке, я потом сварила без кожуры и подала гостям на поминках по Толе.

В 1994 году я посвятила Толе такие белые стихи, когда уезжала от него из Германии в Москву и прощалась с ним всего... я думала, что на месяц, а оказалось — на полгода:

Я с тобой вчера простилась
В некоем городе немецком,

Как-то так с тобой простилась,
Будто я с тобой прощалась
Не надолго, только на́ день,
Только на́ день, не на месяц,
Не на месяц, не навеки...

Вот так я простилась с Толей и в Москве, в Перове, последний раз, полгода назад, 25 апреля 2014 года, как-то так, будто я прощалась с ним всего на день: «Не надолго, только на день»... но в 1995 году это оказалось на полгода, а теперь это оказалось навеки...

С любимыми не расставайтесь...
И каждый раз навек прощайтесь,
Когда прощаетесь на миг... —

Сказал когда-то поэт Кочетов.

Расставайтесь не расставайтесь со своими любимыми, со своими друзьями, со своими родными и близкими людьми, а всё равно когда-нибудь придётся проститься с ними навек, навеки... Вот в чём трагедия жизни, трагедия, которая ждёт всех и каждого и никого не минует.

25.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ТАТЬЯНА ШВЕДОВСКАЯ ОСТАЛИСЬ НА ФОТОГРАФИЯХ

1.

На фото (в фейсбуке): поэтесса Татьяна Шведовская и поэтесса Нина Краснова в ЦДХ, на вечере Феликса Шведовского. Фото Анатолия Шамардина. Ноябрь 2013.

Сын поэтессы Татьяны Шведовской писатель Феликс Шведовский вчера позвонил мне и сообщил, что умерла его мама. У неё, оказывается, были проблемы с лёгкими, я этого не знала, Таня никогда не жаловалась на своё здоровье, никого не обременяла своими проблемами, всегда была нежно-улыбчивая и приветливая, как будто у неё всегда

всё в порядке, хотя всегда выглядела несколько болезненной. Светлая ей память и Царствие Небесное!

ПОХОРОНЫ ТАТЬЯНЫ ШВЕДОВСКОЙ СОСТОЯТСЯ в воскресенье 26 ОКТЯБРЯ на ГОЛОВИНСКОМ КЛАДБИЩЕ, в 12.00 (ст. метро «Речной вокзал», Головинское шоссе).

2.

На фото (в фесбукe): поэтесса Татьяна Шведовская и певец и композитор Анатолий Шамардин в ЦДХ, на вечере Феликса Шведовского от журнала «Юность». Фото Нины Красновой. 2013.

Их обоих уже нет, ни Татьяны Шведовской, ни Анатолия Шамардина. Татьяна, как и её муж Вячеслав (учёный-физик) и их сыновья, Феликс (писатель) и Олег (художник), очень любила и ценила певца и композитора Анатолия Шамардина, восторгалась им и его песнями и его голосом и очень переживала, когда этот Орфей ушёл в мир иной 27 апреля — неожиданно для всех. И выступала на вечерах его памяти в Гостиной Союза писателей XXI века и на «посиделках» в «Юности», говорила о нём слова хорошие, жалела его. А теперь вот и сама — неожиданно для всех — ушла в мир иной.

Завтра, в воскресенье 26 ОКТЯБРЯ на ГОЛОВИНСКОМ КЛАДБИЩЕ состоятся её похороны. А в понедельник 27 ОКТЯБРЯ исполнится полгода с того дня, как Анатолий Шамардин покинул нас. Поставим свечки за Рабу Божью Татьяну, поэтессу, и за Раба Божьего, за песнопевца Анатолия! И помолимся о них и помянем их добрым словом! Царствие им Небесное!

26.10.2014

ТАТЬЯНА ШВЕДОВСКАЯ: «Я ВСЕХ ВАС ЛЮБЛЮ...»

...Сегодня мы проводили поэтессу Татьяну Шведовскую в последний путь. Мы — это её друзья, её коллеги, её родные и близкие, её муж Вячеслав, с которым она прожила полвека душа в душу, их сыновья, Феликс и Олег, и внук Женя, и т. д.

Отпевал её в церкви Святого царя-мученика Николая на Головинском кладбище о. Аркадий. Из всех, кого мне приходилось слышать

когда-нибудь на похоронах, он лучше всех сумел объяснить, куда девается человек, когда он умирает, и что с ним будет дальше. Мы живём на Земле временно, Бог изгнал сюда людей из Рая, даёт пройти им испытания, а потом достойных забирает в Рай, где у них будет жизнь вечная. Христос «умре и воскресе». И «все сущие во гробё услышат глас Божий и оживут». Поэтому не надо думать, что мы разлучаемся с усопшим или с усопшей навсегда. Они уходят в мир иной, как если бы уехали от нас на другой материк, где им будет хорошо, где они будут избавлены от суеты сует, от болезней, печали и воздыхания, и куда мы тоже придём к ним (все там будем). Поэтому надо радоваться и веселиться, а не плакать. Можно и поплакать, потому что мы разлучаемся с ними, пусть и не навсегда, «блаженны плачущие, ибо плачущие утешатся», но потом надо утешиться и радоваться за тех, кто уходит от нас и с кем мы опять встретимся, но уже в мире ином, лучшем, чем этот, тот, в котором мы живём.

...Я, естественно, думала о том, что полгода назад в мир иной ушёл Толя Шамардин, а теперь вот и Таня Шведовская уходит, которая всегда восхищалась им и его голосом и которая искренне переживала о том, что Толя покинул нас, и искренне жалела его и меня. «Таня, ты встретишься с песнопевцем Толей Шамардиным раньше, чем я. Передай ему поклон от меня и от наших общих друзей...», — говорила я Тане молча, держа в руках горящую свечку на бумажной подставке для капелек тающего воска.

Таня лежала в своём ковчеге с ликом спящей святой, её черты обрели что-то небесное, от неё исходило спокойное сияние, и не было привычной лохматой чёлочки у неё на лбу, и волосы были скрыты за головным покровом.

...Потом мы поминали её в ресторане «Сады Семирамиды» в районе метро «Сокол», за столами с яствами и напитками. Каждый из нас сказал о ней своё доброе слово. Мы с Игорем Михайловым сказали о ней сами от себя и от журнала «Юность» и от альманаха «Эолова арфа», где Таня печаталась, как и её сын писатель Феликс Шведовский.

«Я всех вас люблю», — были последние слова Тани, которые она сказала своему мужу Вячеславу, когда была ещё в сознании. И это относилось не только к их с Вячеславом семье, но и ко всем людям, которых она любила.

Царствие ей Небесное! Она достойна его.

27.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

СВЕТЛАЯ ПАМЯТЬ АНАТОЛИЮ АМАРДИНУ И ЖИЗНЬ ВЕЧНАЯ!

Дорогие мои друзья-ЖЖ-вцы и фейсбуковцы! Ровно полгода назад, 27 апреля, на Красную горку, ушёл в мир иной золотоголосый песнопевец Анатолий Шамардин, солист оркестра Утесова 70-х годов, исполнитель песен народов мира на разных языках и русских песен и романсов и своих собственных на стихи Виктора Бокова, Николая Старшинова, Алима Кешокова, Новеллы Матвеевой, Ивана Киуру, Андрея Вознесенского, Владимира Кострова, Сергея Мнацаканяня, Виктора Широкова, Валерия Дударева и других, и на мои стихи, светлый, солнечный, позитивный человек и мой ближайший друг и спутник по «кремнистому пути» жизни и творчества в течение 21 года! Помяните Толечку чашкой чая (кто чем может) и добрым словом и помолитесь о нём и о его душе, чтобы она упокоилась в «месте светлом»... Я сейчас еду к нему на могилку на Новосходненское кладбище Химкинского района Москвы, передам ему приветы и поклоны от всех вас!!!

25.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

НАКАНУНЕ ПОЛУГОДИЯ СО ДНЯ СМЕРТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА У МЕНЯ НА КУХНЕ РАСЦВЁЛ АЛЕНЬКИЙ ЦВЕТОЧЕК

26 октября, накануне полугодия со дня смерти Анатолия Шамардина, Толи, Толеньки, Толюли, этого сладкозвучного Орфея и моего незабвенного, приснопамятного друга, я заказала сорокоуст о упокоении его души. В церкви Пресвятого великомученика Николая Второго при Головинском кладбище, куда пришла на похороны и на отпевание поэтессы Татьяны Шведовской, нашей с Толей литературной подруги. Я пришла туда за час до церемонии. И успела хорошенько помолиться и о Толе, и о новопреставленной Рабе Божьей Татьяне, а заодно и о своей покойной мамушке и о своей покойной старшей сестре и о своем покойном старшем брате и о всех

своих родных и близких людях, которые ушли в мир иной. И возжечь за них свечки.

Во время отпевания Татьяны Шведовской, которая лежала во гробе, как спящая святая, батюшка произносил под сводами церкви какие-то такие утешительные для всех присутствующих религиозные слова, которые я и раньше слышала на разных похоронах, но в которых теперь видела и открывала какой-то новый для себя очень ясный и понятный смысл.

Батюшка говорил: мы на земле — гости, изгнанники Божии, когда-то изгнанные Всевышним из Рая, но мы потом вернёмся туда, откуда были изгнаны... и будем жить в стране праведников... Христос умре и воскресе... и мы умрем и воскреснем... настанет час, и все сущие во гробе услышат глас Божий и оживут... поэтому вы не думайте, что вы расстаётесь с новопреставленной Рабой Божьей Татьяной и со всеми своими покойными родными и близкими людьми на веки вечные, нет, вы все встретитесь в Раю... в месте светлом...

«Теперь Таня Шведовская встретится в Раю с Толей Шамардиным... А потом мы и все встретимся там... и устроим «посиделки», как в редакции журнала «Юность». И Толя будет петь нам свои чудесные песни и играть на гитаре, и мы все будем радоваться и веселиться...» — думала я, утирая платком свои слёзы, льющиеся из моих глаз светлыми потоками...

«Блаженны плачущие, якоже утешатся... Веселитесь и радуйтесь...» — с растяжкой говорил батюшка, а певчая тоненько пела «Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...»...

...К полугодию со дня смерти Толи Шамардина в журнале «Дон», в № 7–9, вышла статья Игоря Михайлова о Толе «Орфей спускается в Ад», а в «Вест-консалтинге» Евгения Степанова вышел 7-й номер журнала «Дети Ра», бумажный вариант, с моим циклом стихов «Поминальные свечи», посвящённых Толе, и вышла газета «Поэтоград» № 35 с моими стихами о Толе и с цветной фотографией, где мы оба сняты в галерее на Солянке, на фоне картины Александра Трифонова «Вечный покой» (с наклоненной — то ли падающей, то ли поднимающейся маковкой церкви) и где у Толи над головой сверкает нимбом отблеск от картины.

Вечный покой и вечная светлая память Ангелу земному, песнопевцу от Бога Анатолию Шамардину, украсившему наш мир своими песнями, своим искусством и своей любовью!

...Накануне полугодия со дня смерти Толи Шамардина у меня на кухне, где хранятся Толины музыкальные инструменты и коробка с его вещами, расцвёл цветок, Ванька-мокрый, или «огонёк», который Толя регулярно поливал фильтрованной водой и который я тоже поливаю... На зелёном стебле среди зелёных «лакированных» листьев появился маленький, прелестный аленький цветочек. Я восприняла его как привет от Толи... привет, который Толя послал мне из своего Царствия Небесного: «На тебе, Нинетка, цветочек от меня в знак моей любви к тебе!»

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Елене Зейферт, Ангелине Яковлевна Матвейчук, Софи Матвеевой, Ангелине Яковлевна Матвейчук, Елене Марьяниной, Вере Завгородькои 33 другим и другим это нравится.

Бэла Пастухова: +++

Елена Марьянина: Так пронзительно!

Идилия Фомичёва: Ниночка! Мне нравится ваше фото. И я с большим удовольствием читаю всё про Анатолия. Мне всё больше хочется узнать о его жизни. В настоящее время я каждый вечер слушаю его песни. Спасибо Вам за его песни.

Ангелина Яковлевна Матвейчук: Это не отблеск от картины, Ниночка. Это ореол, ниспосланный свыше!

Нина Краснова: Да, Ангелина, я тоже так думаю и тоже именно так воспринимаю это.

28.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

РЕПЬИ ОТ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

27 октября мы с Тamarой Королёвой, однокурсницей и «доброй подружкой» юности Толи Шамардина, а теперь и моей подружкой, с кото-

рой он свёл нас на почве нашего общего с ней горя, поехали к Толе — уже не первый раз — на Новосходненское кладбище, чтобы отметить там полугодие со дня ухода нашего незабвенного друга в мир иной. Опять доехали мы на 370-м автобусе от «Речного вокзала» до конечной остановки, куда уже прокатили столбовую дорожку, и оттуда пошли по шоссе к Толе. На улице было довольно холодно, минус пятнадцать градусов по Цельсию, но мне в моей бежевой румынской шубке, так сказать, «винтажной», которую я ношу с 80-х годов и которая выглядит как новая, если не смотреть на её истончённую, затёртую подкладку, а Тамаре в её длинном зимнем чёрном пальто с воротником из меха, было тепло. К тому же нас обогревали мысли о Толе и небесный обогреватель — солнышко...

— Толя знал, что мы 27 октября поедём-пойдём с тобой к нему, и позаботился о том, чтобы на небе в этот день было солнышко, чтобы мы не замёрзли. И сейчас он знает, что мы идём к нему, и радуется нам, — говорили мы с Тамарой, настраиваясь на нашу «встречу» и на наш контакт с ним. — Толя радуется нам и ждёт нас. И думает: «Вон ко мне идут две чаровницы... одна лучше другой...»

— Да уж...

С правой стороны шоссе возвышался лес, но он был не зелёный, как летом, и не желто-оранжево-красный, как золотой осенью, а серо-коричневый, без листьев, весь оголённый, как в Толиной песне на стихи Алима Кешокова: «Я лес оголённый в седой вышине. И рощей зелёной ты кажется мне...»

Красивая песня, романсовая, и мелодия красивая... светло-грустная...

— Толя, мы пришли к тебе! — сказали мы с Тамарой, когда — ступая между железными чёрными узорными оградками — пробрались к Толе на его участок, по запорошённой белым снежком тропинке, прямо к его могиле, тоже присыпанной белым снежком, на фоне которого очень художественно смотрелись неувядающие искусственные розовые, фиолетовые, жёлтые, голубые и синие цветочки с зелёными листьями, воткнутые в землю, и коричневый деревянный крест...

Мы с Тамарой зажгли красную лампадку и поставили её в нише между венками. Помолились за Толю.

Потом постелили около могилы на затвердевшую землю широкий

целлофановый мешок, и на эту «скатерть» выложили из своих сумок прихваченные с собой закуски, бутербродики с колбаской и сыром, а Тамара — выставила ещё и пластмассовое корытко с приготовленной ею дома рисово-тыквенной кашей, которую полила киселём из баночки, и всё это мы с аппетитом съели за Толю и выпили за него по глоточку «Московского» коньячку, не чокаясь:

— «Выпьем, добрая подружка бедной юности моей. Выпьем с горя. Где же кружка? Сердцу будет веселей»...

И друг за друга мы выпили по глоточку, чокаясь мини-стаканчиками.

И разговаривали с Толей, как с живым, и рассказывали ему свои новости, в основном касающиеся его. И чувствовали его присутствие около нас, чувствовали, что он — с нами, только мы не видим его, а он нас видит...

— Ты чувствуешь? Он с нами... здесь...

— Чувствую...

Я сказала ему, что у него появилось много новых друзей, много новых почитателей, и на вечерах, где по-прежнему звучат его песни, диски с его песнями, и на фейсбуке... А в журнале «Дон» появилась статья Игоря Михайлова о Толе, а в журнале «Дети Ра» и в газете «Поэтоград» появились мои стихи о Толе. И сказала, что я делаю новый номер альманаха «Эолова арфа», весь посвящённый ему, и уже собрала много материалов для этого альманаха...

Тамара рассказала мне свой сон, который снился ей недавно.

— Мне первый раз за несколько месяцев приснился Толя. Раньше почему-то не снился. А недавно вот приснился. Он сказал мне, что ему сейчас хорошо. Я спросила его: «А я тебе теперь не нужна, что ли?» — Он сказал: «Нет... — И как-то замылся и добавил (чтобы успокоить меня?)... Сейчас нет... Может быть, потом?..» — Тамара засмеялась. — Представляешь, Нин, он сказал мне, что я ему не нужна! Как это понимать? Раньше была нужна, он звонил мне, советовался со мной о своих делах, я помогала ему организовывать концерты, он ходил к нам домой, мы с мужем, который обожает его как певца не меньше, чем я, принимали его у себя дома, а теперь я стала ему, видишь ли, не нужна...

— Так это значит, он не зовёт тебя к себе в свой загробный мир... Говорит, что сейчас ты ему там не нужна... Значит, он велит тебе жить...

и значит — ты будешь долго жить. И он желает тебе этого... Было бы плохо, если бы он сказал, что ты ему нужна, и позвал бы тебя в загробный мир... Он сказал, что, может быть, потом ты будешь ему там нужна... А сейчас — нет. Сейчас живи здесь. И радуйся.

— Ну раз я тебе не нужна, Толя, пока не нужна... там... буду жить здесь... — обратилась Тамара к Толе, присутствие которого мы обе чувствовали, хотя и не видели самого Толю, как если бы он играл с нами в прятки.

Мы с Тамарой развеселились... И чувствовали, что Толе это нравится, и что он радуется этому.

— Толечка, мы тебя любим! И будем приходить к тебе... Чтобы ты не скучал. И никогда не бросим тебя... — сказали мы ему дуэтно, когда уже прощались с ним.

И Толя... прореагировал на это! И каким же образом? Он понацеплял на нас много-много репьев с куста репейника.

— Смотри, Тамар, у тебя всё пальто в репьях, и спереди, и сзади, и с боков! — сказала я Тамаре, когда мы шли с ней по шоссе к остановке автобуса.

— А у тебя-то, Нин, тоже, смотри, вся шубка в репьях...

— Это значит — Толя цепляется к нам, прицепился к тебе и ко мне своим сердцем, своей душой... как репей, — прокомментировали мы с Тамарой всё это.

Да, точно! Но откуда взялись эти репьи? Да так много, как будто мы валялись в кустах репейника...

Это загадка. И даже не загадка, а тайна, которую нельзя разгадать...

...А поздно вечером я зажгла у себя дома, в своей хрущёвской келье, свечечку перед иконками Богородицы и Спасителя и перед фотопортретами Толи и помолилась о Толе и долго смотрела на пламя свечи, пока она не истаяла...

29.10.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«ВСЁ В ЖИЗНИ КАЖДОГО ЧЕЛОВЕКА ПРЕДОПРЕДЕЛЕНО СВЫШЕ...»

1.

Последний раз художник Борис Васильев-Пальм виделся со своим и нашим общим другом певцом и композитором Толей Шамардиным 29 января 2014 года, у меня в Перове, когда приезжал из Керчи в Москву по своим творческим делам, но он, конечно, не знал, что видится с ним последний раз. Я наварила щей в коричневой обливной кастрюле, и мы сидели в зале-кабинете-офисе-спальне за столом, в моей хрущёвке, забитой книгами, альманахами, журналами и коробами с архивами, в тесноте да не в обиде, и ели щи и обсуждали наши общие творческие планы, с оптимизмом глядя в будущее. Боря сказал, что он ждёт нас с Толей летом в Крым, в Керчь, чтобы мы могли выступить там, в библиотеке и где-нибудь ещё, показаться местной публике, тем более, что мы давно связаны с Керчью благодаря Боре, который популяризирует там нас как автор «Эоловой арфы», где я в 2009 году напечатала его пророческую поэму «Глядя в сторону России из Крыма», и как художник, который написал три моих портрета и один Толин, и как наш горячий поклонник. И нас там уже знают. Не все, но кое-кто из творческих кругов.

Боря уже много раз приглашал нас с Толей в Керчь, и мы уже много раз — теоретически — собирались поехать туда, но практически так и не съездили, слишком далеки оказались у нас пути туда, и слишком долго мы запрягали наши сани...

И вот 20 сентября Боря приехал в Москву, чтобы отсюда ехать в Питер, по своим творческим делам, и, естественно, заглянул ко мне в Перово, на огонёк, в гости. И мы просидели с ним у меня целый вечер, который стал вечером памяти Толи Шамардина, потому что только о Толе, который так внезапно и так нелепо ушёл от нас в апреле, несколько месяцев назад, в мир иной, мы и говорили. Я показывала Боре последние публикации о Толе в «Независимой газете», в газете «Слово», в журнале «Юность», с фотографиями Толи, помещёнными там, и 1-й том своего двухтомника «Тайна» со своими стихами, посвящёнными Толе, и с моим портретом работы Бо-

риса Васильева-Пальма на обложке, и всё пыталась предугадать, что было бы, если бы Толя больше берёт себя, не относился бы к своему здоровью беспечно, и если бы я больше берегла его, тогда и Бог уберёт бы его... А Боря пытался утешить меня и говорил, что если бы знать, где соломку постелить, постелили бы соломку, но никто ничего знал, и никто не мог предвидеть, что Толя забудет в автобусе свой мобильник, и побежит за этим автобусом, чтобы не потерять свой мобильник, и найдёт и вернёт себе эту свою железяку, но заплатит-ся за неё своей жизнью:

— Значит, на то была воля Бога, чтобы всё вышло вот так, потому что всё в нашей жизни и судьбе predeterminedено свыше. И нам только кажется, что мы можем что-то изменить в том или ином случае и можем от чего-то уберечь себя или своих близких людей. Мы поступаем во всех случаях так, как нам predeterminedено, предназначено... И я сейчас как раз пишу книгу на эту тему: «Записки мечтателя. Не фантазёра. Или как меня Бог вразумлял». Я там беру случаи из своей жизни и смотрю, как они взаимосвязаны и переплетены между собой и к чему они приводят, как они влияют на мою жизнь и судьбу, и на жизнь и судьбу целой страны... и того же СССР, и того же Крыма и Украины». Мне, например, предназначено — жить до 96 лет, я это знаю, мне гадалка нагадала (тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить!)... Единственное, что может утешить нас в случае с Толей, это то, что он умер лёгкой смертью (от разрыва сердца, от обширного инфаркта и от тромба. — Н. К.)...

— ...и скорее всего даже не успел понять, что с ним?

— Да. Как писал мой прадед, поэт Тхоржевский:

Лёгкой жизни я просил у Бога.

Лёгкой смерти надо бы просить.

...Бог пожалел Толю Шамардина, эту чудесную певчую птицу, этого соловья с золотым голосом, и послал ему лёгкую смерть? И увёл его от всех нерешаемых проблем, которые у него накопились за жизнь, к его 76-ти годам, и появились в последнее время, уберёт Толю от чего-то худшего, что могло бы с ним произойти? Потому что для каждого человека есть что-то и более страшное, чем его собственная смерть?

2.

27 октября исполнилось полгода с того дня, как чудодейственный песнопевец и мой самый родной и самый близкий человек и соавтор наших с ним песен Толя Шамардин улетел на небеса, в мир иной. Днём я на пару с его однокурсницей и его подругой юности Тамарой Королёвой съездила к нему на Новосходненское кладбище и помолились там о Толе и поставили за него свечки в часовенке. А вечером собиралась посидеть в кафе с одной молодой поэтессой, которая предложила мне это в качестве поминок по Толе. Но из Питера в Москву буквально на один день приехал и остановился дома у своего брата в Чертанове художник Борис Васильев-Пальм, чтобы 28 октября уехать к себе в Крым, в Керчь, причём весь простуженный, и я решила сначала встретиться с ним и передать ему 2-й том своей книги «Тайна» и оба тома для Керченской библиотеки, и журнал «Юность» со статьей Игоря Михайлова о Толе и с фотопортретом Толи, и диски с песнями Толи, а потом уж, если останется время, посидеть в кафе с молодой поэтессой. Времени на это у меня потом, правда, не осталось.

В Чертанове меня любезно встретила — недалеко от автобусной остановки — жена Бориного брата Лариса (поскольку Боря сидел дома и не выходил на улицу, лечился, кутая шею, горло и голову в клетчатый шерстяной шарф, в котором немного смахивал на пирата) и предложила зайти к ним домой, поужинать и выпить чаю... Она приготовила отличный ужин, картошку пюре с мясом и подливкой и салат из тёртой моркови с зелёным горошком и салат из свёклы... И мы поужинали в просторной кухне-столовой и выпили чаю с яблочным пирогом. И поговорили о жизни, литературе и искусстве, и, разумеется, прежде всего, о Толе Шамардине, и у нас получился вечер его памяти, как и у меня в Перове 20 сентября. Кроме того, Боря, хотя и температурил и кашлял и плоховато чувствовал себя, успел ещё днём написать эссе о Толе, но начерно, и теперь, в моём присутствии, пока я читала журнал «Брега Тавриды», где напечатана статья Марины Матвеевой о поэме Бориса «Глядя в сторону России из Крыма», переписал его набело, от руки, на листе ватмана, и дал мне для моего альманаха «Эолова арфа» и для книги о Толе.

— Я собиралась вечером пойти в кафе с одной поэтессой. Но сейчас уже девятый час... Поздно. Не успею... Какое теперь кафе? Поеду

к себе домой, — сказала я Боре, который всё же рискнул выйти со мной на улицу, проводить меня немножко.

— Но зато смотри, как всё хорошо сложилось у тебя в день памяти Толи. Ты успела съездить к Толе на кладбище. Ты успела передать мне свои книги и журнал и Толины диски, которые я теперь повезу в Керчь. Я успел переписать набело своё эссе о Толе и отдать его тебе из рук в руки, и мне не придётся посылать его тебе по электронной почте, которой у меня нет. А с поэтессой ты можешь посидеть в кафе и в другой день. Значит, ангелы и Бог решили, чтобы всё сложилось так, как сложилось... Я же говорил тебе, что всё предопределено и предначертано...

— «Не стой на ветру», — сказала я Боре стихами Анны Ахматовой и улыбнулась не как лирический герой Ахматовой, который улыбнулся «спокойно и жутко». — Иди домой. Чтобы тебя не продуло... (И чтобы ты жил 96 лет, как тебе предначертано. Дай Бог! И храни тебя Бог!)

5 и 7.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ХУДОЖНИК ИЗ КЕРЧИ БОРИС ВАСИЛЬЕВ ПАЛЬМ НАПИСАЛ ПОРТРЕТ ПЕВЦА АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

В 1995 году я попала в редакцию журнала «Юность» на персональную выставку художника, а ещё и поэта из Керчи Бориса Васильева-Пальма, с которым и познакомилась тогда на этой выставке. Мне очень понравились его картины, выполненные цветными карандашами и мелками, в благородной, изящной манере, а ему понравилась моя книга «Семейная неидиллия», которую я подарила ему и которая вдохновила его на целый цикл очень смелых и озорных стихов по мотивам моей любовно-эротической поэзии. И он захотел написать мой портрет и вскоре написал его, цветными карандашами и мелками. А потом познакомился с моим другом певцом и композитором Анатолием Шамардиным, и написал и его портрет, потому что Толя привлек и поразил художника и своей яркой человеческой индивидуальностью, и своей внутренней утончённостью, и своей экзотической внешностью, и своим бесподобно красивым голосом, и своим особенным искусством пения, и своими лирическими песнями на русском языке и на иностранных языках, в том числе на греческом, который

для Толи был не иностранным, а таким же родным, как русский (потому что у Толи по матери греческие понтийские корни). И с тех пор мы все трое стали друзьями. И когда Борис приезжал в Москву, мы встречались с ним у меня дома в Перове или там, где он останавливался, в мастерской своих коллег. Последний раз мы все втроём виделись и «пиршествовали» у меня в моих пенатах 29 января 2014 года, ели щи, которые я сварила по солотчинскому рецепту моей матушки, и мечтали встретиться летом в Керчи и выступить там втроём, например, в библиотеке, где есть книги и альманахи с нашими публикациями. Борис много раз приглашал меня и Толю в Керчь, но мы всё собраться не могли. Кстати сказать, Толя когда-то, в 70-х годах был там на гастролях, и зрители принимали его на «ура», о чём и писала газета «Керченский рабочий», которая сохранилась у Толи в архиве. А я ни разу не бывала в Керчи. И теперь если и поеду туда, то на вечер памяти моего и нашего с Борисом дорогого друга... Царствие ему Небесное, и земля пухом... и вечная память...

27 октября 2014 года, которое день в день совпало с полугодием ухода Анатолия Шамардина, этой райской Божьей птички, в мир иной, Борис Васильев-Пальм приехал в Москву из Питера, остановился дома у своего брата и, несмотря на свою простуду, которую подхватил в холодном Питере, написал воспоминания об Анатолии Шамардине и вручил их мне...

12–13.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПЕСНЯ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА «ДОРОГА» НА СТИХИ СЕРГЕЯ МНАЦАКАНЯНА

Песня, которую Толя Шамардин написал на стихи своего друга Серёжи Мнацаканяна, называется «Поездов зелёных шорох, шелест шин...», или «Дорога». Эти стихи привлекли Толю не только своим философским смыслом и художественным содержанием, но зацепили и чем-то ещё... и динамикой, движением поездов, самолётов и автомобилей, которые летят по дорогам жизни на высоких скоростях. Толя — первоклассный автомобилист с 35-летним стажем, обожал автомобили, и прекрасно водил их.

Правда, в 1980 году по вине своего пассажира (организатора концертов) он попал в аварию, в результате которой заработал себе туберкулёз лёгких, врачи, спасибо им, сумели вылечить этот туберкулёз, но всё же у Толи осталась проблема с лёгкими, и со временем возникла эмфизема лёгких, и Толя, чтобы не попасть в новую аварию, очень осторожно и очень аккуратно водил каждую машину, которая была у него, всегда соблюдал все правила уличного движения.

— Как я вожу машинку? — спрашивал он меня, сидя за рулём и шуточно рисуясь собою и ожидая от меня похвалу, когда я ехала с ним куда-нибудь.

— Ты — водишь её бесподобно! Как никто! И смотришься в ней так, будто ты и она — это одно целое, ты — как куколка в игрушечной машинке, привинченная к креслу и к рулю. Тобой нельзя не любоваться, как и ею.

— Да? — радостно вопрошал он, ожидая новой похвалы.

На машине он ездил выступать в ЦДЛ, в Политехнический музей, в Колонный зал, в какую-нибудь художественную галерею или библиотеку, туда, куда его приглашали, возил свою аппаратуру, колонки-усилители, пульт, пюпитры, стойки для микрофонов, музыкальные инструменты, гитару, мандолину, балалайку, кофер с костюмами для сцены. Машина была для него средством передвижения (железной лошадкой) и предметом удовольствия, потому что Толе доставляло удовольствие ездить на машине, находиться за рулём. Машина отчасти была и его домом и его офисом, где он мог помечтать и подумать о чём-то. Машина была для него синонимом личной свободы, в машине он не зависел от окружающих людей, от общественного транспорта и от расписания транспорта и чувствовал себя статусным хозяином своей жизни.

Машины он всегда покупал старые, потому что на новые у него не было денег, причём покупал всегда иномарки, потому что они были для него комфортнее наших отечественных автомобилей и нравились ему своим дизайном.

Свою последнюю машину, «Понтияк», трёхцилиндровую, которая требовала капитального ремонта и существенных финансовых вложений и жрала слишком много бензина, он «сбагрил» какому-то механику несколько лет назад за бесценок, чтобы сделать себе зубы, без которых нельзя петь, и мечтал со временем купить другую машину, потому что без неё он был как без рук и как без ног, и буквально накануне по-

следнего дня своей земной жизни он ездил смотреть какую-то машину по объявлению...

...Вчера я нашла у Толи в фоноархиве диск с записью песни Сергея Мнацаканяна «Дорога» и слушала её несколько раз. И каждый раз — всё с большим и большим наслаждением. Сергею эта песня всегда казалась чересчур длинной.

— Серёжа считает, что эта песня слишком длинная, — озадаченно говорил мне Толя. — Может быть, её надо подсократить?

— Не надо её сокращать. Это песня про дорогу, песня-дорога, и она и должна быть длинной, как дорога, по которой ты едешь, летишь, несёшься... И мотив песни у тебя получился такой, под который удобно и приятно ехать на машине, по ровной магистрали, если ехать не на повышенной, а на нормальной скорости... Ритмичный и размеренный такой мотивчик...

ДОРОГА

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Сергея Мнацаканяна

Поездов зелёных шорох, шелест шин.
Ото всех, кто сердцу дорог, мы спешим.

Срезав угол поворота колесом,
Мы не поняли чего-то в мире сём,
Где, краснея, словно щёки от стыда,
Светофор глядит высоко сквозь года.

Но ревут автомобили, позабыв,
Что когда-то мы любили ветви ив.
Но ревут автомобили, позабыв,
Что когда-то мы любили ветви ив.

От земли, до боли милой, наотрез
Отсекает алюминий синь небес,

Остаётся только скорость, так лети,
Если даже только горесть впереди,

Только сумерки, да ветер, да ещё...
До чего ж на этом свете хорошо!

Мы несёмся от себя ли, за собой?
Фары бьются в сумрак лбами, головой.

(Музыкальный проигрыш)

Мы несёмся без оглядки, чёрт возьми,
С безрассудных взятки гладки, тормозни!

Просто надо разобраться в тишине,
Что не повернуть обратно вам и мне.

Неужели, полнясь тьмою по края,
Остаётся за спиною жизнь моя?

Что-то завтра приключится, но уже
Просквозит печалью чистой всё в душе.
Что-то завтра приключится, но уже
Просквозит печалью чистой всё в душе.

Ля-ля, ля-ля,
Ля-ля, ля-ля...

Студийную запись этой песни Толя сделал 17 апреля 2007 года, в институте культуры. Песня получилась пророческой.

Мы несёмся без оглядки, чёрт возьми,
С безрассудных взятки гладки, тормозни!

27 апреля 2014 года, на Красную горку, безрассудный Толя нёсся — не на машине, а пешком, без оглядки, за автобусом, в котором забыл свой мобильник, бежал по жаре с гружёной тележкой (где были кассеты с записями Толиных песен для отцифровки и еще кое-какие личные Толины вещи и продукты к ужину) и не сказал себе: тормозни! куда ты бежишь? Ты к Смерти своей бежишь... Тормозни! Нет, не тормознул Толя, а нанял такси и понёсся за автобусом на такси, в сумерках,

с ветерком, на повышенной скорости, боялся, что не догонит автобус и не вернёт себе свой мобильник:

Остаётся только скорость, так лети,
Если даже только горесть впереди...

Впереди была Смерть, которая решила поиграть с ним в прятки и в догонялки, как с мальчишкой, и отняла у него мобильник, чтобы он погнался за ним... И он погнался за мобильником, а вышло, что за своей Смертью...

Если бы кто-то мог прокрутить плёнку этого сюжета назад, если бы Толя воскрес и увидел, к чему всё это приведёт, к чему его приведёт дорога, по которой он побежал, и если бы он мог повернуть обратно...

Но...

...не повернуть обратно вам и мне.

Увы, не повернуть...

Неужели, полнясь тьмою по края,
Остаётся за спиною жизнь моя?

Что-то завтра приключится...

Не завтра, а прямо сейчас что-то приключится... Его жизнь останется у него за спиною. А под деревом, куда он сядет перевести дух, потому что почувствует себя плохо (ему и его слабым лёгким и его ослабшему сердцу не хватит воздуха) его ждала Смерть. Она протянула ему его мобильник и забрала у него его жизнь, как разбойники, которые грабили людей на дорогах и говорили: «Жизнь или кошелёк?» — а тут: «Жизнь или мобильник?» — спросила Смерть Толю, наивного и неразумного, как ребёнка. — «Мобильник? Ну на тебе твой мобильник... только он тебе будет уже ни к чему, когда я заберу у тебя твою жизнь в обмен на этот мобильник». Впрочем, он ещё сослужит тебе последнюю службу: по нему милиция найдёт номер телефона твоей подруги Нины Красновой и твоего сына Олега, чтобы сообщить им о твоей Смерти, которая настигла тебя...

До чего ж на этом свете хорошо!

На этом свете хорошо, даже когда и плохо. А как теперь Толе Шамардину на том свете, куда Смерть унесла его? Хорошо, если он теперь в Царствии Небесном.

Кончилась земная дорога чудесного и несравненного песнопевца Анатолия Шамардина. Но осталась его песня о ней — «Дорога», которая дорогА всем, кто слышит её... и которую нельзя слушать без печали... а я не могу слушать её ещё и без слёз...

13.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

«ДА ЧТО ЖЕ БОГ НЕ УБЕРЁГ ТОЛЮ ШАМАРДИНА...»

Почему-то в связи с ужасно нелепой и ужасно обидной смертью Анатолия Шамардина, которая произошла вроде бы из-за ерунды, вспоминается мне один случай, очень похожий на тот, который произошёл с Толей. Но тот случай произошёл не в Химках, а в Рязани, лет тридцать пять назад, с маленьким мальчиком Димой, которому было всего 5 лет и который жил недалеко от моего дома в новом микрорайоне Дашково-Песочня, на улице Новосёлов. Мальчик играл с ребятами на территории двора, окружённого розовыми, такими же красивыми, как мой, плиточными домами, играл в мяч. И этот мяч вылетел у него из рук на проезжую дорогу и покотился между машинами. И мальчик, не думая о своей опасности, которая ждёт его, не думая о последствиях, бросился за этим мячиком и выбежал на эту проезжую дорогу, и его сбила машина, насмерть, в один момент.

И когда Диму в гробике несли по двору хоронить, его деревенская бабушка в черном платке шла за ним и причитала по-рязански, как рязанская плакальщица:

«Мальчик ты мой малинькяй... мальчик ты мой милинькяй, мальчик ты мой хорошенькяй... ды зачем жа ты побяжал, полятел за мячом на дороге... ды Бог ба с ним, с энтим мячом... ды пушай ба он и укатилси куды подальше... ды разве надоть было тябе из-за него жизни своей лишаться? Ды что жа ништо не догнал, не удержал, не остановил тябя, когда ты побяжал за ним? Ды что жа Бог тябя не убярёт? Ды что

жа мяне не было рядом с тобой? Ды я ба остановила ба тябя... не дала ба тябе бежать туды за каким-то мячом. Миленькяй ты мой мальчик, хорошенькяй ты мой... Видишь, чаво получилось-то? Ды лучше ба я вместо тябя под машину попала ба... а ты был ба цел и неврядим... Да зачем же ты, глупенькяй, несмышлёнай, неразумнай, побяжал за энтим мячом... и из-за какой-то энтой игрушки вон жизни своей лишилси?.. Ды что жа Бог не убярёт тябя, такого хорошенькова? Ды что жа мяне не было рядом с тобой, когда ты за мячом к смерти своей бяжал...»

Вот и Толя Шамардин, как этот маленький мальчик, только не 5-ти, а 76-ти лет, побежал за своим мобильником, за автобусом, в котором забыл свой мобильник... и лишился жизни своей из-за этой игрушки... глупенький, несмышлёный, неразумный взрослый мальчик... Да что же меня не было рядом с ним? Да я бы остановила бы его. Да что же было некому остановить, удержать его, когда он за мобильником к смерти своей бежал? Да что же Бог не уберёт его, такого хорошенького, птичку певчую с золотым голосом... душу детскую, чистую, светлую, невинную...

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев (некоторые):

Михаилу Палочкину, Ольге Благой, Татьяне Кириличевой Миле Романиди, Рахиму Гайсину, Александре Ирбе, Татьяне Кириличевой, Андрею Патаракину, Ольге Благой и 77 другим это нравится.

Клавдия Лунина: Ниночка! На твой вопрос — нет ответа! Не сокрушайся так, родная моя рязанская душа! Такая у нас людей доля, и что-то заранее мы знать не можем! Слава Богу уже за то, что смерть у Анатолия была быстрая, и он долго не мучился. И ты молодец, что продлеваешь ему жизнь в людской памяти! И это у тебя талантливо и хорошо получается! И Толя там на небесах радуется, когда у тебя хорошее настроение! Береги себя, Ниночка! Да хранит тебя Бог!

Нина Краснова: Клавочка, родная рязанская душа, спасибо тебе за душевную поддержку! Ты мудрая и добрая! Ты много чего в жизни пережила... Храни тебя Бог!

Татьяна Кириличева: Светлая память! Вечный покой!

Плачу, Ниночка...

Жаль! Безумно жаль Вашего друга!

Но ведь ЛЮБОВЬ НЕ УМИРАЕТ...

Владислав Ходасевич

ИЩИ МЕНЯ

Ищи меня в сквозном весеннем свете.
Я весь — как взмах неощутимых крыл,
Я звук, я вздох, я зайчик на паркете,
Я легче зайчика: он — вот, он есть, я был.

Но, вечный друг, меж нами нет разлуки!
Услышь, я здесь. Касаются меня
Твои живые, трепетные руки,
Простёртые в текущий пламень дня.

Помедли так. Закрой, как бы случайно,
Глаза. Ещё одно усилие для меня -
И на концах дрожащих пальцев, тайно,
Быть может, вспыхну кисточкой огня.

Нина Краснова: Танечка! Спасибо Вам за то, что Вы плачете вместе со мной... И за стихи Ходасевича спасибо. Они написаны как будто от лица Толи Шамардина... Спасибо, спасибо. Спаси и сохрани Вас Бог, Вас и Ваших близких!

Клавдия Лунина: Ниночка, только плакать больше не надо! А то Толя там тоже переживает за тебя, и ты это чувствуешь, я знаю! Поцелуй его фотографию, и пообещай, что будешь вести себя хорошо!

Нина Краснова: Хорошо, Клавочка! Я не буду плакать. Чтобы Толя не расстраивался из-за меня. Спасибо тебе за розу! Обнимаю тебя.

Клавдия Лунина: И слава Богу за всё! Я тоже тебя обнимаю, и молюсь за тебя и за Толю!

Нина Краснова: Клавочка дорогая! Спасибо тебе за иконку! И спасибо за Толю, за которого ты молишься, как и за меня!!! Он радуется, что у меня и у нас с ним появилась такая хорошая подруга — ты!

Нина Краснова: Спасибо всем моим друзьям-фейсбукцам, которые помогают мне пережить мое горе, которое и для многих из них тоже — горе.

Клавдия Лунина: А вообще-то, Ниночка, смерти нет! Иисус Христос спас все человечество от смерти! И у тебя ещё обязательно будет встреча с Анатолием в вечности! Надо верить в Господа, надо верить во встречу!

Нина Краснова: Спасибо тебе, Клавочка! То же самое недавно говорил

на похоронах моей сестры по перу Татьяны Шведовской священник — то, что разлука с нашими близкими, ушедшими в мир иной, не вечная, мы потом встретимся с ними там! Будем верить в это и в Господа Бога!

Ангелина Яковлевна Матвейчук: Вы, оплакивающие потерю любимых, да будете вы утешены тою надеждой, что хоть прах возвращается в землю, где ему и положено быть, дух возвращается к Богу, который его и дал. Смерть не есть конец. Все дорогие нашему сердцу люди именно через могильные ворота проникли в спокойствие жизни, которой не бывает конца. Знаем, что всем нам придется пройти тою же тропой, хотя не знаем часа своего. Так будем же жить так, чтобы встретить его без страха. Пусть поступки наши освятят память любимых людей, которых Ты, Господи, прибрал к Себе. И в неколебимой вере в мудрость Твою и в Твое великодушие мы воздаем хвалу Твоему имени.

Нина Краснова: Ангелина, Вы — Ангел! Спасибо Вам! Ваши слова, обращённые ко всем людям, оплакивающим потерю своих любимых, — это литургия, которая приносит всем нам (и мне!) утешение и укрепляет наш (и мой!) дух и веру в мудрость и великодушие Всевышнего, который знает, что делает, когда забирает людей к себе, он поселяет их (лучших из них) в Царствии Небесном, в месте светлом, для жизни вечной! Царствие Небесное нашим любимым! Царствие Небесное Анатолию Шамардину, песнопевцу от Бога!

Лариса Мещанинова: Ниночка, спасибо Вам еще раз за недавний переделкинский вечер (в литературном Гараже Аллы Рахманиной. — Н. К.), а в особенности за проникновенный рассказ об Анатолии Шамардине. С удовольствием слушаю его диск на Ваши стихи, обязательно приобрету второй, «белькантовый». 14.11.2014

14.11.2014. (Из фейсбука)

«ЛЕБЕДИНАЯ ПЕСНЬ» АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

*Тамара Жирмунская — Нине Красновой
об Анатолии Шамардине:*

«... ты — его лебединая песнь, вот кто. Не плачь».

Тамара Жирмунская.

14 ноября 2014 г., фейсбук

Нина Краснова — Тамаре Жирмунской
об Анатолии Шамардине:

«Тамарочка!

А у Толи Шамардина есть песня на стихи Ивана Киуру (мужа Новеллы Матвеевой) «Песня лебединая», написанная им задолго до встречи со мной, а записанная им в студии уже при мне, в институте культуры, в моём присутствии. Он пел её мне, но я тогда не придала этому особого значения, просто от души похвалила его за песню, как за любую другую (они у него все прекрасные!). А теперь, когда я прочитала в твоём комментарии, что я — «его лебединая песнь», до меня дошло, что он посвящал эту песню мне. Спасибо тебе, Тамарочка, душа прозорливая! Я думаю, что когда я выпущу книгу о нём, то есть сделаю для него то, о чем он мечтал при своей земной жизни и чего я не успела сделать, я немного успокоюсь. Обнимаю тебя и люблю!»

Нина Краснова
14 ноября 2014 г.,
фейсбук

А вот текст этой песни, стихи.

ПЕСНЯ ЛЕБЕДИНАЯ

стихи Ивана Киуру
музыка Анатолия Шамардина

Дни и ночи летние улетели прочь.
Слышу клики лебеда, слышу день и ночь!
Где ты, песнь победная, как весны приборой?
Птица моя бедная, что это с тобой?

С глянца вод холодного, в северную даль,
Горькая, свободная — всё летит печаль...
Лес красой не радует, а пригож — до слёз.
Прямо в душу падает золото берёз.

Что душой утеряно? Где для сердца щит?
Камень серый берега знает, да молчит.
Всё пройдёт, всё стерпится. О судьбе слепой
Камышинки шепчутся тихо меж собой.

Осень эту длинную надо превозмочь!
Песню лебединую слышу день и ночь.
Песня небогатая над рекой без дна.
Но судьба крылатая
Песне той дана!..

(Из книги Ивана Киуру «Неунывающий клевер» М., «Советски писатель», 1985. — 120 с.)

Толя Шамардин брал для своих песен чаще всего такие стихи, на которые другой композитор, наверное, никогда не обратил бы внимания, а Толя умел вчитаться в них и найти в них какой-то особый глубинный смысл, сосмысл, надсмысл, подсмысл, что-то очень близкое себе, и услышать и воспроизвести внутреннюю музыку, которая звучала (слышалась ему) там и которая приоткрывала и выявляла всё, что содержалось в стихах, и которая добавляла туда какие-то свои оттенки и нюансы и придавала всему этому некую объёмность, когда сами слова были уже не так важны, как важна была заключённая в них музыка, которая несла в себе больше того, что можно выразить словами, и когда каждое слово, наполненное этой музыкой, да ещё и божественным голосом Анатолия Шамардина с неповторимо прекрасным тембром, обретало новое значение и действовало на тебя с особой силой.

То же самое относится и к его «Песне лебединой», которую чем больше слушаешь, тем больше она трогает и волнует тебя чем-то необъяснимым, и тем больше хочется слушать и слушать эту песню и парить с нею в небесах.

3.02.2015. (Из фейсбука Нины Красновой)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГАРАЖ АЛЛЫ РАХМАНИНОЙ ПРИНЯЛ ТОЛЮ ШАМАРДИНА

13 ноября я выступала в переделкинском литературном Гараже Аллы Рахманиной при библиотеке Корнея Чуковского. Алла давно приглашала меня в этот литературный чертог, но я смогла выбраться туда только сейчас. В этом Гараже, как сказала мне Алла, в разное время выступали самые разные поэты и прозаики и критики, все наши литературные знаменитости, весь литературный цвет, и Вознесенский, и Евтушенко, и Рейн, и Аннинский, и Волгин, и кто только не выступал. Вот теперь и я выступила. Я сидела во главе длинного накрытого стола, на стуле, на том самом месте, на котором до меня сидели все медийные лица литературного бомонда.

Я принесла с собой свой двухтомник «Тайна» и читала свои напечатанные там стихи, в основном из цикла «Поминальные свечи», посвященные моим ушедшим в мир иной литературным учителям и друзьям, Солоухину, Старшинову, Тарковскому, Римме Казаковой, Астафьеву, Бокову, Золотухину и тому же Вознесенскому и рассказывала о них, о своих дружбах с ними, но больше всего я говорила о моем недавно ушедшем друге, о котором сейчас больше всего плачет моя душа, о певце и композиторе Анатолии Шамардине, и прочитала свои стихи, посвященные ему, и рассказала о его трудной судьбе, которой не пожелаешь никому, и дала всем послушать его песни — «Сон под пятницу» на мои стихи, и тарантеллу «Красивая девушка» на итальянском языке... Почти никто из присутствующих никогда не слышал о нем раньше и почти никто никогда не слышал и его самого... и теперь все были потрясены тем, что такой певец, который мог бы стать кумиром миллионов, Орфей с золотым голосом, подобных которому нет во всей стране и во всем мире, оказался у нас задвинутым в темный угол и не раскрученным и не востребованным средствами массовой информации...

...Я подарила Гаражу в лице Аллы Рахманиной свой двухтомник и диски Анатолия Шамардина. И была рада, что приехала в Гараж. Я приехала туда на электричке и на такси, с поэтессой Галиной Богачеко, которая тоже никогда не бывала там раньше и которая тоже

прочитала там свои стихи и имела успех. А ещё там был и выступал и сказал обо мне много хороших слов искусствовед, литературовед Стас Айдинян, он помогал Алле вести вечер, а еще там были Татьяна Аксёнова, Георгий Бойко, Сергей Малахов, Татьяна Князева (она снимала всё на видеокамеру), и еще там была поэтесса-бард Лариса Мещанинова (она купила у меня диск «Сон под пятницу», чтобы подержать Толю).

...Чудесный получился вечер, какой-то такой совершенно неофициальный, домашний, в кругу людей, которые все оказались родными и близкими мне по духу. Алла Рахманина создала этот круг, спасибо ей! Мы еще и выпили за здоровье всех присутствующих и за упокой души ушедших в мир иной, и конечно, за Толю Шамардина.

А через месяц мы встретились с Аллой в ПЕН-клубе, и она подарила мне диск с видеозаписью вечера...

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Лариса Мещанинова: Спасибо Нине Красновой, что познакомила с творчеством Анатолия Шамардина, этого уникального незаслуженно неизвестного певца. Голос-флейта, благородная простота и обаяние, обаяние, обаяние... Купила диск и не наслушаюсь. 14.11.2014

Нина Краснова: Ларисочка милая, спасибо тебе за такие чудесные слова о Толечке, которых он заслуживает, как никто!!! Я рада, что диск с песнями Толи попал в хорошие руки, к тебе! Толечка тоже был бы (и есть!) рад, что обрёл в твоём лице такую поклонницу. Ты сама очень талантливая, поэтому... рыбак рыбака видит издалека. Успехов тебе в твоём творчестве, в твоём искусстве!

Нина Краснова: Ларисочка, спасибо тебе за то, что ты поместила страничку с Толей у себя на фейсбуке!!!

Лариса Мещанинова: Ниночка, спасибо Вам еще раз за недавний переделкинский вечер, а в особенности за проникновенный рассказ об Анатолии Шамардине. С удовольствием слушаю его диск на Ваши стихи, обязательно приобрету второй, «белькантовый».

21.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ОХ, ОХ, А ЗА ОХОМ БОГ...

Раньше все тиражи моих книг и прочей печатной продукции мне помогал возить прямо из типографии ко мне домой в Перово мой надёжный друг, певец и композитор Толя Шамардин: когда у него была своя машина, то на своей машине, а когда у него уже не было своей машины, то на какой-нибудь попутке, которая нам попадалась на дороге. И мы с ним вдвоём загружали машину пачками с книгами, а потом разгружали её и таскали пачки ко мне на третий этаж, без лифта. И у меня и у нас не возникало с этим никаких проблем. Да ещё кто-нибудь из соседей подворачивался нам под руку и помогал нам. А теперь Толя живёт в параллельном мире, в Царствии Небесном, устраивает там концерты ангелам в райском саду и отдыхает от земных трудов. И у меня возникла проблема: кто же теперь поможет мне перевезти, с Павелецкой, тираж моей новой книги, моего двухтомника «Тайна», да к тому же не в пачках по 10 экземпляров в каждой, а в картонных коробах по 80 экземпляров в каждом, заклеенных скотчем? Помог мне мой и наш с Толей товарищ по перу из журнала «Юность», писатель-юморист и по совместительству водитель своей автомашины «Фольксваген» Генрих Палоян, который, как правило, развозит номера журнала в несколько торговых точек, в киоски и магазины. А Генриху помогли погрузить короба с моим тиражом в багажник сам издатель, поэт Евгений Степанов и охранник. Сильные какие ребята... Они таскали большие тяжеленные короба с пачками, как лёгкие пустые коробочки, играючи. А кто будет помогать поднимать их у меня во дворе на мой третий этаж? — озабоченно думала я, когда ехала с Генрихом через всю Москву, и Генрих показывал мне дом, где он родился, на улице Каховке, и дом-высотку, где живёт его друг, главный верстальщик и художественный оформитель «Юности» Дмитрий Горяченков, и показал еще кое-какие достопримечательности, и перекрёсток на Малой Семёновской, где когда-то на Генриха, то есть на его «Фольксваген» наехала с горы баба на машине и разбила ему весь бампер... До моего дома мы ехали из-за пробок на дорогах около четырёх часов (за это время и до Рязани доедешь, не то что до Перова). «А кто будет поднимать мой тираж на мой третий этаж (я такие короба не подниму)?

Нельзя наваливать всю эту работу, весь этот тяжкий труд на одного Генриха...» — думала я про себя. — «Ты договорилась с кем-то, кто будет помогать нам таскать тираж к тебе на третий этаж?» — спросил у меня Генрих, словно считывая у меня со лба мои внутренние монологи. — «Неа! Авось Бог пошлёт нам кого-нибудь из соседей! Не тебе же одному всё это таскать...» — оптимистично ответила я, а сама подумала: «А что если во дворе никого из соседей не окажется? Или никто не согласится?.. Тогда что?»

Когда мы въезжали в мой двор, было уже темно, как ночью. Во дворе никого не было... кроме двоих соседей, автомобилистов, Александра и Романа, которые стояли около своих машин и словно специально дожидались меня с моим тиражом. Приятели моего друга Толи Шамардина, который любил поговорить с ними о машинах. Бог послал их мне, то есть нам с Генрихом... Или Толя Шамардин, который увидел со своей высоты, что я везу в Перово свой двухтомник, и сказал своим приятелям: «Ребята, помогите Нине...» — Они и помогли. Спасибо! Всё внесли ко мне в квартирку, прямо как на «воздушьях», если говорить языком моей матушки, и очень аккуратно и компактно расположили всё это в приготовленных мной для этого углах.

Ох, ох, а за охом Бог! — сказала бы моя матушка.

...А Генрих Палоян в тот же вечер прислал мне по электронной почте свои давно обещанные мне «полстранички» воспоминаний об Анатолии Шамардине, которого очень ценил как певца и композитора и просто как прекрасного человека и хорошего друга не только для меня, а для всех своих друзей и для друзей своих друзей.

23.11.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

**СВЕТЛАНА РЕЗАНОВА: «ТОЛЯ ШАМАРДИН —
ИЗУМИТЕЛЬНЫЙ ПЕВЕЦ, И В ОТЛИЧИЕ
ОТ БОЛЬШИНСТВА СВОИХ КОЛЛЕГ УМЕЕТ ПЕТЬ ТИХО...»**

1.

Я помню, как несколько месяцев назад певица Светлана Резанова позвонила мне и с отчаянием сказала:

— Нина, это правда... что Толя Шамардин... (Умер!)

— Да, Светланочка...

— А я и не знала об этом. (Ну да, об этом же не сообщалось по радио и по телевидению.) Мне позвонил из Испании Толя Сёмочкин (друг Толи Шамардина, первоклассный музыкант, гитарист, с которым Толя когда-то работал в ресторане «Саппоро» и с которым не раз выступал на всяких вечерах и с которым записывал кое-какие свои песни в студии. — Н. К.). Он сейчас в Испании (гастролирует)... Он позвонил мне и сказал... что Толя Шамардин... Умер! Я прямо в голос заорала, не заорала, а завопила: «Не-е-ет! Этого не может быть!» Сёмочкин сказал мне, что Толя умер дома, сидя в кресле...

— Нет, он умер во дворе своего сына, сидя под деревом...

— Я стала искать у себя твой телефон... не нашла... Позвонила Тамаре Золотухиной, зная, что ты дружишь с ней... Она дала мне твой телефон... и подтвердила, что Толя Шамардин умер... И вот я звоню тебе...

Я рассказала Светлане, как Толя умер... И мы обе плакали в трубку... И говорили, что он ушёл безвременно, никто не ожидал этого от него... Ему бы жить да жить... Он же был молодой по своей натуре, по своей душе, да и выглядел молодо, намного моложе своих лет, и всегда был весёлый, радостный и, в отличие от всех, кто любит жаловаться на своё здоровье и ныть, никогда не жаловался на своё здоровье и не ныл... И вот люди, которые без конца жаловались и ныли, живут, а Толя, который не жаловался и не ныл... и был такой молодой и весёлый, умер... А рассчитывал долго жить и был полон творческих планов... И, кстати сказать, буквально за две недели до своей кончины впервые в своей жизни получил из агентства авторских прав гонорар за свои песни, как манну с неба, и был так рад этому, и хотел выпустить свой новый компакт-диск... Но не успел...

... А у Светланы Резановой год назад, 4 ноября 2013 года, и тоже безвременно, умер её гражданский муж — композитор Валерий Лапшин, с которым она прожила 20 лет и который писал для неё песни... и она очень печалится о нём: «Я всё никак не могу представить себе, что его нет. И никак не могу привыкнуть к этому... Все его рубашки я исцеловала...»

Я помню, как Толя, буквально за несколько дней до своей кончины, говорил мне о Светлане и о её Валере, что Светлана очень страдает и тоскует по нему, и жалел Светлану и сочувствовал ей, как и я, и не думал, что он и сам через несколько дней, 27 апреля, уйдёт в мир

иной, «в ту страну, где тишь да благодать», туда, куда ушёл Валерий Лапшихин.

— Толя часто звонил мне. И когда звонил последний раз, сказал: «Света, я позвоню тебе на днях»... А я смотрю, он не звонит и не звонит... А он, оказывается... умер...

Мы со Светланой Резановой, как две сестры по несчастью, как две вдовушки, погоревали о Толе Шамардине и о Валере Лапшихине, Светлана Резанова от души пособолезновала мне, а я ей. И мы договорились встретиться с ней и помянуть их обоих, когда немного придём в себя...

2.

Анатолий Шамардин много кого знал из эстрадных «звёзд» советского времени лично. Но мало с кем знался из них, а со Светланой Резановой он дружил и поддерживал творческие отношения до конца своей жизни. Перезванивался с ней по телефону, советовался с ней по каким-то важным творческим вопросам. Кстати сказать, и свой единственный в жизни гонорар за свои песни он получил благодаря Светлане Резановой, которая подсказала ему, что надо делать, чтобы получать эти гонорары, посоветовала ему обратиться в агентство авторских прав и зарегистрировать там свои песни... так все композиторы делают. И он так и сделал и получил гонорар, правда, воспользоваться им не успел... вот что обидно... слишком поздно получил его, за две недели до своей кончины...

Толя Шамардин относился к Светлане Резановой с большой симпатией, ему нравился и её голос, чистый, нежный альт, с волнующими вибрациями, и она сама, вся такая яркая, красивая, с густыми вьющимися темными волосами, с пышной причёской, с мягкими чертами лица, со светящимися глазами и с полными губами, очень артистичная, сценичная и фотогеничная, и очень добрая и весёлая по своему характеру, словом — обаятельная.

— И главное — она может петь без микрофона, как и я, — говорил Толя, который считал это обязательным условием для профессионального певца. — Причём без микрофона она поёт точно так же, как с микрофоном, как на своих пластинках и дисках, в студийных записях. То есть она может петь живьём, в отличие от искусственных «звёзд», от тех певцов и певиц нового времени, которые живьём ни одной песни нормально спеть не смогут и будут попадать мимо нот...

...Светлана Резанова родилась в Волгограде. Окончила театральную студию при Волгоградском драмтеатре, потом ГИТИС (режиссёрский факультет).

Стала популярной в советское время по песням — «Белый танец», «Цветочница Аня», «Ты говоришь мне о любви», «Если любишь ты», «Чёрное и белое», которые она пела и которые регулярно звучали и по всесоюзному радио, и по центральному телевидению и которые стали её визитными карточками. Сейчас они звучат реже, в основном только на её сольных концертах, но всё равно Светлана Резанова как была, так и осталась эстрадной «звездой».

Пела и поёт она и песни на стихи Риммы Казаковой — «Зелёные глаза», «Не спеши, дорогой», «В моём садочке». На поминках по Римме Казаковой она пела в ЦДЛе песню на её стихи «Ненаглядный мой». И зал подпевал ей.

Светлана Резанова — лауреатка конкурса эстрадной песни в Болгарии «Золотой Орфей», конкурсов «Братиславская Лира» в Чехословакии, «Шлягер-фестиваль» в Дрездене.

Она работала в джаз-оркестре под управлением Анатолия Кролла, в Ленинградском Мюзик-холле, в группе Павла Слободкина «Весёлые ребята» (до Аллы Пугачевой). Побывала с гастрольями в Финляндии, Алжире, Турции, в странах Латинской Америки, также в Венгрии, Германии, Румынии, Чехословакии, Польше... Заслуженная артистка России.

Я познакомилась с ней благодаря Римме Казаковой, но шапочно, а потом и — не шапочно — благодаря Толе Шамардину, на его сольном концерте в Доме учёных, куда она пришла поддержать своего коллегу Толю Шамардина и где она выступала «номером», и на моём творческом вечере в Большом зале ЦДЛ, куда мы с Толей пригласили её и она пришла поддержать нас обоих и пела «Белый танец», а потом вдвоём с Толей — «От зари до зари».

Сохранились видеозаписи обоих этих вечеров. Им теперь цены нет.

3.

На днях Светлана Резанова позвонила мне и сказала, что сломала себе ногу, не ногу, а два пальца на левой ноге, плюсневые косточки, когда снималась на телевидении и спускалась на высоких каблуках со сцены... И сейчас сидит у себя дома, в гипсе...

— Я приду к тебе, принесу тебе кое-каких продуктов... ты же

сейчас не можешь ходить в магазин... — сказала я ей, как сестра милосердия. — И мы с тобой помянем Толю Шамардина и Валеру Лапшихина и поплачем на плече друг у друга... Когда Римме Казаковой сделали операцию бедра и Римма не могла ходить и некому было ухаживать за ней, я целых три месяца ходила к ней домой, помогала ей по хозяйству, ходила в магазин за продуктами и в аптеку за лекарствами...

...15 ноября я приехала в гости к Светлане Резановой на Профсоюзную улицу... Светлана встретила меня у дверей. Вся такая милая, приветливая, не понуряя, и вся соответствующая своему светлому имени, вся такая светящаяся своим собственным светом, как витраж, и вся такая молодая, как девушка, в белой спортивной маечке с трафаретными буквами и в чёрных брючках... с гипсом в форме короткого белого ботиночка на ноге.

Светлана приготовила в честь меня жареную курочку в соусе из сметаны и горчицы и макароны с овощным салатом... И мы просидели с ней у неё дома часов пять... и не заметили, как пролетели эти пять часов.

4.

Когда я ехала в гости к Светлане Резановой на Профсоюзную улицу, я прихватила с собой свой китайский плёночный диктофон, чтобы не только встретиться со Светланой и помянуть наших с ней любимых друзей, но и чтобы совместить приятное с полезным — взять у неё интервью для книги о Толе Шамардине, и не только для этого. Но до интервью у нас дело не дошло. Мы решили посидеть за столом и поговорить по душам без диктофона, который сковывал бы и напрягал нас. И просто сидели и говорили по душам. И поминали Толю Шамардина и Валеру Лапшихина, наших спутников жизни, наших композиторов. Царствие им Небесное! А заодно помянули и Валерия Золотухина, который был соседом Светланы по двору и по дому, только что не по лестничной площадке, и жил со своей женой Тamarой и сыном Серёжей в том же самом доме, что и она, только не в четвёртом подъезде, как она, а в третьем...

Потом мы со Светланой слушали диск с её новыми записями песен, через стереоколонки. У Светланы Резановой голос с годами несколько не изменился. Каким он был у неё в советское время, молодым, чистым

и свежим, таким и остался. «Каким он был, таким остался». То же самое относится и к голосу Анатолия Шамардина.

Потом Светлана показала мне свой сайт в Интернете, свои странички с комментариями её читателей.

А под конец я всё же взяла у неё для книги о Толе Шамардине блиц-интервью на пять минут. Спросила у неё, когда она познакомилась с Толей Шамардиным и что она может сказать о нём в двух словах.

— Светлана, когда вы познакомились с Анатолием Шамардиным?

— Мы познакомились с ним ещё в советское время, когда работали в Москонцерте. Он пел песни народов мира, на разных языках, на итальянском, греческом, немецком, английском, испанском, и всеми этими языками владел, он в своё время окончил иняз и преподавал языки. Он пел даже на японском языке. Ну и на русском, конечно, песни, романсы, танго. Публика была от него всегда в полном восторге! И принимала его всегда великолепно...

— И, как сказал бы сам Толя, на «ура»!

— Да. У него такой нежный, такой своеобразный голос, такого красивого, мягкого тембра, льющийся, летящий... А потом Толя куда-то пропал с эстрады и исчез из моего поля зрения... (Толя работал в Росконцерте и в разных областных филармониях, разъезжал по стране, а после открытия «железного занавеса», в 90-х годах жил и выступал в Европе, в Греции, в Германии. — Н.К.) А потом он опять появился на моем горизонте, через много лет. И голос у него не изменился с годами, был такой же красивый, как раньше. Мы выступали с Толей и в Колонном зале, и в ЦДРИ...

— ...и в Доме учёных (на сольном Толином концерте), и в ЦДЛ (на моём творческом вечере)...

— ...Да... и много где ещё. Толя — изумительный певец! И в отличие от большинства своих коллег умеет петь тихо. Петь тихо мало кто умеет...

— Это особое искусство.

— Да.

— Ты, Светлана, тоже умеешь петь тихо, не на высотной тесситуре, как сказал бы Толя. Ты и «Белый танец» так поешь, и «Цветочницу Анюту»... У нас все певцы и певицы в основном орут, когда поют... не поют, а орут, кричат... Как будто они сердятся, злятся и ругаются на кого-то и как будто у них кто-то что-то отнимает... И как будто они

всё время чем-то очень сильно недовольны, раздражены и возмущены. Мы с Толей всегда обращали внимание на это и недоумевали: почему они всё время орут? Когда певец поёт тихо, не надрываясь и не оглушая своих слушателей, тогда его голос лучше доходит до твоей души, и тогда легче определить, какой у него голос, и насколько он вокален или не вокален. А Толя, как и ты, никогда не орал, когда пел, но его голос проникал во все уголки зала и во все уголки души.

— Он — чудесный певец! И просто он ещё и очень хороший человек и очень хороший друг! Что немаловажно!.. Когда он звонил мне, он всегда говорил: «Это самая лучшая звезда эстрады Светочка?»

— Да, он еще мог сказать: «Это мой лучший друг Светочка?»

— Да, и это он мне говорил!

(Когда Толя звонил по телефону кому-то из своих друзей, и мужского, и женского пола, то всегда в качестве приветствия произносил одну и ту же фразу, один и тот же зачин, одну и ту же поговорку: «Это мой лучший друг... (имярек)?» (Это мой лучший друг Коля? Это мой лучший друг Витя? Это мой лучший друг Серёжа? Это мой лучший друг Лена? Это мой лучший друг Тамара? Это мой лучший друг Светочка?) — и таким образом создавал нужный для диалога весёлый настрой.)

)))

...На прощание, до нашей новой встречи, «самая лучшая звезда нашей эстрады», «мой лучший друг» Светочка Резанова подарила мне два своих диска с песнями — «Странная любовь» и «Белый танец», а я подарила ей свою книгу «Тайна», альманах «Эолова арфа» № 4 (с репортажем о моем творческом вечере и об участии в нём Толи Шамардина и Светланы Резановой) и два Толиных диска — «Сон под пятницу» и «Песни народов мира». Обменялись мы с ней нашими культурными ценностями-бесценностями.

30.12.2014, с добавлениями 1 и 3.01.201. (И фейсбука Нины Красновой)

ДРУГ МОЙ МИЛЫЙ, ВИДИШЬ ЛИ МЕНЯ?..»

1.

Вчера вечером я почувствовала, что мой друг Толя Шамардин, которого я давно не навещала на Сходненском кладбище, хочет, что-

бы я навестила его, и ждёт меня. Я это очень сильно почувствовала. И мне очень сильно захотелось навестить его. Я представила себе, что он лежит и мёрзнет в своей могилке, на глубине двух метров, и никто не приходит к нему, и он думает, что он позабыт-позаброшен всеми и никому не нужен. И утром я проснулась и решила съездить к нему. И в 11.55 поехала на «Речной вокзал» и не знала, во сколько отходит оттуда 370-й автобус... И когда ехала в метро и села в электричку на станции «Новокузнецкой», у меня в голове откуда-то появилась информация о том, что автобус отходит в 12:55. Словно Толя вложил мне ее в голову, как это делают существа НЛО. Я посмотрела на свои ручные часы: стрелки показывали 12:30. Успею ли я на этот автобус?

Когда я вышла с «Речного вокзала» на улицу, мои часы показывали 12:50. Успею ли я дойти-добежать за пять минут до 370-го автобуса, если он уже стоит на остановке? Метрах в пятистах от меня!

Автобус стоял на своей остановке, уже готовый уйти, у него сзади горели две красные лампочки... Не дай Бог уйдёт! «Толя, удержи автобус!» — попросила я Толю. Автобус не ушёл, пока я не добежала до него и пока не впрыгнула и не села в него. Водитель (которому Толя велел подождать меня?) терпеливо ждал меня и указал глазами, в какую дверь мне лучше впрыгнуть.

Как правило, автобус шёл до Усково (до остановки недалеко от Толиного дома на Сходне) через «пробки» часа полтора, а то и два. А тут без всяких «пробок»! — доехал всего за тридцать минут!!! И от Усково до своей конечной остановки — всего за 10 минут!!! Итого: от «Речного вокзала» — всего за 40 минут! Фантастика да и только! Или мистика... В общем — чудо какое-то! Не иначе, как Толя Шамардин из своего параллельного мира, из своего Царствия Небесного сделал всё так, чтобы всё получилось так, а не иначе! Позаботился обо мне. Чтобы я пришла к нему на кладбище, на могилку. И послал мне солнышко в окошко автобуса, раздвинув густые серые облака, чтобы я не мёрзла.

Табло в автобусе говорило о том, что в автобусе плюс 17 градусов, а на улице минус 2. Может быть, в автобусе и правда было плюс 17, но на улице было точно не минус 2, а, наверное, минус 20, очень холодно. Я даже надела шерстяные перчатки, которые почти никогда не ношу, а на голову себе накинула капюшон.

2.

Каждый раз, когда я иду от конечной остановки 370-го автобуса, по большой безлюдной дороге на Новосходненское кладбище к моему другу Толе Шамардину, стараясь идти по самой обочине, чтобы не мешать мчащимся взад и вперед машинам, я твержу про себя строки из стихов Фёдора Тютчева, посвящённых его гражданской жене Елене Денисьевой, которая умерла раньше времени и о которой он сильно переживал: «Вот иду я по большой дороге... Друг мой милый, видишь ли меня? Ангел мой, ты видишь ли меня?». Тютчев обращался в них к Денисьевой, а я обращаюсь в них к моему другу.

Вот иду я по большой дороге
В тихом свете гаснущего дня,
Тяжело мне, замирают ноги.
Друг мой милый, видишь ли меня?

Всё темней, темнее над землёю –
Улетел последний отблеск дня...
Вот тот мир, где жили мы с тобою,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

Завтра день молитвы и печали,
Завтра память рокового дня...
Ангел мой, где б души ни витали,
Ангел мой, ты видишь ли меня?

И почему-то я знаю, что мой друг, мой ангел Толя Шамардин видит меня... И когда я сижу у себя дома и работаю и когда трапезничаю в своей хрущёвской келье, и когда разговариваю с его фотографиями, и когда хожу по каким-то литературным дорожкам на какие-то литературные вечера, и когда иду к нему на кладбище...

Вот и вчера я шла к Толе по большой дороге и говорила ему молча: «Вот иду я по большой дороге... Друг мой милый, видишь ли меня? Ангел милый, видишь ли меня?» — И он говорил мне: «Вижу!..»

3.

У соседки Анатолия Шамардина на Новосходненском кладбище, могилка которой находится по левую сторону от его могилки, — фами-

лия Дроздова, фамилия певчей птички. Поселил же Бог эту Дроздову рядом с певчей птичкой Толей Шамардиным. Чтобы Толе было веселее? В этом есть какой-то юмор от Бога. Толя оценил бы этот юмор. И, может быть, уже оценил.

Сейчас около упокоенной Дроздовой в её оградке появилась ещё одна могилка, я не рассмотрела, чья... Может быть, мужа этой Дроздовой. Каждый раз, когда я прихожу на кладбище, я вижу там новые могилки. Люди постепенно переселяются из своих квартир в эти могилки, в свои последние пристанища, через которые переселяются с этого света на тот. А на этом свете рождаются новые люди, которые потом тоже переселятся на тот свет... А если бы все жили и жили на земле, на этом свете, со дня сотворения мира, это сколько же миллиардов людей здесь образовалось бы... всем не хватило бы места на планете Земля, людей было бы здесь по тысяче человек на один квадратный сантиметр... Поэтому Бог переселяет их отсюда на тот свет, где всем места хватит... потому что вселенная бесконечная... и смерти нет, а есть жизнь вечная.

4.

Я забыла взять с собой из дома спички и не знала, как мне зажечь лампадку у Толи на могилке. Смотрю, работник кладбища, высокий худощавый мужчина азиатской внешности, то ли узбек, то ли таджик, в черной куртке и в черных штанах, заправленных в сапоги, метёт метлой площадку около часовни, а часовня уже заперта. Я спросила у него:

— Здравствуйте, нет ли у вас спичек? Мне лампадку нечем зажечь.

— У меня есть зажигалка, — ответил он дружелюбно и пошёл в свою дощато-фанерный флигилёк, в свою бытовку, во дворик, где стоят обрядцы оградок, и принёс мне зажигалку и сказал:

— Вы можете оставить ее себе.

Но я потом отдала ему ее и сказала спасибо, и он улыбнулся широкой улыбкой не в тридцать два зуба, а меньше, потому что одного переднего зуба у него во рту не хватает. И я подумала: «Вот этот гостарбайтер смог неплохо устроиться здесь. При Новосходненском кладбище. Следит за порядком и подметает территорию кладбища, делает полезную работу. И, наверное, прямо и живёт здесь, во флигильке, где, наверное, и электрическая печечка есть, около которой он греется, когда на улице

минус 20 градусов, и доволен этим. А кто-то живёт в хоромашах, в замках и ничем недоволен.

5.

Могилка Толи Шамардина покрылась белой узорной изморосью, и каждый цветочек на ней, и каждая травинка, и весь участок вокруг неё, огороженный оградкой, и даже сама оградка. И стала вместе со всем участочком похожа на игрушечный макет, на мини-мир Деда Мороза, обсыпанный декоративной стеклянной крошкой.

«Тепло ли тебе (здесь), девица? Тепло ли тебе, милая?» — вспомнила я слова Деда Мороза из сказки «Морозко», спектакль по которой я ставила с ребятами младшей группы в пионерлагере «Комета», в рязанской деревне Ласково, когда после окончания школы два лета работала там пионервожатой.

«Тепло», — сказала я, хотя мне было холодно и я попрыгивала вокруг оградки и ножкой об ножку поколачивала, как заюшка, который у ёлочки попрыгивал и ножкой об ножку поколачивал в сказке-спектакле «Морозко». «Мне-то тепло. А вот Толечке, наверное, очень холодно под землей», — подумала я и подумала, что ему сейчас, наверное, не до меня. И у меня не получится контакта с ним. Но не уходить же мне отсюда, если я пришла сюда. Я стала передавать Толе приветы и поклоны от всех его друзей, стала рассказывать ему приятные литературные новости, говорить, что и где напечатано о нём и поздравлять его с этим, и сказала, что уже собрала почти все материалы для книги о нём и для «Эловой арфы», и стала говорить с ним по душам о том, что касается только его и меня... И почувствовала свой контакт с ним, контакт его души с моей душой, и у меня душа стала согреваться на морозе, как, наверное, и у него, и мне стало тепло, как, наверное, и ему, и я стала оттаивать, как Снегурочка, и у меня из глаз полились горячие слёзы, в три ручья...

6.

...Толстый, упитанный рыжий «котяра» с круглыми полосатыми боками появился на тропинке между оградками могил и оторопел, не ожидая увидеть и увидев меня, и, пытливо покосившись на меня жёлтым глазом (мол, а это кто еще здесь?) и стеснительно нагнув свою голову, побежал в сторону контейнера с отходами. Этот кот кормится

при кладбище. Нашёл себе «хлебное» место (как кот у теста) и считает территорию кладбища своей. Я кинула ему кусочек сосиски...

7.

...Я пробыла в «гостях» у Толи целый час. Потом стала прощаться с ним. Положила свою левую руку, ладонью вниз, на его могилку, на место около таблички с его фамилией и около коричневого камыша на стебле, воткнутого в землю и торчащего оттуда, и подержала там свою ладонь минутки две или три, обмениваясь с духом Толи своей тепловой энергией, и глиняная сухая земля под моей ладонью, твёрдая, как кирпич, и холодная, как кусок льда из морозилки, сделалась мягкой, тёплой и влажноватой.

Я сказала незримому Толе, что я его люблю и что я в декабре опять приду к нему, и всегда буду навещать его, чтобы он не чувствовал себя одиноко, и что я никогда не брошу его и всегда буду с ним, где бы я ни была. Потом я окинула глазами его участочек и место около его могилки, и подумала словами песни Расула Гамзатова: «Быть может, это место для меня...». И пошла к автобусу той же дорогой, которой пришла на кладбище. А когда проезжала на автобусе мимо горы, за которой стоит Толин дом, где теперь живёт его сын со своей семьёй, перекрестила гору и себя троеперстием.

3.12.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

МЫ ПОМИНАЛИ ТОЛЮ ШАМАРДИНА ГЛИНТВЕЙНОМ И КЛЮВЕННЫМ КИСЕЛЁМ

После литературного вечера в «Библио-глобусе», на котором выступали молодые поэты Владимир Коркунов, Мария Малиновская, Борис Кутенков, а с ними и поэты менее молодого и более старшего поколения, в том числе и я, и который вела Лола Звонарёва (1 декабря 2014 года), Лола предложила мне посидеть в компании с ней и нашими друзьями, тоже участниками вечера, с поэтами Гришей Певцовым и Сашей Кувакиным, в кафе «Му-му», которое находится рядом с «Библио-глобусом»:

— Посидим там, помянем Толю Шамардина...

И мы пошли туда. И посидели там, и помянули Толю. Выпили за него, не чокаясь, Гриша и Саша по фужеру глинтвейна, а мы с Лолой по стакану клюквенного киселю.

Наши диалоги за столом в кафе «Му-му» (некоторые из них).

Лола Звонарёва со товарищи:

— Толя Шамардин был очень нежный человек, нежнейший, с очень нежной душой... Он был слишком нежный для этого грубого мира...

Нина Краснова:

— Но в то же время Толя был очень выносливый, и никогда не ныл, умел всё воспринимать легко и весело, даже и всё самое тяжелое, что ему приходилось испытывать в жизни.

И вообще он был внутренне очень сильный человек, с очень сильным внутренним стержнем. Толя был мягкий по характеру человек, но его нельзя было сломить и сломать. Заставить делать то, чего он не хочет... или заставить петь то, чего он не хочет. Когда он работал в московском японском ресторане «Саппоро», посетители ресторана, крутые ребята, из бандитов, подходили к нему и просили его спеть что-то блатное, например, «Мурку». А он любезно говорил им: «Ребята! Я это не пою. Это не мой репертуар. Я пою голосовые песни, в стиле бельканто». Они говорили: «Мы заплатим тебе большие деньги, только спой то, что мы хотим...» — Иногда даже и нож к горлу Толе приставляли. А он с улыбкой говорил: «Ребята, я это не пою. Вот вам караоке, пойте сами, если хотите...» Точно так же его нельзя было заставить петь советские гражданские, ура-патриотические песни, потому что его душа не принимала их, он считал, что они порождают в человеке агрессивные чувства и желание взять палку и идти кого-то убивать, какого-то врага, который будто бы сидит под каждым кустом и собирается напасть на нас. Он был не воинственный человек и считал гражданскими, патриотическими песнями те, которые вызывают в человеке добрые чувства, например, он считал гражданской песню «Пряха» или свою песню на мои стихи «Сон под пятницу», с русским колоритом, или «Я не пью и не курю», то есть песни о чем-то хорошем, о чем-то красивом, которые вызывают в душе человека трогательные чувства и не любовую любовь к своей стране, а любовь с тонкими нюансами, через любовь к милой русской девушке, в белом платице, «с вышивкой по рукавам»... к такой девушке, которая не пьёт и не курит...

...Толя, которому не хватало сцены и у которого было очень мало платных концертов, все они были у него в основном благотворительные, всю жизнь (очень долгое время) выступал в ресторанах... чтобы заработать себе на хлеб насущный. И легко мог бы спиться, как спились многие певцы и музыканты, которые работали в ресторанах. Он даже и от горя мог бы спиться, оттого, что он — при своем уникальном таланте, при своем божественном даре, которому он знал цену, — был совершенно не раскручен и потому неизвестен широкой публике... Но не спился и не скурился. Толя был нравственно очень сильный человек.

Он и физически был очень крепкий... Он таскал на себе свою аппаратуру, тяжеленные колонки... когда ехал выступать куда-то. Ему ничего не стоило поднять тележку в десять килограммов одним пальцем... Он был худощавый, но семижильный...

Лола Звонарёва со товарищи:

— Сколько ему было лет?

Нина Краснова:

— 76.

Лола Звонарёва со товарищи:

— Он выглядел намного моложе... Он был человек без возраста...

Нина Краснова:

— Он не чувствовал своего возраста. Потому и побежал за автобусом, когда забыл там свой мобильник. И бежал за ним до конечной остановки, до станции... много километров... Толя был очень легкий на ногу и очень быстро бегал, как олимпийский грек. Ему ничего не стоило пробежать 10 километров, например, от Таганки до Перова, до моего дома, до меня, если метро уже закрылось, а троллейбусы и автобусы не ходили... Но одно дело бежать налегке, а другое — с гружёной тележкой по жаре... Он же собирался приехать ко мне щи варить, и вёз мне картошку ко щам и продукты к столу...

А по дороге решил заехать к своему сыну... отдать ему кассеты со своими записями для отцифровки... И доехал до него и вышел из автобуса и вспомнил, что забыл там свой мобильник, и погнался... с гружёной тележкой, по жаре... на автобусом и за мобильником... Тележка была не тяжёлая по сравнению с теми, какие он мог поднять, но он же бежал с нею по жаре, несколько километров... И потом сел на такси и догнал автобус и нашёл там свой телефон... И...

Гриша Певцов и Саша Кувакин:

— У него поднялось давление...

Нина Краснова:

— И ему не хватило дыхания...

Саша Кувакин:

— Он побежал за мобильником, за автобусом на автопилоте, не подумал, к чему это может привести... Тонут чаще всего люди, которые умеют плавать. Кто не умеет плавать, тот не поплывёт через реку... Так и тут... кто не умеет бегать, не побежит за автобусом до конечной станции...

Нина Краснова:

— Он побежал за автобусом, как ребёнок, который захотел догнать игрушку, которую от него увозят... В этом сказалась его детская натура... Он был чист и наивен, как ребёнок.

У него была труднейшая жизнь, но никакая грязь к нему не пристала, и он остался чистым, как ребёнок. И душа у него чистая.

Мы с Лолой и Гришей вспомнили, как Толя выступал на родине моей матушки в Солотче, в Мещёре, в сосновом бору, на детском фестивале «Начало», и в Булгаковском доме... как пел песни и какой имел успех у всех, кто его слышал!

Лола и Гриша рассказали, как они оба последний раз виделись с Толей Шамардиным... в марте или апреле 2014 года:

— Мы шли в ЦДЛ, а Толя уже побыл там и уходил оттуда, и мы встретились в дверях...

И он горячо и радостно обнял Лолу и обнял Гришу и сказал на бегу, или на лету:

— Мы редко встречаемся! Нам надо чаще встречаться!

— Конечно!

А через месяц или через два он, Божья птичка, улетел в Царствие Небесное.

Там теперь мы когда-нибудь, когда придёт время, и встретимся все, если удостоимся и сподобимся попасть туда.

3 декабря 2014 г.,

Москва

P.S. 27.01.2015.

На конференции (19 декабря 2014 г.), где я выступала с докладом на тему: «Диалог поэзии и музыки (на опыте творчества Анатолия Шардина), Гриша Певцов спросил меня:

— Ну как ты (живёшь без Толи? ещё не пришла в себя?)

— Я всё думаю и думаю о Толе. И о том, как глупо и нелепо он ушёл из жизни... Из-за какого-то пустяка. Надо было Толе в тот день бежать за автобусом, в котором он забыл свой мобильник? Бог бы с ним, с этим мобильником... Толя всегда жалел Николая Караченцова, говорил: «Ну надо ему было лететь на машине, с самой высокой скоростью, к мёртвой теще, которую уже нельзя было спасти? Надо было ему лететь к ней на машине во весь опор, чтобы попасть в аварию и перекалечиться? Это было неразумно с его стороны...». А если бы Толя сейчас воскрес и поднялся, я сказала бы ему: «Толечка, ты говорил, что Караченцову не надо было лететь на машине к своей мёртвой теще... что он поступил неразумно. А сам ты поступил ещё неразумнее. Надо тебе было бежать за автобусом, чтобы вернуть себе свой мобильник, который ты забыл в автобусе?»

— Дело не в мобильнике... — загадочно сказал Гриша Певцов. — Толя ушёл не глупо и не нелепо...

— Это было предрешено высшими силами там, на небесах?

— ...Просто пришла его пора. Так должно было случиться. Его что-то мучило. Он мог никому не говорить об этом и держать это в себе, мог улыбаться, но его что-то очень мучило. У каждого человека, когда его что-то очень мучает, в конце концов наступает переломная пора, когда он или преодолевает это в себе, находит в себе силы для этого, и тогда он живёт дальше, или когда он уже не может преодолеть это в себе, у него не хватает сил, и он уже не может жить с этим дальше, и тогда он умирает, уходит из этого мира в мир иной, где его уже не будет мучить то, что мучило здесь.

— А поводом для этого может послужить любой пустяк?

— Да.

30–31.12.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

В «ГОСТЯХ» У АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА ПЕРЕД НОВЫМ ГОДОМ

1.

Перед Новым годом, 29 декабря, я решила навестить Толю Шамардина на Новосходненском кладбище, где он покоится с 30 апреля этого года, и отнести ему еловую веточку, хвойную лапу на могилку, в честь наступающего Нового года. Решила я всё это спонтанно, не готовясь к этому заранее, просто встала утром, положила в свою сумку мандаринчик, пастилу с вкраплёнными туда кусочками мармелада, и несколько конфеток для Толи (черносливы в шоколаде и карамельки «Жу-Жу»), в пакетике, праздничный гостинчик, и поехала на «Речной вокзал», откуда всегда езжу к Толе на 370-м автобусе. А по дороге из дома и уже в самом метро я думала: а где же я возьму еловую веточку? Кто-то сказал мне, что её можно взять на ёлочном базаре, но не тратить же мне целый день на то, чтобы найти этот базар, а на нём еловую веточку.

«Хорошо бы мне попалась на улице какая-нибудь ёлочка, от которой можно отломить веточку ...» — подумала я. Или не отломить, а отрезать ножом, который я на всякий случай взяла с собой.

Выхожу я из метро, вижу около магазина «Перекрёсток», в углу, высокую искусственную ёлку с шарами и гирляндами на ней. Думаю: не отрезать ли мне от неё кусок ветки. Но нет, подумала я, жалко портить такую красивую ёлку с пропорциональными конусными формами (и что же будет, если каждый прохожий будет что-то отрезать себе от неё?)... к тому же она искусственная, а я хочу привезти Толе живую ветку от живой ёлки. Смотрю, около дверей магазина стоят в кадучках низенькие лиственницы, или туи? Думаю: не отрезать ли мне кусок ветки от одной из этих лиственниц-туй? Вдруг мне больше ничего не попадётся по дороге на автобус и на кладбище? Но нет, подумала я, жалко портить эти декоративные деревца, к тому же они искусственные... нет, не буду я заниматься вандализмом, хотя они какие-то общипанные и поникшие (наверное, кто-то уже что-то отрезал себе от них).

Иду дальше, по тротуару, к остановке 370-го автобуса... и вдруг... что я вижу? Около железного бордюра, на тротуаре — целый ряд нату-

ральных живых ёлок, «из леса, вестимо», которые словно сам Господь Бог или сам Толя для меня выставил, как вознаграждение за то, что я не поддаюсь искушению дьявола и не воспользовалась своим ножом и не посягнула на общественные символы Нового года!.. Вот за это тебе и вознаграждение! Ну и чудеса! Маленький ёлочный базар по дороге к моему автобусу! Все ёлки обмотаны верёвками (не распакованы)... Я подняла с асфальта маленькую хвойную веточку, которая лежала там, как перо зелёной Жар-птицы... Это уже что-то! Есть мне, с чем идти к Толе! Смотрю, парень-продавец, в синей теплой курточке, курит сигарету, облокотившись на бордюр, и смотрит на меня вопросительно-приветливо: мол, Вам нравятся мои ёлочки? Толя, противник курения и активный пропагандист здорового образа жизни, сказал бы этому курильщику, что курить вредно, и прочитал бы ему свою лекцию на эту тему. А я подошла к нему и сказала:

— Здравствуйте! Нет ли у Вас веточки? На могилку моего друга, к которому я еду?

Парень, казалось, только и ждал этого и только для этого и выставил свой товар около бордюра... Тут же отломил мне от ёлки, которая была к нему ближе всех, несколько хороших веток и протянул мне. И не жалко ему было «портить» свой товар! И не спросил у меня ни рубля, хотя я на всякий случай держала в кармане 100 рублей...

— Спасибо! — сказала я от души. — Дай Бог Вам всего самого лучшего и в старом, и в новом году! И дай Вам Бог скорее продать все Ваши ёлочки!

2.

«Теперь хорошо бы мне не ждать автобуса, когда он придёт (через час или через два, по расписанию, которого я не знаю), а прийти на остановку и прямо сесть в автобус... Хорошо, чтобы он уже стоял на остановке. Чтобы мне приехать к Толе до 12-ти часов дня и пообщаться там с ним, с его душой», — подумала я. Считается, что душа каждого жителя потустороннего мира витает на кладбище до 12-ти часов дня.

...Прихожу я с хвойным букетом веточек в руке на остановку 370-го автобуса. И что я вижу? Автобус стоит на остановке и ждёт меня! Как если бы я заказала его через трансагентство. «Это сам Господь Бог позаботился обо мне, и Толя, которого Бог любит, и подогнал автобус

к остановке в нужное мне время...» — подумала я. Спасибо Тебе, Господи! И спасибо тебе, Толя!

Погодку они тоже сделали специально для меня и послали мне такую, какую я зимой люблю: такую, как в стихах Пушкина, с «морозом и солнцем» и с рассыпчатым белым снегом, который покрыл собою всю Москву и всё Подмосковье, всё обозримое и необозримое пространство, и превратил и Москву и Подмосковье в белое волшебное Царство, с «голубыми небесами», под которыми «великолепными коврами, блестя на солнце, снег лежит».

На улице было, если верить висящему у кабинки водителя табло со светящейся бегущей строкой, минус 7 градусов (но мне кажется, больше), а в автобусе плюс 12.

3.

...«Ашан»... «Леруа Мерлен»... Новые Химки с плакатом «Я люблю Химки»... дальше — деревенские пейзажи, деревенские домики, традиционные избы, деревенские дворы с палисадниками и заборами... Филино... Ресторан «У Филина» (замок в средневековом стиле, с башенками и стенами из разноразмерных неотёсанных камней)... Молгожанинский рынок... Подрезково... Блошиный рынок... Усково с горой, за которой находятся розовые дома эконом-класса, и среди них Толин дом с квартиркой на третьем этаже... дальше — Сходня с продуктовыми палатками и с вкусными лепешками и самсой, испечёнными на тандыре, по азиатским рецептам)... дальше — улица с моргом, откуда Толю везли на Новосходненское кладбище... дальше — улица Чапаева с танком на постаменте и с тачанкой на постаменте... дальше — Саврасово... и конечная остановка Велтон-парк с суперновой архитектурой, с разноцветными домами европейского типа и с территорией, вымощенной цветными плитками...

Дальше... дорога к Новосходненскому кладбищу, до которого идти пешком минут пятнадцать...

4.

На этот раз я шла туда не по дороге, по которой довольно опасно идти, потому что там нет тротуаров, и по которой бесперебойно снуют машины, а по тропе, которая протоптана людьми метрах в пяти

от дороги, параллельно ей, вдоль лесополосы... Там и летом, и зимой ходить хорошо, дышать не бензинными выхлопами, а чистым кислородом...

По пути мне попались между берёз хвойные деревья, высоченные ели... С одной из них, до ветвей которой я смогла дотянуться, я отломала две пушистые ветки. И пришла к Толе не с одним, а с двумя хвойными букетами.

5.

На территории кладбища, где, как правило, почти не бывает машин, на этот раз, около часовни было, как никогда, много легковушек.

— Почему тут сегодня так много машин, — поинтересовалась я у одной из женщин в чёрном, впрочем, догадываясь, почему.

— Сегодня здесь похороны... Сегодня здесь человека хоронят...

Понятно, что какого-то не бедного человека, если из машин, на которых родные и близкие этого Раба Божьего приехали на кладбище, возник целый автопарк.

— А часовня открыта? Туда можно зайти?

— Там сейчас отпевают (покойника)... Потом будут опять отпевать (другого покойника)... В воскресенье нельзя никого хоронить, а сегодня, в понедельник, можно...

Я не стала заходить в часовню, а пошла прямо к Толе. По пути к нему, около контейнера с мусором, увидела свежерытую рыжую глиняную яму... для покойника, которого сейчас отпевают в часовне...

Кто-то не ожидал, что умрёт перед самым Новым годом и встретит Новый год в могиле...

6.

Я прихватила с собой из дома коробок со спичками и тонкую свечечку. И первым делом вставила её в красную лампадку в форме бочонка с крышечкой. Свечка оказалась великовата, высывалась оттуда, и я зажгла её и сделала вокруг неё цилиндрическую стеночку из своих ладоней, чтобы ветерок не погасил огонь, и ждала, когда свечка уменьшится и можно будет закрыть лампадку крышечкой. Огонь свечки горел ровным пламенем и согревал мои ладони, как если бы это была Толина душа. Мне и казалось, что это светится и горит и греет меня его душа и что я держу в руках его душу в материальной оболочке красной

лампадки. И я разговаривала с ним... с его душой... Потом поставила лампадку в нишу между венками.

7.

Толина могилка вся была засыпана снегом, и мне казалось, что Толя лежит и спит под этим снегом, как под белым ватным одеялом с белым пододеяльником, укутавшись в него с головой...

Две розовые пластмассовые ромашки, на головках-венчиках у которых были высокие наслоения снега, похожие на белые северокавказские папахи, стали кланяться мне. Другие цветочки на могилке не кланялись, вросли в снег, а эти кланялись и трепетали на ветерке (которого, между прочим, не было!). Я окинула глазами соседние могилки, оттуда никакие цветы мне тоже не кланялись. А две розовые Толины ромашки в папахах из снега кланялись мне, словно по какому-то велению его души, как живые существа.

8.

Я слегка разгребла от снега могилку, стряхнула снег с цветочков на ней... и с креста в ногах у Толи... И поставила по бокам от жестяной таблички с надписью «Анатолий Викторович Шамордин» (и с опиской в фамилии) по букету хвойных веточек.

Моя, а теперь и наша с Толей подруга по фейсбуку Галина Йонаш из Санкт-Петербурга, которая обожает голос и песни Толи и танцует под них у себя дома, когда слушает их, узнала из фейсбука, что я собираюсь идти к Толе, и передать ему приветы от его друзей, в том числе и от фейсбукцев, попросила меня передать ему ещё и поцелуй через хвойную веточку. Поэтому я поцеловала теплыми поцелуями каждую веточку — и за Галю Йонаш, и за себя, и за всех наших друзей — и передала Толе вместе с веточками и эти поцелуи.

9.

Около свежевырытой ямы, которая попалась мне на пути к Толе, собрался народ в чёрных одеяниях, и послышался пронзительный женский плач с причитаниями на нерусском языке, похожими на мусульманскую молитву... Из ритуального автобуса выплыл красный гроб, и гробовщики опустили его на белых вожжах в яму и быстро-быстро закопали... И поставили на новой могиле деревянный крест и вен-

ки... И минут через тридцать около могилы уже никого не было, как и не было... всех словно сдуло ветром времени и унесло стихией... все уехали... на поминки. А на месте ямы появился высокий комкастый холм... с портретом белокурой девушки (она и была одним из двух покойников, которых отпевали в часовне Новосходненского кладбища). Пусть жёсткая глиняная земля Новосходненского кладбища станет ей пухом!

10.

Я пробыла «в гостях» у Толи на его участочке два часа. Поговорила с ним по душам, рассказала ему, что нового — особенно что нового, касающегося его, произошло за последний месяц, какие хорошие события, и где что я напечатала о нём. Сказала, что я выступала в Переделкинском литературном Гараже у Аллы Рахманиной и рассказывала там всем о Русском Орфее Толе Шамардине и читала свои стихи о нём из своего двухтомника «Тайна», и крутила его песни, от которых все были в восторге, и что я выступала на межрегиональной межвузовской конференции с докладом «Диалог музыки и современной поэзии: творческий опыт композитора Анатолия Шамардина», и там тоже рассказывала всем о Толе и читала свои стихи о нем и крутила его песни, и делаю это на всех вечерах, на которых мне приходится бывать и выступать, и что я уже собрала для альманаха, посвящённого ему, очень много материалов и до 11 января, до дня рождения Толи и до Старого Нового года, постараюсь смонтировать номер и сдать в «Вест-Консалтинг» Жене Степанову и Володе Коркунову на вёрстку. И передала ему приветы от всех авторов альманаха, и от «Юности», и от «Независимой газеты», и от «Литературной газеты», и от «Детей Ра» в лице конкретных представителей этих газет и журналов, Толиных и наших с ним друзей. И сказала Толе, что я люблю его. И сказала, что я как раньше, так и теперь хожу на все литературные вечера с ним вдвоём, то есть с его голосом и песнями на дисках, которые я кручу на вечерах, и что они звучат и в фейсбуке, и что у него прибавляется число поклонников и поклонниц, которые обожают его и которые недоумевают, почему они не слышали его раньше и почему песнопевца с таким божественным голосом и с таким неповторимо прекрасным искусством пения не знает широкая публика, не знает вся страна. И что я недавно (по инициативе Лолы Звонарёвой) делала на конференции доклад и нём, «Диалог музыки

и поэзии: на творческом опыте Анатолия Шамардина», и там тоже крутила его песни — «Вишенья, орешенья» и «Сон под пятницу», от которых все просто обалдели. И ещё я сказала Толе, что я буду встречать Новый год с ним, как встречала и раньше, в течение двадцати лет, и с его песнями. И пожелала Толе Царствия Небесного и всего самого лучшего, чего он не получил или недополучил в Царствии земном при своей земной жизни. И положила ему на могилку, на снег свои гостинчики — пастилу, несколько конфеток, и мандаринчик. А на венки повесила зеленую гирлянду из блестящей мишуры.

11.

...С Новосходненского кладбища я поехала в церковь Троиручицы (на Болгарское подворье около Таганки) и заказала там (уже в который раз за восемь месяцев) сорокоуст о упокоении души Анатолия... а в церкви Всех Святых на Китай-городе я заказала ему ещё в мае поминанье на целый год.

КОММЕНТАРИИ фейсуковцев:

Галине Йонаш, Андрею Патаракину, Ангелине Яковлевна Матвейчук, Вячеславу Никонovichу, Идиллии Фомичёвой, Галине Йонаш и 66 другим это нравится.

Ольга Заброцкая: Ниночка, как же вам плохо. Крепитесь, дорогая.

Нина Краснова: Спасибо, Оленька! Храни Вас Бог! Вас и Ваших родных и близких! Радостей Вам в новом году, и как можно больше!

Сергей Тарасов: Со слезами на глазах я читал это повествование. Наверное, его надо включить в книгу. Нина, думаю, ему было и будет очень приятно, что о нём так заботится и думает такая женщина.

Нина Краснова: Серёжечка, трепетная душа! Спасибо тебе за твои слёзы и за твои мысли о нас с Толей... А своё повествование я, конечно же, включу в книгу.

Сергей Тарасов: Вот вроде я мужчина и не слабый, а плачу всегда когда такое читаю или слышу красивые песни или патриотические.

Нина Краснова: Серёжа, ты очень хороший человек с очень чувствительной и отзывчивой душой!

Сергей Тарасов: Спасибо Нина. Я стараюсь таким быть...

Сергей Тарасов (о могилке Анатолия Шамардина на фотографии): Молодец, Нина! Очень уютная могилка, в красивом месте. Теперь и у него Новый год.

Нина Краснова: Да, Серёжа...

Татьяна Кириличева: Ниночка! Милая, родная моя! А я не добралась в этой суете, туда, где покоится моя любовь... Плачу...

Нина Краснова: Танечка милая, главное — что ты душой с ним... Я тоже плачу. Поплачем вместе, на плече друг у друга...

Татьяна Кириличева: Спасибо, Ниночка! Душа моя родная!

Сергей Тарасов: Да, помянем всех, кто ушёл от нас в этом году и раньше. Они нас не забыли, и мы их будем вспоминать светло и по-доброму. А плакать не надо, им там хорошо, и они не любят, когда мы плачем. Просто вспоминайте

Нина Краснова: Не плакать не получается, Серёжа. (((

Александр Титков: Царствие небесное р.б. Анатолию. Прочел вашу историю — вы вернули мне веру в людей. Спасибо.

Наталья Ахпашева: Дорогая Нина, пусть у тебя всегда будет светло на душе! радости тебе, дорогая подруга!

Людмила Щипахина: Нина — светлая душа...

Нина Краснова: Дорогая Людмила Щипахина! Храни Вас Бог и все силы небесные! Радостей Вамм в уходящем старом году и в наступающем новом, и — стихов, конечно, в Золотой фонд нашей литературы!

Сергей Тарасов: Ну, тогда, Нина, пусть эти слёзы будут слезами светлыми и не горькими, потому что он же ведь не умер, а просто живёт сейчас красивом месте, там ему птички поют, а он подпевает им.

Нина Краснова: Серёженька, какая же добрая, чистая и светлая у тебя душа! И какие проникновенные слова ты умеешь находить, чтобы утешить человека... Конечно, Толя не умер, просто живёт в другом мире, где ему сейчас хорошо и где он поёт песни вместе с птичками и ангелами!

Нина Краснова: Александр Титков! Спасибо Вам за Ваш комментарий, очень нужный моей душе! Желая Вам хороших людей вокруг Вас, на всех Ваших путях!

Сергей Тарасов: Вот поэтому всплакни, но плакать не надо, ему больно знать, что тебе плохо.

Нина Краснова: Слушаюсь тебя, дорогой Серёжа!)))

Нина Краснова: Ангелина, Ангел! Спасибо за горящие свечечки и за свиток с письмом от Ангела, утешающего меня! (Ангелина прислала Нине в фейсбук картинку с горящими свечечками и с письмом от Ангела.)

Нина Краснова: С Новым годом Вас, Ангелина! Да хранит Вас Бог и все святые!

Ангелина Яковлевна Матвейчук: И Вас Ниночка! Я всегда читаю все, что Вы пишете о Вашем друге. Какой ЧЕЛОВЕК ушёл. И как его не оценили. Обидно!

Сергей Тарасов: Да, достойнейший был человек! Я, к сожалению, не имел чести знать его лично, но из Нининых публикаций как будто 100 лет с ним знаком был.

Клавдия Лунина: Ох ты, моя милая, Ниночка, преданная рязанская русская душа! Как же ты хорошо и талантливо нам написала о посещении могилки Анатолия накануне Нового года! Молодец, Ниночка! И Анатолий по всем приметам приветствовал тебя! И слава Богу! И опять совпадение с тобой, Ниночка! Я сплю всегда вместе с иконкой на дереве — Треручицей! У меня сильно болела рука, и мне посоветовали эту икону, я молилась ей, и у меня всё прошло! Теперь я всё время ей молюсь, когда заболео!

Сергей Тарасов: Да, Нина действительно талант от Бога. Я представляю сколько слёз она при этом пролила.

Тамара Литвинова: Он счастлив, что есть кому молиться за него! Живи долго, Ниночка! Здоровья тебе на долгие годы!

Ингрид Лансере: Будем за него молиться.

Нина Краснова: Молитесь за Толю Шамардина, дорогая Ингрид! Молитесь за него, мои дорогие друзья-фейсбукеры!!!

Нина Краснова: Всех Вас, мои дорогие, я поздравляю с Новым годом и желаю, чтобы он был счастливым для всех Вас и для каждого в отдельности!!!

Сергей Тарасов: Нина, ты только держись, не унывай. Жизнь продолжается, и жить прошлым тоже неправильно. Поэтому твоя книга призвана стать шагом в будущее. Она как бы станет начальным этапом тех дел, которые надо посвятить этому прекрасному человеку, книга, диски, концерты. А дальше жить и работать, чтоб уныние тебя не завлекало в сети.

Нина Краснова: Спасибо тебе, Серёжа! Толя был оптимистом! И я тоже оптимистка! Мне есть чем и во имя чего жить. Поэтому будем жить дальше! С наступившим Новым годом тебя!

Нина Краснова: Всех с наступившим Новым годом!

Сергей Тарасов: Просто Нина мне не понравились некоторые нотки трагизма в твоих сообщениях, мне показалось, что ты в лёгкой депрессии.

Нина Краснова: Эти нотки есть, Серёжа. Но я знаю, что уныние грех, и не буду предаваться унынию.

Галина Йонаш: Какой чудесный, трогательный рассказ получился! Такой же, как вы с Толей! А я в то самое время, шла по улице, высматривая веточки, зачем-то, потом, вдруг, взглянула на небо, там пролетела чайка, и я поняла, что Нина — на месте, добралась!.. Представляю, как Толя смеялся, наблюдая дЕвицу Нину с ножом в кармане!..

Нина Краснова: Галечка! Я рада, что ты прочитала всё, что я написала,

и на всё прореагировала так, как я и ожидала и как мне того хотелось! А я прочитала всё, что написала ты, и посмеялась над образом Нины с ножом в кармане и увидела чайку в санкт-петербургском небе, которая передала тебе привет от меня и от нас с Толей, и передаю тебе приветы от нас с Толей, через ответные поцелуи.

Галина Йонаш: Ниночка, я всегда читаю то, что идет от сердца! <

Нина Краснова: Галечка! Ты была со мной и с нами, когда я была в «гостях» у Толи. Ты поняла это?

Галина Йонаш: Конечно! Спасибо за привет и поцелуй для Толи!)

Элла Храмова: Ниночка! Вы замечательная, со светлой душой. Пусть новый год принесёт Вам много радости, вдохновения и новых успехов во всём.

Нина Краснова: Эллочка, спасибо Вам! С Новым годом Вас! Всего Вам светлого, доброго, хорошего! Храни Бог Вас и дорогих Вам людей!

Галина Богапеко: Нинуля, какой интересный реалистический живой рассказ! Сколько в нём души! С Новым годом моя дорогая Ниночка! Пусть сбудется всё желаемое тобой! Здоровья, радости, благополучия, творческих успехов! Обнимаю!

Идилия Фомичёва: Ниночка! Спасибо за прекрасную информацию. Как прекрасно что Вы навещаете могилку Анатолия и он Вас ждёт. Он всегда Вам помогает добраться до него. Мне так нравится, как Вы прекрасно всё об этом описываете. Читаешь с большим удовольствием. Спасибо Вам.

Лариса Львова: Дорогая Нина, с наступающим Новым годом! Радоваться у Вас не получится, но я — понимая, ЧТО у Вас на душе — желаю Вам хотя бы на время отвлечься. Спасибо, что он был. Спасибо, что он был с Вами. Увы, не всё в нашей воле... Здоровья Вам! Пусть будут счастливы все люди, которых Вы любите. 31.12.14.

8.01.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

НОВЫЙ ГОД В «ЮНОСТИ» С ПЕСНЯМИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

30 декабря я забежала в родную мне редакцию журнала «Юность», на «посиделки», чтобы поздравить «Юность» с наступающим Новым годом. Пришла я уже почти под самый конец, когда кое-кто уже уехал

домой, но «горница» была ещё полна людей, как в поговорке «без окон, без дверей полна горница людей».

— Нина! Ты принесла песни Шамардина? — в один голос, дуэтом спросили меня Валерий Дударев и Игорь Михайлов.

— А как же? — я везде и всюду хожу с его песнями. Как раньше везде и всюду ходила с Толей, так и теперь хожу с ним. Только раньше я ходила с ним самим, а теперь с его дисками.

— Тогда произноси тост и заводи песни Шамардина.

Я начала произносить тост за здоровье живых сотрудников и авторов и всех друзей «Юности», а кончила за упокой ушедших в «мир иной», за поэтессу Татьяну Шведовскую и за нашу певчую птичку — за Толю Шамардина. Игорь Рутковский вставил диск Толи в проигрыватель, и Толя запел песню «Вишенья, орешенья» на стихи Виктора Бокова.

— Эту песню Толя записал с оркестром народных инструментов Федосеева в 1980 году, проинформировала я присутствующих. — Пожалуйста молодой голос Анатолия Шамардина...

Вишенья, орешенья,
Яблони цвели.
Мы с тобою рядышком
По тропинке шли...

...

Ой, тяжело мне слушать Толю, зная, что от него теперь остался только его голос на дисках...

— Какое у Толи бельканто! Он — единственный из всех певцов во всей России, кто владеет искусством бельканто, — весь млея от удовольствия, сказал Игорь Михайлов, специалист в области этого искусства и в разных других видах искусства, а не только в литературе.

— Толя все песни на всех языках пел в стиле бельканто. И на немецком языке, и на греческом, и на русском... И даже на японском... Но на каждом языке у него получалось своё особое бельканто... — уточнила я. — Когда Тамара Жирмунская, которая уже больше пятнадцати лет живёт в Германии, услышала песни Толи на немецком языке, она сказала и написала в фейсбуке: немецкий язык всегда казался мне грубым, и у меня никогда не лежала к нему душа, и я даже выучить его не могла, а когда я услышала песни на немецком в исполнении Толи,

я ощутила, какой красивый этот язык, и полюбила немецкий благодаря Толе...

Тут «юностиевцы» стали наперебой вспоминать Толю Шамардина и поминать его каждый своими добрыми словами. Валера Дударев вспомнил вечное Толино приветствие, с которым Толя обращался ко всем и каждому из своих друзей-товарищей, когда встречался с ними: «Оччень рад!» — и которое Толя всегда произносил весело и артистично (то есть — я очень тебе рад! я очень вам рад!):

— Когда мы ездили в Ярославль на Некрасовский праздник, Толя достался в гостинице номер на двоих с Ярославом Литвиненко (поэтом и членом редколлегии). Ярослав приехал из Москвы в гостиницу позже всех, глубокой ночью, и тихонько открыл дверь в номер ключом. А Толя спал очень чутко. И, едва только Ярослав на цыпочках вошёл в номер, как услышал из угла и из темноты Толин голос, Толино приветствие: ««Оччень рад!» — Ярослав не ожидал, что ему кто-то будет так рад ночью, в его номере, когда вся гостиница уже спит, и всегда рассказывал об этом случае со смехом.

Мы выпили за Толю кто что — кто водку, кто вино, кто сок, кто минеральную воду. И потом весь вечер в «Юности» звучали его песни, а диск с цветным Толиным портретом лежал на столе около проигрывателя и около искусственной мини-ёлочки и около двух зажжённых свечей.

И в зале ощущался эффект почти физического присутствия Анатолия Шамардина, а не только его золотого голоса.

1.01.2015. (Из фейсбука Нины Красновой)

НОВЫЙ ГОД «НАЕДИНЕ» НЕ «С РЮМКОЙ САКЭ»

Когда я переехала из Рязани в Москву, а это была самая тяжёлая пора моей жизни (совпавшая с тяжёлым периодом всей страны и с либерализацией цен), когда я не знала, как мне жить дальше, 1993 год, Бог послал мне Ангела-хранителя, Ангела-спасителя — певца и композитора Толю Шамардина, с которым мы пятью годами раньше познакомились в Москве, в 1988 году, в Доме культуры газеты «Известия», на вечере нашего друга и учителя Виктора Бокова, Толя пел там свои

песни на стихи Бокова, а я произносила десятиминутную речь о поэзии Бокова и читала стихи, посвящённые мэтру.

Я была в коричневых сапожках (до середины голеней) на высоких тонких каблуках, в синей, из искусственного бархата, миди-юбке, и в такой же жакеточке с рюшками и воланами, в наряде рязанской шацкой экспериментальной фабрики, с пушистыми распущенными волосами, подвитыми на термобигудях, и с красными бусами на шее. Толя увидел меня и воскликнул:

— Ой, какая очаровашка! Вы артистка (из ансамбля песни и пляски)?

— Нет, я поэтесса, ученица Бокова. Из Рязани.

— Я напишу песни на Ваши стихи, и мы будем петь их, взявшись за руки! Подарите мне вашу книжку.

— У меня её с собой нет. Я могу прислать Вам её из Рязани, по почте.

Мы обменялись с ним адресами, и я прислала ему «Такие красные цветы» (М., «Молодая гвардия», 1984). И он тут же написал песню на одно из стихотворений этой книжки — «Вечер в клубе», и стал петь её в своих концертах и всё хотел, чтобы и я послушала её, и посылал мне в Рязань письма и открытки, в которых докладывал, какой успех имеет эта наша песня у слушателей.

А когда я переехала в Москву, он пропел мне её по телефону и сочинил целый цикл песен на мои стихи, и все их пел мне по телефону, а потом пригласил меня в студию института культуры, чтобы я посмотрела, как он записывает свои песни в студии, и потом всё время стал приглашать меня туда, чтобы я присутствовала при этом и вдохновляла его. Там он записал при мне и «Вечер в клубе», и «Сон под пятницу», и «Я не пью и не курю», и песни на стихи Виктора Бокова, Николая Старшинова, Алима Кешокова, Владимира Карпеко, Новеллы Матвеевой, Ивана Киуру...

Толя стал моим верным другом и спутником по «кремнистому пути» жизни и творчества, и самым близким и самым родным человеком, который заменил мне всех моих родных и друзей (и всех подружек, какие у меня были) и помогал мне во всём, как и я ему, и делил со мной все мои радости и печали, как и я делила с ним его радости и печали, и утешал меня в моих несчастиях, как и я его, и наполнял мою жизнь оптимизмом, песнями и любовью, я никогда не чувствовала себя с ним одиноко, и мне никогда не было скучно с ним, а было всегда хорошо,

просто, свободно, легко и интересно.

Мы шли по дороге жизни и творчества в одном направлении 21 год.

Мы были с ним — не разлей вода. И вместе читали одни и те же книжки, и вместе обсуждали все дела и проблемы, и вместе выступали на литературных вечерах, и в Москве, и в Рязани, и в Ярославле и Карабихе, на Некрасовских праздниках, и в Олепине, во Владимирской области, на Солоухинских праздниках, и в Ереване, на днях русской культуры, и в Шадринске, на 350-летию Шадринска (и пели наши песни, взявшись за руки), и вместе ходили на «посиделки» в редакцию журнала «Юность»... и вместе возили из типографии тиражи моих книг и журнала «Наша улица» и альманаха «Эолова арфа» с нашими публикациями. И всегда и во всём поддерживали друг друга и всегда только и знай, что восхищались друг другом: я им — как певцом и композитором, и не только как певцом и композитором, а вообще, а он мной — как поэтессой, и не только как поэтессой, а вообще.

И мы всё делали вместе.

И всегда вместе встречали и Новый год и Старый Новый год (и все-все праздники). И в компаниях, и без компаний.

И только один раз я встречала Новый год без него, 1995-й. Не одна, а с его портретом. Когда Толя уехал в Германию, в Штутгарт, на гастроли.

Я тогда написала вот такие стихи:

* * *

И Новый год, и Старый Новый год
Я встретила в своём дому одна,
На ключ закрыв для посторонних вход,
Фужер печали выпила до дна.

По всем телеканалам раздавались
Мелодии весёлые и смех,
И звёзды разных видов раздевались
До трусиков и далее при всех.

Сидела я одна, с твоим портретом,
Боясь память его и повредить.
Мой домовый присутствовал при этом
И, если надо, мог бы подтвердить,

Что Новый год и Старый Новый год
Я встретила в своём доме одна,
На ключ закрыв для посторонних вход,
Фужер печали выпила до дна.

1995 г.,
Москва

...И вот теперь, ровно через 20 лет, я опять встречала Новый год одна. 2015-й. Когда Бог призвал Толю к себе на небо и Толя, чудесная, уникальная певчая птичка Золотое Горлышко, покинул этот мир и улетел не в Германию или куда-то такое ещё на гастроли, а в «мир иной», где и поёт теперь свои песни.

До-ре-ми-фа-соль-ля-си-до...

Многие мои друзья-подружки предлагали мне встретить Новый — 2015-й — год если теперь не с Толей, то с ними, и мои рязанские родные тоже, и сын Толи со своей семьёй. Но я решила встретить этот Новый год одна, то есть... «Наедине с рюмкой сакэ», как поётся в одной японской песне из репертуара Толи?.. нет, наедине не с рюмкой сакэ, а наедине с Толей, то есть со своими мыслями о нём, и с его портретом, как в моём стихотворении, и, конечно, с его песнями на дисках и кассетах... Как и в 1995-м году. Только тогда я знала, что Толя скоро вернётся в Москву, что наша с ним разлука — временная, а не вечная, а теперь я знала, что он уже никогда не вернётся, и что наша с ним разлука теперь не временная, а вечная... Впрочем, что значит — разлука, если я чувствовала и чувствую, что Толя, как и раньше, со мной, только присутствует около меня незримо... Как незримо присутствуют около меня и около нас с ним и все наши старые и новые друзья, и те, которые ушли в мир иной, и те, которые ещё не ушли туда и празднуют Новый год каждый у себя или у кого-то из своих друзей дома и которым дай Бог всего самого лучшего, а главное — здоровья всем и каждому из них и любви своих ближних....

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Татьяне Набатниковой, Ангелине Яковлевна Матвейчук, Идиллии Фомичёвой, Константину Толмачеву, Марине Арабчиковой, Дорофею Евгению и 33 другим это нравится.

Сергей Тарасов: Как же интересно, бывает же такое на свете, а потом говорят что там на небе никого нет. Может, и не на небе, но где-то есть точно, и он всё видит, и таланты соединяются потрясающие союзы

Нина Краснова: Да, дорогой Серёжа! Всё так и есть!

Идилия Фомичёва: Ниночка! Какие замечательные стихи, просто супер. Люблю читать Ваши публикации о Вас с Анатолием. Они такие замечательные, хочется всё больше узнать Вашу историю любви. Ваши стихи замечательные просто супер. Фото также прекрасное. Спасибо за чудесную публикацию!

Нина Краснова: Дорогая Идилия, с Новым годом Вас! Я рада, что у меня и у нас с Толей есть такая прекрасная читательница-почитательница, как Вы! Спасибо Вам!

Сергей Тарасов: Идилия, я тоже жду выхода книги об Анатолии. Читать, конечно, больно, до слёз переживательно. Но иначе мы и не знали бы, что такие чувства ещё возможны. Такие публикации пробуждают или рождают заново чувство человечности в душе.

Галина Йонаш: Две половинки одного чудесного слова — ДУША!!!..

Клавдия Лунина: На самом деле, Ниночка, ты встретила Новый год не одна, а с Толечкой! А то бы мы не читали этот твой великолепный, трепетный и искренний рассказ И ТВОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ о вечной любви! Поздравляю тебя, Ниночка, уже с наступившим Новым годом! Дай Бог всего тебе самого хорошего, и исполнение всех твоих желаний!

Марина Кретьова: Ниночка, родная, с Новым годом. Ты правильно сделала, что провела встречу Нового года именно так. Ты — цельная натура и в стихах, и в жизни, ты не одинока, дорогая, много людей, вот к примеру, я, держат тебя постоянно в своих мыслях, в своей памяти, словно невидимо идут рядом с тобой по жизни. А ведь мы даже не так часто видимся в жизни... вот это и есть тайна родства душ. А я тоже встретила этот НГ — одна, первый раз в жизни, и это я сама так захотела, как в твоих стихах, и не жалею. Почему-то не захотелось встречать этот год в компаниях или гостях, захотелось наедине с ... Тут каждый может представить свое сокровенное))

Нина Краснова: Мариночка, родные души всегда понимают и поймут друг друга. Ты мне — родная душа, и хотя мы редко видимся в жизни, мы всегда вместе. Пусть Бог пошлёт тебе благодать и радость...

Гоар Рштуни: И я одна встречала Новый год... Хотя нет, с Фейсбуком... Ниночка, ваш рассказ потрясает...

Нина Краснова: Вот ещё одна родная душа! Гоар, спасибо за компанию! И за такой комментарий...

Сергей Тарасов: На самом деле родных душ не так много. Даже многие родственники не являются родными душами. Так что это крайне редкое сплочение.

Нина Краснова: Ты прав, Серёжа, родства душ может не быть с родственниками, а не с родственниками может быть настоящее родство душ. Родственник может не быть твоей родной душой, а не родственник может быть твоей родной душой. Мы с Толей часто говорили об этом.

Сергей Тарасов: Я просто на личном опыте в этом убедился

Таткас Таткас: Спасибо, Нина, за стихи и за рассказ про Толю! Светлая память! Успехов и побольше радости в наступившем году!

Нина Краснова: Сейчас буду слушать песни Толечки, лёжа... как в Раю...

Галина Богापекко: А я слушала вчера! Вот так! Обнимаю!

Нина Краснова: Толечка это знает и рад этому! Обнимаю тебя, за себя и за него!

Галина Богापекко: Я мысленно обнимаю Вас!

Клавдия Лунина (прислала Нине Красновой в фейсбук икону Феофана Грека): Эта икона принадлежит кисти гениального иконописца Феофана Грека, который по происхождению был грек, как и твой, Ниночка, любимый и близкий друг, Анатолий Шамардин.

Нина Краснова: Клавочка, а Толя похож на Христа. У него такие же тонкие благородные черты лица, и лицо не круглое, а вытянутое, как, кстати, и на картинах Эль Греко, а не только на иконах Феофана Грека... Когда Толя был на отпевании Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя, Толю потом показали по телевизору, операторы разглядели его скорбное лицо в массе народа, и выхватили его оттуда и показали на экране крупным планом. Как лицо Христа или родственника или соотечественника Христа. А когда я ставила в церкви на Таганке свечу о упокоении души Анатолия, на канун, и стала молиться распятию Христа, я увидела, что он и фигурой весь похож а Толю. И, кстати сказать, такой же смуглый, как Толя. Вот уж кто создан по образу и подобию Бога — Толя Шамардин.

Клавдия Лунина: Анатолий добрый и хороший человек, и этим он, в первую очередь, похож на нашего Спасителя!

Нина Краснова: Да, Клавочка, этим Толя в первую очередь похож на Спасителя! Я просто хотела сказать, что даже не только этим, но даже и какими-то внешними своими чертами.

Тамара Жирмунская: Дорогой Нинок! Какое волшебное фото! Не говори, что старое -ты для меня всегда молодая и сегодняшняя. Мы с Павлом не поехали к родственникам, встречали вдвоем, смотрели концерт по Пер-

вой программе. Павел всех модных российских актеров знает, потому что постоянно смотрит наше ТВ. Я испекла пирог. Саша, уезжая два месяца назад, спрятала для нас шоколадных дед Морозов. Так что праздник получился сугубо семейный. Да минуют тебя и нас потери уходящего года! Живи за двоих — за себя и за Толю. 1.01.2015.

Сандра Мясникова (дочка Тамары Жирмунской): С Новым годом и Рождеством, дорогая Ниночка! Спасибо за поздравление и внимание. Прости, но мне больно видеть, как ты убиваешься по Анатолию... Я все понимаю, это огромная утрата для тебя, но побереги себя, пожалуйста, ради всех нас, ради своего таланта... Анатолию бы твоя нескончаемая скорбь не понравилась... Он был таким веселым человеком! Помню, как на твоём вечере вы с ним так задорно пели «Я не пью и не курю...» и весь зал вам подпевал, а я в зале даже пританцовывала. Это всегда с нами... Не убивайся... Не спеши... Все ТАМ будем... Молись за него, это лучшее, что ты можешь сделать для его души... Не грусти так... Пожалуйста... Ждем новых стихов и свершений от тебя! Вытри, пожалуйста, свои слезы... 1.01.2015.

8.01.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПЕРВОЕ РОЖДЕСТВО В ПЕРОВЕ БЕЗ ТОЛИ ШАМАРДИНА

В прошлом году я встречала Рождество у себя в Перове с Толей Шамардиным, с этим «золотым голосом России», и ещё с гостем из Ростова-на-Дону, Золотым пером России писателем Эмилем Сокольским и с «молодой поэтессой» Сашей Ирбе. Очень весело встретили мы Рождество, и за столом посидели и поели щи, которые я сварила по солотчинскому рецепту моей матушки, и о литературе и об искусстве и о жизни поговорили, и стихи почитали, и песни попели, и даже, несмотря на тесноту в квартирке, где развернуться негде и где ногу негде поставить, поплясали вчетвером под диск с песнями Толи Шамардина, обняв друг друга за плечи. Эмиль потом написал, что это было лучшее Рождество в его жизни!

А в этом году я встречала Рождество опять у себя в Перове, и опять в той же самой компании, но уже без Толи Шамардина, которого Господь забрал на тот свет.

— Вообще-то никаких границ между тем и этим светом нет, — философично сказала Саша Ирбе.

Ну да, кто-то живёт на этот свете, а кто-то на том, кто-то в этом мире, а кто-то в мире ином, потустороннем, но эти миры соприкасаются, и мы всё равно живём все вместе, и наши близкие люди, которых Бог забрал на тот свет, всё равно живут с нами, но только мы их не видим или видим только во сне. И мы думаем о них, а они думают о нас, и навещают нас с того света и заботятся о нас и помогают нам, и они для нас более реальны, чем многие реальные люди, которых мы видим на улице или в общественных местах, но которые для нас вроде бы и не существуют, они что есть, что их нет. Для нас, например, более реальны Пушкин, Лермонтов, Чехов, Есенин, с которыми мы всё время общаемся через их стихи и прозу, чем толпы людей, которых мы видим на улицах или в метро и которые для нас всё равно, что какие-то фантомы.

— Я своего покойного дедушку и свою покойную бабушку, которых уже нет на этом свете, каждый раз хочу поздравить и поздравляю с каждым новым наступающим или наступившим праздником, как тогда, когда дедушка и бабушка жили на этом свете, а не на том, — призналась Саша.

— А я — свою покойную матушку и сестру и старшего брата, и своих литературных учителей... — добавила я. — Они никуда не делись от меня.

И Толя Шамардин как был с нами, так и сейчас он с нами, здесь! И не только на фотографиях, которые висят на стеклянных дверцах книжных шкафов, и не только на фотографии, которая стоит на столе...

Я налила Толе свежей, отфильтрованной водички в коньячную рюмочку и положила сверху мягкий кусочек белого хлебушка и кусочек голландского сыра и поставила это к его портрету на столе, на этом портрете — рекламе ресторана «Серафина» для концерта, который организовал Толе на Крещение 18 января 2013 года Андрей Горбатов, — Толя — в итальянском национальном костюме, в красной шляпе с полями, в красной шёлковой рубашке и в белой жилетке и с мандолиной в руках...

А себе и Саше я налила по маленькой рюмочке красного французского вина «Les Tolombieres», а Эмиль налил себе водку «Вольные хлеба». И Эмиль произнёс тост за всех нас и пожелал, чтобы в новом году у нас не было потерь, а были счастливые обретения. Потом тост

произнесла Саша, потом я... И мы ели винегрет, и салат оливье с грибами, и холодец, и бутербродики с сыром и «Купеческой» колбаской, а ещё, как и в прошлом году, мы ели щи с куриной лодыжкой, которые я сварила по солотчинскому рецепту, ели мы их в шведских керамических мисках, горячими, как из печки, и накрошили туда зелёного луку, по астафьевскому рецепту (жалко, что Толя уже не может попробовать их, он очень любил щи)...

А потом Саша Ирбе прочитала — из своей книги «Излом» — свои стихи с эпиграфом из моего стихотворения «Прощай, сестра, увидимся в аду» и стихи, посвящённые Татьяне Бек. А Эмиль читал нам стихи из книг, которые прихватил с собой... Стихи Вадима Месяца, в том числе и посвящённые Эмилю, и ещё кое-каких поэтов, Семёна Липкина, Вадима Шефнера, Яна Бронштейна, и стихи Андрея Ширяева, который покончил собой в Эквадоре, после того, как пережил два инфаркта, инсульт, диабет и частичный паралич, — не захотел жить как «растение», мучить себя и своих близких и быть самому себе и всем в тягость. Меня больше всего тронули его стихи о смерти:

Облако причаливает в горе.
К облаку причаливает самолёт.
Так ли уж важно в этой просто игре,
Кто и кого насколько переживёт?

Братское небо, влажная простыня.
Звёзды ложатся в пашню плечом к плечу.
Семя двудольное, космополита, меня
Пусть закопают в космосе. Я так хочу.

И ещё Эмиль прочитал стихи Ширяева о скрипачке, которая, когда играет на скрипке, превращается в мелодию. Кстати сказать, когда Эмиль читает стихи, то он читает их с таким самозабвением и вдохновением, что превращается в поэзию и в мелодию. А я прочитала — из своей книги «Тайна» — своё стихотворение о своём посещении могилки Толи Шамардина и про цветок, которым Толя помахал мне с могилки «в знак привета».

И, разумеется, мы не обошлись без песен в исполнении Толи Шамардина. Слушали самые ранние его песни на стихи Бокова, «Луговая

рань» и «Вишенья, орешенья», которые дирижёр Федосеев записал со своим оркестром народных инструментов на фирме «Мелодия».

А ещё мы послушали «Сон под пятницу» на мои стихи»...

— Ах, какой голос! Ах, какой голос! — только и ахали мы...

Полётный, лёгкий, божественно нежный, прекрасный, трепетный и волнительный. Толин голос летал по квартире и расширял её стены до необъятных небесных пространств, и Толина душа летала около нас и тихо радовалась, что мы слушаем его песни и наслаждаемся ими.

...Когда перед Новым годом какие-то мои многочисленные друзья и подружки звали меня встречать Новый год в какие-то свои компании, где «будет весело», я написала в фейсбуке, что мне сейчас — без Толи Шамардина — нигде не будет весело, тем более там, где всем весело, и встретила Новый год у себя дома одна. И не пожалела об этом. Потому что я была не одна, а в мыслях своих с Толей и со всеми нашими общими друзьями.

А Рождество я встретила с Эмилем Сокольским и Сашей Ирбе, в узком, почти семейном кругу, в котором нам всем было не напряжно, тепло и уютно.

Я сфотографировала Эмиля в его новых пятнистых, камуфляжных штанах, а Сашу в её ярком а ля цыганском платье, а они сфотографировали меня с портретом Толи в руках и в моём розовом халатике, в котором я была на Рождестве в прошлом году и который надела в память о прошлом Рождестве, когда Толя Шамардин, этот Ангел во плоти, был с нами собственной персоной.

10.01.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПАНИХИДА ОБ АНАТОЛИИ ШАМАРДИНЕ В ЦЕРКВИ ТРОЕРУЧИЦЫ НАКАНУНЕ ЕГО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

Завтра день рождения Толи Шамардина. Завтра Толе исполнилось бы 77 лет. Всего 77 лет. Толя собирался жить как минимум до 100 лет, потому что он же не пьёт и не курит и ведёт правильный образ жизни и не сетит и не гонится за славой и за богатством и за мнимыми благами.

Вечером я сходила в церковь Троеручицы на Таганке, на Болгарское подворье. Заказала там панихиду о упокоении души Анатолия. И по-

ставила за него свечку на канун. И сделала Толе подарочек ко дню рождения: положила в общую корзину с подарками твикс (сладкую парочку шоколадок) и 50 рублей. И сказала Толе: «Толечка, это тебе ко дню рождения...»

И стояла у распятия Христа и — как всегда, со слезами — молилась о Толе, о том, чтобы Бог дал ему хорошее место в Раю, и чтобы Толя там пел песни ангелам и всем святым и праведникам, и чтобы все там восхищались им и любили бы и не обижали бы его, и чтобы он был счастлив и радостен, и чтобы он знал, что я люблю его, и чтобы не покидал меня, чтобы его душа всегда была со мной. Я сказала ему, что я делаю альманах «Эолова арфа», весь посвящённый ему, и уже собрала для этого почти все материалы. И попросила Бога, чтобы Бог помог мне скорее сделать альманах, чтобы дал мне сил и таланта на это.

...А между прочим, Христос в церкви Троеручицы всем своим телосложением, всей своей антропометрической конструкцией похож на Толю — Христос такой же худощавый, как Толя, и у него такой же торс, как у Толи, и такие же тонкие руки и ноги, и он такой же смуглый, как Толя.

Христос похож на Толю, а Толя на Христа, не только своей внутренней сутью, но и своей внешностью.

Кстати сказать, когда поэтесса Ирина Алексеева летом помогала мне перевезти со Сходни в Перово (из Толиной квартирki ко мне) Толины вещи, и мы сидели с ней за столом и ужинали, она бросила взгляд на мой книжный шкаф, где под стеклом стояла фотография Толи, а рядом с фотографией висел керамический барельеф Христа и, замирая, сказала мне полушёпотом: «Смотри... (Толя похож на Христа...)» — «Да, согласилась я с ней. — Я думала, что я одна вижу это. Но вот и ты увидела...» — И у них обоих здесь один и тот же наклон головы, и одни и те же брови, и глаза, а губы и носы идут под одним и тем же углом зрения, параллельно друг другу, а губы — одной и той же формы и идут по одной линии... и лбы и причёски у обоих похожи...

Кстати сказать, на отпевании Владимира Солоухина в Храме Христа Спасителя в 1997 году телеоператоры тоже увидели, что Толя похож на Христа. Они выхватили его скорбное, печальное лицо среди тысяч лиц и показали крупным планом, как если бы сам Христос (или его двойник или его ближайший родственник) присутствовал на отпевании...

P.S.

Заказала я в церкви Троеручицы и общую панихиду о упокоении своей матушки, сестры Татьяны и брата Владимира, а также о упокоении души Солоухина, Старшинова, Астафьева, Вознесенского, Золотухина и других своих и наших с Толей литературных друзей. И поставила за них свечки на канун. Все свечки горели ровным пламенем. И Толина свечка горела ровным пламенем.

И ещё я заказала молебен о здравии себе и своим живым родственникам и друзьям. И поставила за них свечки Троеручице.

Увидела я в толпе людей, которые были в церкви, артистку и режиссёра Театра на Таганке Ренату Сотиириади (тоже гречанку по своим корням, как и Толя). Я вижу её там уже не первый раз.

13.01.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

77-ЛЕТИЕ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

1. Музыкальный сигнал Анатолия Шамардина на кладбище.

В день своего дня рождения 11 января 2015 года, в день своего 77-летия, Толя Шамардин, живущий теперь в мире ином, заказал у Господа Богу для меня мягкую, тёплую безветренную погодку, с лёгким снежком, который падал на Москву и на её окрестности мелкими крупинками манны небесной. В автобусе, на котором я ехала к Толе на Новоходненское кладбище, светящиеся бегущие строки сообщали, что автобус следует по маршруту м. Речной вокзал — Сходня, температура в салоне плюс 20 и 21 по Цельсию, любимая температура Толи, а на улице — плюс 1 и плюс 3.

...Всю дорогу я думала о Толе и только о нём, отрешившись от всех своих дел и литературных мероприятий и отключив мобильник, вся сосредоточенная только на Толе, витающая в своих воспоминаниях о нём и недостижимая для всех своих друзей и подруг и для всех своих знакомых.

Есть особое удовольствие — ездить на кладбище к своему родному человеку одной, а не с компанией пусть даже и близких людей. Потому что только тогда ты можешь пообщаться с ним один на один, без сви-

детелей и зрителей, и поговорить о своём сокровенном и высказать ему всё, что у тебя на душе.

Виктор Астафьев, которого Рязань каждый год приглашала в Рязань и в Константиново на праздник поэзии Есенина, когда-то мечтал приехать к Есенину, но так и не приехал, потому что считал, что компанией в сто человек к Есенину ездить нельзя, если хочешь побыть с ним один на один, а один или вдвоём со своей Марьей Семёновной он так и не собрался.

Конечно, для Толи было бы большое удовольствие, если бы к нему приехала, допустим, вся редакция «Юности», или его музыканты из группы «Милос»... и разные его поклонники и поклонницы. Он сказал бы им: «Очень рад!». Но как мне собрать и привезти их всех сюда? Это проблема. Легче мне просто взять и передать от них приветы Толе.

...Я зашла в часовню при кладбище, помолилась там о упокоении Толиной души и поставила свечку за него и обратилась к покровителю часовни Сергию Преподобному: «Преподобный Сергей, моли Бога о нас... моли Бога о Толе».

А у цветочницы купила большой куст ярких искусственных розовых цветочков и отнесла этот куст Толе на могилку. Разгребла руками снег на ней, и поставила там эти цветочки, позади еловых веточек, которые принесла Толе перед Новым годом.

И опять я зажгла на могилке лампадку и поставила её уже не в ноги Толе, а около таблички с его фамилией (ему на грудь). Свечка была длинная, я переломила её пополам, и из неё получилось две свечки на одном жгуте, как две души, Толина и моя. Они светились в красной стеклянной формочке лампадки ровным жёлтым светом пламени. Я прикрыла их сверху железной крышечкой, чтобы они не погасли раньше времени. И сидела общалась с Толей и передавала ему приветы от его друзей и знакомых и рассказывала ему, что новенького произошло в Новом году. И выпила рюмку ликёра и закусила голландским сыром и смотрела на лампадку и затаённо ждала, какой сигнал подаст мне Толя. И вдруг услышала какие-то тихие, мелодичные, ритмичные звуки... и не поняла, откуда они исходят. Прислушалась к ним, и поняла, что они исходят от лампадки... Она издавала звуки, как Эолова арфа... Крупишки снега, который падал с небесной выси на землю, залетали в лампадку сквозь боковые дырочки в крышке и соприкасались с пламенем и не гасили его, а таяли и испарялись, и возникала песня

без слов, которая и была мне сигналом от Толи, его реакцией на мой визит к нему. Толя был рад мне и пел мне свою песню радости и любви через огонь в лампадке.

...На территории кладбища выросла (с неделю назад?) ещё одна свежая могила, прямо по пути к Толе... Ещё один Раб Божий нашёл своё пристанище на Новосходненском кладбище. «Багдасарян Ремик, 1976 года рождения», — прочитала я на табличке. Армянский мальчик... Пять иномарок появилось около этой могилы, когда я сидела около Толи... человек двадцать армян окружили её, и на всё кладбище раздался безутешный женский плач... плач мамы по своему сыну Ремику? Через полчаса иномарки с армянами уехали, и женский плач мамы по своему сыну (или жены по своему мужу?) тоже уехал.

А я — сквозь голые коричневые ветви деревьев, забелённые снегом, и сквозь бетонную стену ограды вдруг увидела, что могила Толи Шамардина находится на одной линии с часовней, чего раньше я никогда не видела. Только часовня находится на одной половине кладбища, а Толина могила на второй половине.

...Анатолий Шамардин родился 11 января 1938 года, между Рождеством и Старым Новым годом, на святки, а умер 27 апреля 2014 года, на Красную горку. Святой человек, птичка Божия с золотым божественным голосом...

2. Анатолий Шамардин — по европейскому гороскопу — Козерог.

По европейскому гороскопу Толя Шамардин был Козерог. И когда-то я написала ему вот такое стихотворение:

КОЗЕРОЖЕЧКА

Анатолию Шамардину

У меня замечательный суженый –
Как подарочек, мною заслуженный,
Козерог, Козерог, Козерожечка,
Симпатичная, милая рожечка.
Мы под звёздными с ним небесами
Повстречали друг друга сами

И друг с другом в объятьях сплелись,
Гармонично друг с другом слились.

Мы в согласье живём, не в раздорах.
Дорог мне Козерожечка, дорог,
Я ему дорога, дорога.
Я ему не наставлю рога.

Я люблю моего Козерожечку
За его симпатичную рожечку.
Но не только, не только за рожечку
Я люблю моего Козерожечку.

3. Панихида по Анатолию в церкви Святителя Николая на Болванках.

С Новосходненского кладбища я заехала в церковь Святителя Николая на Болванках (около Таганки) и заказала там панихиду по Анатолию. И молебны о здравии своих здравствующих родных и близких.

4. Вечер в Перове с сыном Анатолия Шамардина Олегом.

В десятом часу вечера ко мне в Перово приехал с работы сын Анатолия Шамардина Олег, и мы отметили с ним день рождения Толи у меня дома. Выпили за Толю «Праздничной» водки, запили водку кизилковым соком и закусили винегретом и колбасной нарезкой и шпротами, а потом гречневой кашей с котлетами и яичницей. А потом пили чай с голландским сыром, венскими вафлями и творожными колечками. Помынули Толю, концертная фотография которого стоял на столе, на белой вышитой салфетке около наряженной искусственной мини-ёлочки. Послушали его песни — «Подобна ты маю», «Вишенья, орешенья», «Луговая рань»...

Вот обрывки наших с Олегом разговоров об Анатолии Шамардине.
Мы с Олегом (в один голос):

— Подобного голоса, такого, как у Анатолия Шамардина, нет ни у кого. У него бесподобный голос! Анатолий Шамардин очаровывал своим голосом всех, кто слышал его!

— Да, подобных певцов нет на свете.

Олег:

— И нет на свете таких добрых людей, как он. Он был добр абсолютно ко всем, искренне добр, даже к тем, кто его обижал. И ко мне он был добр. И от него всегда исходило тепло, которое я всё время чувствовал. Он (бывало) придёт ко мне, принесёт чего-нибудь к чаю. Сядет рядом со мной. И я чувствую его тепло.

Нина:

— Он любил тебя. Ты был у него один-единственный сын.

Олег:

— Не знаю, чувствовал ли он моё тепло. Чувствовал ли он, что в своей душе хорошо отношусь к нему? Если ли бы у меня были деньги, я купил бы ему машину. А если бы у меня было много денег, я купил бы ему квартиру.

Мы с Олегом:

— Он был святой человек. Даже странно, что такой человек был и сохранился в наше время.

— Да, он был святой. И умер как святой...

— ...не мучаясь и никого не мучая.

— Он даже не успел почувствовать, что сейчас умрёт...

— Бог не дал ему почувствовать этого, пощадил его...

Олег:

— Отцу (Анатолию Шамардину) никто не давал его возраста. Он выглядел лет на двадцать моложе своего возраста. И никто никогда не задумывался о том, сколько отцу лет.

Нина:

— Он был и останется человеком без возраста...

Олег:

— Я не чувствую, что он умер. Он жив. Он помогает мне. Я слышу его советы. Раньше я не прислушивался к его советам. Считаю, что он во всём или во многом не прав, что я всё понимаю лучше его. Молодые

всегда считают, что они умнее старших, и что старшие всегда не правы, а они, молодые во всём правы. А теперь я вижу, что он был во всём прав! Абсолютно во всём. К сожалению, я поздно понял это. Некоторые считали его легкомысленным и несерьёзным человеком, а он был очень глубокий и очень мудрый.

Нина:

— Просто он не старался казаться таким, не старался произвести впечатление умного и мудрого человека.

Олег:

— Он снился мне во сне. Один раз подошёл ко мне и положил руку мне на плечо. Вроде как утешил меня и сказал, что у меня всё будет хорошо. А ещё он снился мне со своей мамой, а моей бабушкой Еленой Антоновной (которая воспитывала Олега, потому что Олег рос сиротой, его мать умерла при родах). Он и Елена Антоновна подошли ко мне и стояли около меня и ничего не говорили, но хотели сказать мне, что они будут поддерживать меня, будут помогать мне, и у меня всё будет хорошо.

Нина:

— Они (Толя Шамардин и его мама Елена Антоновна) теперь встретились т а м. Все близкие люди, которые любили друг друга на земле, встретятся там... И они видят нас о т т у д а. И нет никакой грани между тем и этим светом. Они находятся рядом с нами, в параллельном мире, мы их не видим, а они нас видят. И являются нам во сне, чтобы сказать нам, что они живы, и чтобы подать нам какие-то свои знаки, какие-то свои сигналы, дать нам какие-то свои советы, к которым мы должны прислушаться...

Нина:

— Толя в январе или феврале говорил мне, что ему снилась его мама. Она плыла на лодке и звала его к себе. Он рассказал мне этот сон. Я сказала: «Она звала тебя к себе. Но ведь ты не пошёл к ней?» «Я проснулся...» — Она забрала его к себе.

Олег:

— А я никогда не встречал с отцом дни его рождения. Сегодня — первый раз. Отец всегда встречал свой день рождения где-то вне своего дома, вне своей семьи.

Нина:

— Он встречал свои дни рождения со мной. И рад, что сегодня мы

отмечаем день его рождения с тобой вместе. Он захотел и сделал так, чтобы мы вместе с тобой отметили день его рождения. Хорошее получилось завершение дня. Толя — твой отец — рад этому, доволен этим!

5. Подарки Анатолию Шамардину к 77-летию со дня рождения.

Анатолию Шамардину его друзья сделали подарки ко дню рождения. Художник из Керчи Борис Васильев-Пальм отдал в печать свой материал о нём, с фотографиями (и позвонил и сообщил мне об этом по телефону). Критик Лола Звонарёва взяла в 1-й номер своего журнала «Литературные знакомства» мой материал о Толе, с фотографиями. Поэтесса Галина Богапеко сообщила мне, что в 1-м номере журнала «Новый енисейский литератор» вышли её стихи «Доминанта», посвящённые Толе, и стихотворение «Матрёшка», посвящённое мне, где упоминается (подразумевается) и Толя. Кроме того она объявила в фейсбуке, что 11 января день рождения Анатолия Шамардина, на что отозвались многие фейсбукеры, и новая Толина поклонница Галина Йонаш из Санкт-Петербурга (а у меня сейчас уже целую неделю нет связи с Интернетом). А многие Толины друзья в этот день поминали Толю у себя дома.

Царствие тебе Небесное, дорогой Толечка Шамардин, соловушка певучий, душа чистая! Знай, что мы все тебя любим! А обо мне и говорить нечего...

15.01.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НОВОГО СТАРОГО ГОДА С ПЕСНЯМИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА И С ЕГО ДРУЗЬЯМИ-ШАДРИНЦАМИ

Первый день нового Старого Нового года, 14 января 2015 года, я провела у себя дома, в Перове, с Лидией Долгих, вдовой Виталия Долгих, друга Анатолия Шамардина, и с дочкой Лидии и Виталия Настей, они приехали ко мне в 12-м часу утра. Я сварила большую кастрюлю щей, с лодыжкой курицы, по своему рецепту, которые очень любил Толя. И эти щи очень понравились обоим моим гостям, и они обе

съели по полной шведской миске этих щей, хотя до этого хорошенько позавтракали у себя и сказали, что вообще-то они не хотят есть. И, естественно, мы помянули Виталия и Анатолия — не водкой и не вином, а почти символическим напитком, «Жигулёвским» пивом. А потом пили чай с трёхслойным мармеладом, с черносливом в шоколаде и с «Воздушным» пирожным. И слушали диск с песнями Толи на стихи разных поэтов и наслушаться не могли.

Все мы:

— Какие у Толи обертоны, какой тембр, какой волнительный голос...

Виталий и Лидия, оба уроженцы Шадринска, и оба (как и все члены их семьи, и их дочка Настя, и их сын Марек) горячие Толины поклонники, они для меня всегда ассоциировались с городом Шадринском, о котором я ничего не знала, пока не познакомилась с Толей, который всё время рассказывал мне о Шадринске, где он жил в 60-е годы и преподавал иностранные языки, в основном немецкий, и о своих друзьях-шадринцах, о Виталии и Лидии, которые тоже жили там, пока не переехали в Москву... Мы с Толей не раз бывали у них в гостях, дома на станции метро «Выхино»... Виталий, как и Толя, в совершенстве знал немецкий язык, даже мог поучить Толю каким-то тонкостям этого языка, поскольку много лет жил с семьёй в Германии, работал там в качестве журналиста ТАСС. Виталий умер три года назад, и Толя, впечатлительная душа, переживал о нём. Но и сам не надолго пережил его.

Лидия увидела у меня на витрине шкафа чёрно-белый фотопортрет молодого Толи, Толя там в майке фирмы «Адидас», и залюбовалась им.

Лидия Долгих:

— Вот таким Толя когда-то пришёл к нам домой первый раз!

Настя Долгих:

— А самая первая песня, которую я услышала от дяди Толи, была его песня «Вечер в клубе» (на мои стихи. Н. К.). Такая чистая, наивная, такая светлая, хотя и немножко грустная песня... — сообщила мне Настя, с умилённым выражением лица.

А я сообщила Насте и Лидии, что «Вечер в клубе» — это самая пер-

вая песня, которую он написал на мои стихи, в 1988 году, когда мы только-только познакомились с ним в Доме культуры газеты «Известия», на юбилейном вечере, на 75-летию Виктора Бокова... А в студии Толя записал эту песню в 1993 году, когда я уже переехала в Москву и он стал возить, брать меня с собой в институт культуры, где записывал свои песни в студии, чтобы я знала, как это делается.

И мы тут же и послушали эту песню на диске...

В платье длинном по последней моде,
Мне бы не заплакать при народе
Оттого, что он явился с Манею,
Уделяет ей «свою вниманию»,

Оттого, что с нею он танцует,
Оттого, что ручки ей целует
И с неё сдувает все пылиночки
На себя и на свои ботиночки...

Настя Долгих:

— У нас дома он пел эту песню под гитару... Сидел на диване и пел. А папа записывал его на магнитофон. У нас сохранились магнитофонные плёнки, где дядя Толя поёт и где он беседует с моим папой, комментирует свои песни... рассуждает об искусстве...

Нина Краснова:

— Эти плёнки — большая ценность! Их надо продублировать (скопировать), чтобы они хранились не в одном экземпляре, отцифровать и расшифровать и сделать из этого материал для книги о Толе и о его дружбе с Виталием...

Все мы:

— Анатолий бесподобно прекрасный певец и бесподобно светлый, добрый человек. И при этом он — ребёнок... В чём-то очень неразумный... Да. (Мы все сошлись на этом.)

Все мы:

— Жалко, что он не сделал себе карьеру, которую мог бы сделать...

Все мы:

— Но, может быть, это даже лучше. Может быть, это его и спасло. Он не ломал себя. Жил как хотел, в своём режиме. И сохранил себя,

и свою чистую душу, и свой голос. И пел только то, что хотел, и для тех, для кого хотел...

Конечно, он хотел бы петь в больших залах, и выступать по ТВ, чтобы его слышало большее количество людей... Ведь артист, как говорил сам Толя, публичная профессия, он не может жить без публики, ему нужны зрители. Но он не умел делать карьеру. Не лез по головам, чтобы пролезть куда-то, никого не отпихивал локтями, ни у кого ничего не просил и не выпрашивал и ни перед кем не ходил на задних лапах. Он жил — как птичка Божия... Кто слышал и видел его, тот и слышал и видел. А кто слышал и видел и знал его (кому повезло), тот не мог не любить его.

Лидия Долгих:

— Нина, шадринцы знают, что он умер. Они узнали об этом из интернета, из твоего Живого Журнала...

Нина Краснова:

— Толя был очень рад, что шадринцы пригласили его на 350-летие своего города, что они не забыли его через 44 года, и приняли его со всей душой. Он мечтал опять поехать (полететь) туда, со мной, чтобы мы выступили там в большом сольном концерте, на большой сцене, но... это не сбылось.

Я поставила в проигрыватель Толину песню на стихи Бокова «Луговая рань».

Нина Краснова:

— Толя поёт здесь молодым голосом, 80-х годов. А у Толи до конца сохранился молодой голос...

Лидия и Настя Долгих (Нине):

— Это он тебе поёт.

Нина Краснова:

— Да.

Луговая рань.
Росы на лугу.
Не грусти, не вянь,
Я тебя люблю.

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И РУССКИЕ ГРЕКИ

19.05.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

ДЕНЬ ПОМИНОВАНИЯ ПОНТИЙСКИХ ГРЕКОВ И АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

1. На Александрийском подворье в Москве.

Вчера мы с моей подругой Надей Кузнецовой-Шихиди, русской гречанкой, были на Александрийском подворье около «Китай-города», на Дне памяти понтийских греков, пострадавших от турецкого геноцида в 1916–1923 годах. На улице светило солнце, как «сто сорок солнц». В храме Всех Святых на Кулишках, расположенном на Александрийском подворье, состоялась служба в честь этого Дня, с молитвами и песнопениями на русском и на греческом языке.

Христос воскрес из мертвых
И смертью смерть поправ
И сущим во гробе
Живот даровав.

Батюшка угощал прихожан просфорами, белыми пышечками с печатными крестами на них, служительница разносила на подносе кусочки белого хлеба. Я заказала поминанье для Анатолия Шамардина, на целый год, чтобы каждое утро во время литургии батюшка творил молитву о упокоении души моего усопшего друга, певца с соловьиным горлом, потомка понтийских греков. Заказала панихиду по нему и поставила за него свечку на канун. Почему-то долго не могла поставить ее так, чтобы она держалась прямо, она всё клонилась из стороны в сторону — наверное, перегрелась у меня в руке и сделалась мягкой. Надя помогла мне установить ее, сказала: «Она расплавилась от твоей энергетики».

После службы все вышли из храма на улицу, на территорию под-

ворья. Владыка Афанасий сказал краткую речь об истории геноцида греков, с молитвой о них. Выступил и глава Московского Общества греков Архимед Шахбазов, а за ним и еще несколько человек. Для всех участников Дня памяти были накрыты под открытым небом столы с минеральной водой в пластмассовых бутылках, с фруктовыми соками в картонных коробочках, с натуральными греческими маслинами на тарелках, с печеньями, бутербродами, с сыром и колбасой, и каждый мог отведать, чего ему хотелось, и выпить воды и сока.

Я встретила на этом празднике памяти со своими (то есть нашими с Анатолием и Надей) старыми и новыми друзьями — с писателем и экс-главой Московского Общества греков Кузьмой Зелитовым, с активисткой Виолеттой Иоанниди, с журналистом Никосом Сидиропулосом, с художником Михаилом Багларидисом, с молодым земляком и родственником Толи из села Хасаут, музыкантом Георги Ферисовым, познакомилась еще кое-с кем, и с Архимедом Шахбазовым. Раздала всем экземпляры газеты «Слово» со своим некрологом и со своими стихами о Толе, которые (экземпляры эти) прихватила с собой. Кто не знал, что он умер, были ошеломлены этим!!! «Такой светлый, такой легкий и позитивный человек, который никогда ни на что не жаловался и заряжал всех радостью... и вдруг умер?! Почему?! Что с ним случилось?! Как это могло случиться?!»... Это знает только Господь Бог...

...Виолетта, которая еще не знала, что Толи больше нет, увидела меня, тут же спросила: «А где Толя?!» — «Толи... больше нет... Толя... умер...» — «Как?! Этого не может быть!!! Он же совсем недавно выступал на вечере памяти Христофора...» — ...Виолетта заплакала... И взялась утешать меня, которая тоже заплакала...

Толя всегда ходил на мероприятия Московского Общества греков, и на это мероприятие, на День памяти понтийских греков, пришёл бы если бы Бог не призвал его к себе на небо... Светлая память жертвам геноцида понтийских греков, и сыну понтийской гречанки Толе Шардину (...)

2. В гостях у Надежды Кузнецовой-Шихиди.

Завершить День памяти понтийских греков мы с Надей решили у нее дома, тем более, что этот день совпал с днем памяти ее мамы, которая умерла много лет назад. Мама Нади была... из семьи тех понтий-

ских греков, которые, узнав о том, что турки будут резать греков, убежали от геноцида в Причерноморье, в Геленджик, где Надя и появилась на свет. А потом она переехала оттуда в Москву, окончила театральное училище, стала режиссером театральных программ.

По дороге к Наде домой я нарвала на газоне букетик одуванчиков для ее мамы, а Надя купила в киоске карликовые розочки розово-оранжевого цвета, и всё это поставила у себя на кухне на столе. И зажгла свечечку в миниатюрном бронзовом подсвечничке. И накрыла на стол, и мы с ней посидели за столом, выпили по стаканчику пива, съели по тарелочке супа с фрикадельками, салат из помидоров и огурцов, бутербродики, а потом еще выпили чаю со смородиновым вареньем, и помянули всех наших безвременно ушедших родных и близких, и ее маму, и ее друга Христофора, киносценариста, кинорежиссера и литератора, и нашего друга Толю Шамардина, птичку певчую. И посмотрели видеофильмы с участием Нади и Христофора, записанные на диск... И поплакали друг у друга на плече. И составили для себя план работы, связанный с именами Христофора и Толи, с увековечиванием памяти Христофора Триандафилова и Анатолия Шамардина.

(...Часть текста не сохранилась из-за того, что хакеры 15 сентября 2014 года взломали мой фейсбук и я не успела скопировать весь текст. — Н. К. 1.02.2015.)

...«Свеча горела на столе» ровным, спокойным светом. Значит, наши безвременно ушедшие любимые люди, их души и их сущности были с нами и чувствовали себя легко и хорошо.

15 июня 2014 г. (Из фейсбука Нины Красновой)

БЕЗВРЕМЕННО УШЕДШИЕ МОСКОВСКИЕ ГРЕКИ, СЛУЖИТЕЛИ МУЗ

Надежда Кузнецова-Шихиди: Вспомним художников греческого происхождения, художников от Бога —
певицу Тамару КАЦЫ,
кинорежиссёра и оператора Христофора ТРИАНДАФИЛОВА,
певца и композитора-Анатолия ШАМАРДИНА!..

12 июня 2014 года исполнилось 15 лет, как трагически ушла из жизни талантливая певица Тамара КАЦЫ. В связи с этой датой я вспоминаю её первый сольный концерт в ЦДРИ, в Москве — 26 декабря 1992 года, который я организовала и вела вместе с Христофором Триандафиловым. В зале находился наш великий и замечательный дирижёр — Одиссей Димитриади. После исполнения Тамарой Кацы греческой песни «Афина ма ну му», Одиссей Ахиллесович крикнул ей из зала: «Браво!» Это было очень трогательно!

4 апреля 2004 года (спустя 12 лет), в этом же зале мы провели вечер ПАМЯТИ ТАМАРЫ КАЦЫ. В концерте принимали активное участие: заслуженные артисты России Ксения ГЕОРГИАДИ, Сергей ЧИЧА, Анатолий ШАМАРДИН, Никос САВВИДИ и моя внучка Галочка. Она читала стихотворение «Мамочка», которое написала Тамара и посвятила своей маме. К этой дате Христофор Васильевич выпустил при финансовой помощи Николая АГУРБАША видеофильм «Поёт Тамара Кацы». Сегодня, к великому сожалению, безвременно ушли от нас кинорежиссёр и оператор Христофор ТРИАНДАФИЛОВ (6 марта 2013 г.) и певец, композитор Анатолий ШАМАРДИН (27 апреля 2014 г.). Больно, очень больно терять близких друзей, отмеченных талантом от Бога.

КОММЕНТАРИИ фейсбуковцев:

Нина Краснова: Да, Наденька! «Терять их страшно, Бог не приведи», как сказала о своих близких друзьях Белла Ахмадулина.

Надежда Кузнецова-Шихиди: Спасибо, Ниночка! Ты — НАША!!!!

20 мая в 18:25

Нина Краснова: Вон (на фотографиях в фейсбуке) Толенька Шамардин с гитарой, улыбающийся, радостный! Вон — Христофор Триандафилов с кинокамерой, серьезный, сосредоточенный! Вон — Тамара Кацы — с микрофоном, в радужном свечении... 19 июня в 19:57

Рада Полижук: Все живы, пока жива память. 19 июня в 20:06

Нина Краснова: Да, Радочка, есть живые, которые для тебя (и для меня и для нас) не существуют, они что есть, что нет, а есть неживые, которые всё время присутствуют в твоей жизни, но жалко, что их обнять нельзя. 19 июня в 20:15

Нина Краснова: И еще жалко, что мы-то их помним, а они нас? Если их души вселятся в новые тела, то никто из них не будет помнить свою прошлую жизнь и нас в ней. 19 июня в 20:39

Рада Полищук: Нинуля, я тоже часто об этом думаю — помнят ли они нас? узнаем мы друг друга при встрече? Давай надеяться, что — ДА! 19 июня в 21:48

Нина Краснова: Да, надо верить, что наши души встретятся, а иначе всё как-то совсем грустно и бессмысленно... 20 июня в 1:25

Рада Полищук: Да, Нинуля, дорогая. 20 июня в 11:26

Надежда Кузнецова: Ниночка, такие союзы, как у нас с тобой (у тебя — с Толей, у меня — с Христофором), они происходят по велению Божьему на земле, а затем уходят в небеса. Бог их забрал так легко, как они того хотели. Оставил нас с тобой, чтобы мы доделали все дела за них. Со временем, когда мы уйдём из жизни, наши души там встретятся, я в это Верю! Обнимаю тебя, моя дорогая. 19 июня в 21:42

АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА НЕ БЫЛО НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ ОДИССЕЯ ДИМИТРИАДИ

Вечер в Доме национальностей, посвящённый великому дирижёру Одиссею Димитриади, был очень хорош (с демонстрацией фильма Христофора Триандофилова о Димитриади, с участием официальных лиц — главы Московского Общества греков Архимеда Шахбазова и Чрезвычайного и полномочного посла Греческой Республики Данаи-Магдалини Куманаку, а также и с участием артистов Ксении Георгиади, Милы Романиди, Эвклида Курдзидиса и т. д.). Спасибо Наде Кузнецовой-Шихиди, которая пригласила меня на это историческое мероприятие! Но жалко, что там не было наших с ней самых близких друзей — сына понтийской гречанки Анатолия Шамардина, этого золотоголосого Орфея, и Христофора Триандафилова, режиссёра и сценариста видеофильма об Одиссее Димитриади. Христофор ушёл в мир иной в марте 2013 года, а Анатолий — в апреле 2014 года. Оба они ушли неожиданно для нас и для всех. Царствие им Небесное и вечная любовь наша.

После вечера глава Московского Общества греков Архимед Шахбазов пригласил всех гостей Дома национальностей в соседний заль-

чик — «на чаепитие», и это было действительно «чаепитие», а не винопитие, с бутербродами и сладостями. Греки, некоторые из которых не знали, что Толя Шамардин умер и узнали об этом только сейчас, подходили ко мне и выражали мне своё соболезнование. Певица Надежда Рафаэлиди подошла ко мне, обняла меня и погладила по плечам и склонила ко мне свою голову. А Ксения Георгиади сказала: «Я вся в шоке и в слезах...» — А потом сказала всем и мне, в утешение: «Пока мы помним тех, кто ушёл от нас (тех, кто умер, это относится и к Анатолию Шамардину, и к Христофору Триандафилову, и к виновнику вечера Одиссею Димитриади, и не только к ним), они живы...»*

* Надежда Кузнецова-Шихиди — режиссёр массово-театральных представлений, наш с Анатолием Шамардиным друг, организатор его концертов, русская гречанка, член Московского Общества греков. — *Прим. Н. К.*

** Христофор Триандофилов — кинорежиссёр и киносценарист, друг Надежды Кузнецовой-Шихиди и Анатолия Шамардина, а также и мой. — *Прим. Н. К.*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН:

«Я ХОЧУ ВЕРНУТЬСЯ К СВОЕЙ ПЕРВОЙ ПРОФЕССИИ...»

Надежда КУЗНЕЦОВА-ШИХИДИ — Нине КРАСНОВОЙ:
22.11.2014. 17:26

Ниночка!

Мне помнится, что это резюме он (Анатолий Шамардин) написал, чтобы устроиться на работу к Г. Х. Попову, в Международный Университет. Кажется, Христофор (Триандофилов) ему это советовал. Это говорит о том, что трудно было в Перестройку Толе заработать деньги на концертах. Трудно он жил, а ведь ему был дан Талант певца от Бога. Если что-то ещё найду, пришлю на почту. Обнимаю. До встречи.

Н. Н. Кузнецова-Шихиди

РЕЗЮМЕ

Я, Шамардин Анатолий Викторович, 1938 года рождения, проживающий по адресу: 111401, г. Москва, ул. Металлургов, д. 12, корп. 3, тел: (...), 8-916-921-76-76, хотел бы предложить свои услуги в качестве старшего преподавателя немецкого языка. Я имею высшее филологическое образование. Окончил Горьковский институт иностранных языков, сдал кандидатский минимум в Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза. Десять лет работал старшим преподавателем в разных вузах страны, преподавал немецкий язык, практику устной речи, читал курс лекций по стилистике и истории немецкого языка. С этим языком был связан постоянно. Проживал в Германии, работал в небольших фирмах, читал в Вальддорфских школах и учебных заведениях лекции на немецком языке о русском романсе и русском фольклоре. По своей второй профессии я — певец-вокалист с высшим образованием, работал солистом в оркестре Леонида Утёсова, в разных филармониях, ездил с сольными концертами по всей стране и по странам Европы, также выступал в лучших залах Москвы, в Политехническом музее, в Колонном зале, в Фонде культуры, в ЦДРИ, в ЦДЛ, в Академии художеств, в картинных галереях, а кроме того — по радио России, по радиостанциям «Москва и москвичи», «Маяк», «Народное радио», «Авто радио», «Эхо Москвы» и т. д. Выпустил много своих пластинок на фирме «Мелодия» и много компакт-дисков. Сейчас я на пенсии, платных концертов у меня мало, в основном благотворительные. И я хочу вернуться к своей профессии и учить студентов немецкому языку, которым владею свободно.

(ШАМАРДИН А. В.)

22 февраля 2007 г.

Москва

* Это резюме мы писали и редактировали вместе с Толей, по его наброску. — Н. К.

Надежда Кузнецова-Шихиди,
режиссёр театрально-массовых представлений

ТАЛАНТ ПЕВЦА ОТ БОГА
(Об Анатолии Шамардине)

...Трудно он жил, а ведь ему был дан Талант певца от Бога. Когда Анатолий звонил Христофору (Триандофилову) домой, всегда начинал так: «Какие новости, как здоровье?». Христофор отвечал: «Согласно паспорту». Общий смех... Анатолий потом спрашивал меня: «Когда будем делать великие дела?» — то есть концерты? На что я ему отвечала «Как только, так сразу!!!». Это значит, когда поступят заказы. Всё бы сейчас отдала, чтобы это время вернулось ... но, увы...

22 ноября 2014 г.,
фейсбук

ГРЕЧЕСКОМУ ХАСАУТУ, РОДНОМУ СЕЛУ
АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА — 150 ЛЕТ!

Надежда Кузнецова-Шихиди:

Нина, доброй ночи!

Посмотри у меня в хронике (в фейсбуке) про Хасаут-Греческое от Никоса Сидиропулоса, и что там помнят Толю.

Нина Краснова:

О! Надя! Сейчас посмотрю...

А я всё время думаю о Хасауте. Там есть музей. Летом надо будет съездить туда и отвезти что-то Толино (диски с песнями, фотографии, газеты с материалами о нём и т. д.). Пусть ему там сделают уголок.

Нина Краснова:

Как хорошо, что Толечку помнят в Хасауте!

А он же туда ездил в 2011 году. И многих своих старых знакомых там видел, и они его.

Хасауту исполнилось 150 лет? Когда я смотрела этот сюжет, я думала про Толю и про то, помнят ли его в Хасауте. Он — гордость Хасаута. Таких, как Толя, там не было за 150 лет и не будет никогда, и не только в Хасауте, а вообще в России и во всем мире.

Фейсбук, 28 декабря 2014 г.

Надежда Кузнецова-Шихиди вчера прислала мне из фейсбука информацию журналиста Никоса Сидиропулоса о ставропольском греческом селе Хасаут, где прошло детство певца и композитора Анатолия Шамардина, сына понтийской гречанки. Вот эта информация:

«Карачаево-Черкессия. Греческое село Хасаут-Греческое. 23.12.14. Фантастическая по своей красоте природа. Потрясающие люди, любящие родное село. В этом году село отметило свое 150-летие.

Крайний правый стенд в музее «Гордость села». Всмотритесь, там среди других выходцев этого села и наш Анатолий Шамардин!

Анатолия Шамардина помнят на его малой родине, гордятся им...»

Надежда Кузнецова-Шихиди прокомментировала эту информацию: «Как это приятно, что помнят и гордятся...»

Да, это очень приятно и радостно!

Я еще осенью узнала (прочитала в фейсбуке) статью о том, что родное село Анатолия Хасаут отметило своё 150-летие. При статье была фотография: жители Хасаута на открытии своего краеведческого музея. И я подумала тогда: «Как жалко, что Толя не дожил до этого праздника! Он мог бы участвовать в нём!» — И ещё я подумала: «А помнит ли Хасаут своего Анатолия Шамардина, выдающегося певца и композитора, который является гордостью Хасаута? Гордится ли им Хасаут?» — И ещё я подумала: «В Хасауте, оказывается, есть свой краеведческий музей. Так там самое место Анатолию Шамардину! Хорошо бы в этом музее оформить уголок Анатолия Шамардина...» (Экспонаты для этого у меня есть!)

Анатолий всегда с любовью вспоминал своё село...

...Последний раз он ездил в Хасаут осенью 2011 года. И потом очень подробно и интересно рассказывал мне о том, как он съездил туда, как виделся со своим школьным учителем (учителем всех поколений хасаутцев) и со своими земляками... И рассказывал весёлые эпизоды, которые случились с ним тогда... И мечтал свозить меня в Хасаут, показать

дом, где он жил, улицы, по которым он ходил и бегал, горы, на которые он взбирался, речку, в которой он купался... чтобы я увидела Хасаут своими глазами и написала о нём свои заметки, а может быть, и стихи... И я мечтала об этом. Жалко, что я не успела съездить туда с Толей. Но теперь я ещё сильнее мечтаю побывать там, пройти своими ногами по родной земле Анатолия Шамардина, этого Русского Орфея с греческими корнями и с божественным голосом, этого феномена, культурного явления мирового класса, бесподобного исполнителя песен народов мира на разных языках, автора изумительно прекрасных песен на стихи современных поэтов и на мои стихи, и самого родного и близкого мне человека, с которым судьба связала нас двадцать шесть лет назад.

...Кстати сказать, Никос Сидеропулос один из немногих московских греков, который был 30 апреля 2014 года — с художником Михаилом Багларидисом — на похоронах Анатолия... Спасибо, Никос, и за это, и за ценную информацию о 150-летию Хасаута и об Анатолии, которую прислала мне вчера Надежда Кузнецова-Шихиди, наша с Толей подруга, режиссёр театрально-массовых представлений и организатор его концертов.

Нина КРАСНОВА

29 декабря 2014 г.,

Москва

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ГОРОД РЯЗАНЬ

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН:

«...Я ЧУТЬ БЫЛО НЕ УЕХАЛ РАБОТАТЬ В РЯЗАНЬ...»

1.

Толя Шамардин, глядя на разные отрезки своей прошлой жизни и рассматривая свой пройденный путь и «этапы» своего «большого пути», много раз говорил мне:

— Я работал от Росконцерта в разных городах нашей страны, в Белгороде, в Смоленске, в Иванове, во Владимире, в Калуге, в областных филармониях... А в 1975 году чуть было не уехал работать в Рязань, в Рязанскую филармонию... Если бы я тогда приехал в Рязань, мы встретились бы и познакомились бы с тобой не в 1988 году, а на много лет раньше...

— Но в 1975 году я жила не в Рязани, а в Москве, училась в Литературном институте... Так что если бы ты уехал работать в Рязань, мы могли бы вообще никогда не встретиться с тобой.

— Ты училась в Москве, но ты же приезжала в Рязань к своей маме.

— Приезжала, но я не ходила на концерты в филармонию и никого из певцов Рязанской филармонии не знала. К тому же я тогда была замужем за студентом Литературного института. И он не дал бы мне познакомиться с тобой. Богу было угодно, чтобы мы познакомились с тобой в 1988 году на вечере Бокова...

2.

В Рязань мы с Толей Шамардиным стали ездить вдвоём с 1995 года, на Толиной машине, когда я уже отучилась в Литературном институте и прожила после этого в Рязани четырнадцать лет, а потом переехала жить в Москву и Толя написал целый букет песен на мои стихи. Мы ездили в гости к моей матушке и моей сестре и останавливались у них на улице Шевченко и общались с ними и с моими братьями и их семьями, они все любили Толю и как певца, и как моего самого близкого друга и человека.

И говорили:

— Лучше Толи Шамардина нет певцов во всей стране. У него рай-

ский голос... Ни одного певца нельзя сравнить с Толей. Хотя кто-то выступает по радио и по телевидению, а он не выступает там...

А моя матушка просто обожала Толю... и радовалась, что я в Москве не одинока, не одна-одинёшенька, что у меня есть такая опора и такой защитник и такой заботник, как Толя Шамардин, такой верный друг, посланный мне самим Господом Богом.

Мы с Толей ездили в Рязань раза два в год, и каждый раз выступали по Рязанскому радио. А когда я стала сотрудничать с «Нашей улицей», мы с ним возили в Рязань по целому багажнику журналов с моими публикациями и развозили их по библиотекам — дарили их областной библиотеке имени Горького, городской библиотеке имени Есенина, и литературному музею, и Рязанскому Союзу писателей, а когда ездили в Солотчу, то ещё и школьной Солотчинской библиотеке, и мои книги тоже... А когда я стала выпускать альманах «Эолова арфа», мы стали возить в Рязань и «Эолову арфу», не только с моими, но и с Толиными публикациями, и с публикациями рязанских авторов.

Заезжали мы и в мой старый двор на улице Революции (Соборной), где сохранился подвал, в котором я родилась и о котором сочинила поэму «Подвал», в форме венка сонетов. Она была напечатана в журнале «Дружба народов», с предисловием Владислава Залещука.

В 1995 году мы с Толей участвовали в Есенинском празднике, посвящённом 100-летию моего великого земляка, выступали в литературном музее... а потом ездили в Константиново.

Когда матушка и сестра умерли, в 2003 году, мы с Толей стали ездить в Рязань реже. Только тогда, когда рязанские писатели приглашали нас выступить в научной библиотеке, в Салтыковке (в доме Салтыкова-Щедрина), и мы выступали там, а останавливались мы уже в основном у своих литературных друзей, на улице Речников, у Лёши Бандорина и Людмилы Салтыковой. Один раз мы с Толей выступили на Рязанском телевидении, в литературно-музыкальной передаче, когда главой там стал артист Николай Царёв, которого я знала с 18 лет. Он был другом моей сестры. Жалко, что не уцелела видеозапись той передачи. Царёв сделал её (на моей видеокассете), на следующий день, а нам было некогда заехать за ней в редакцию, Толя спешил в Москву по какому-то делу, и мы уехали в Москву, а когда приехали в Рязань через какое-то время, Царёв работал уже не на телевидении, а где-то ещё, и наша видеозапись потерялась. Жалко, жалко... Ой, как жалко...

3.

В октябре 2014 года я приехала в Рязань одна, без Толи. Выступала на юбилейном вечере поэтессы Людмилы Салтыковой в библиотеке имени Горького. И сказала, что если бы Толя был жив, он приехал бы вместе со мной на вечер Людмилы и спел бы там свои песни. Но я привезла с собой его диски, и пусть его песни прозвучат на дисках. Он любил Рязань и рязанцев. И любил рязанский колорит в моих стихах, элементы простонародного рязанского языка, а ведь Анатолий был по своей первой профессии лингвист, преподавал в вузах немецкую стилистику и чувствовал языки, как никто из певцов и композиторов.

Если посмотреть, на какие мои стихи он сочинял музыку, какие стихи он выбирал для этого, то мы увидим, что это стихи с рязанским колоритом:

Мне приснился сон под пятницу:
Я надела «белу платьницу»
С вышивкой по рукавам...

Я стою не плачу при народе
Оттого, что он явился с Манею,
Уделяет ей «свою вниманию»...

Забудешь меня через несколько дней,
Другую укроешь своим «пальтом»
И будешь думать о ней да о ней,
Забудешь меня через несколько дней,
Но вспомнишь меня потом.

В рязанской простонародной речи нет существительных среднего рода, слова среднего рода употребляются в форме женского или мужского рода и склоняются как существительные женского или мужского рода: *платьница она моя* и так далее... Он был образованнейший человек, полиглот, читал перед сном книги на немецком языке, свободно говорил и пел и на немецком, и на греческом понтийском, который был для него родным по матери, и на итальянском... Но как же любил и чувствовал фольклорные черточки русского языка.

Покоряю всех подряд,
Никого не атакуя.
Трудно встретить, говорят,
Нынче женщину «такую».

Анатолий Шамардин для Рязани — свой человек. Он любил Рязань, и рязанцы любили и любят его. И поэтому я взяла с собой на вечер Людмилы Салтыковой диски с песнями Анатолия и прокрутила в зале библиотеки три его песни — «Сон под пятницу», «Селезень и уточка» и «Я не пью и не курю», и подпела ему, как делала это всегда раньше на наших концертах.

А потом поэтесса Лидия Терёхина пригласила меня и Людмилу Салтыкову и ещё — за компанию с нами — Олега Корниенко, писателя-поэта из Сызрани, к себе домой, и там мы за накрытым столом помянули Толечку и потом весь вечер заводили диски с его песнями и танцевали под них быстрые и медленные танцы, и наслаждались голосом и пением этого русского Орфея, этого «волшебника из Москвы» с ростовскими и греческими корнями... И у нас получился чудесный Шамардинский праздник, на котором, как нам казалось (а может быть, и не казалось) присутствовал и сам Толя Шамардин, его светлая душа, которая радовалась этому празднику вместе с нами.

*15 января 2015 г.,
Москва*

ПИСАТЕЛЬ ИЗ СЫЗРАНИ ОЛЕГ КОРНИЕНКО СТАЛ ПОЧИТАТЕЛЕМ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Из репортажа собкора по Самарской области Олега Корниенко (отрывки):

«В СТРАНЕ БЕРЁЗОВОГО СИТЦА...»

В октябре на родине Сергея Есенина в Рязани и в с. Константиново прошёл очередной Всероссийский Есенинский праздник поэзии «В стране берёзового ситца...», на котором Сызрань и Самарскую об-

ластную писательскую организацию представлял известный детский литератор, председатель «Содружества детских писателей» Олег Корниенко.

Праздник начался с поэтического митинга у известного памятника Сергею Есенину в Рязанском кремле, что на берегу реки Трубеж, и с возложения цветов к памятнику поэта. Заместитель министра культуры и туризма Рязанской области Марина Горожанова поздравила всех с праздником. После неё ведущий митинга поэт Евгений Артамонов приглашал к микрофону местных поэтов и гостей, и, что важно, литераторов всех творческих союзов. Особенно тепло рязанцы встречали свою землячку из Москвы — известную поэтессу, главного редактора альманаха «Эолова арфа» Нину Краснову. Нашлось в программе место и для Олега Корниенко. Он покориł рязанцев не только своими наградами на кителе, но и своими «вертолётными» стихами, а также призывом дружить областями.

(...)

Позднее, в библиотеке им. Горького, состоялся юбилейный вечер известной поэтессы и переводчика Людмилы Салтыковой, который открыла хозяйка Храма книги, Наталья Гришина. (...) К микрофону шли рязанские литераторы — коллеги юбиляриши по Российскому Союзу профессиональных литераторов (РСПЛ)... (...) Запомнилось выступление Нины Красновой, наполненное яркими стихами и песнями («Сон под пятницу», «Селезень и уточка», «Я не пью и не курю») на музыку талантливого, самобытного композитора, безвременно ушедшего от нас Анатолия Шамардина.

(...)

Прохладным субботним днем 5 октября писатель покидал гостеприимную Рязань с ее старинными ухоженными зданиями и чистыми улицами. За день до этого в Москву умчалась (гостья праздника) поэтесса Ольга Харламова, а завтра в столицу провожали Нину Краснову. (...) Много лет назад Корниенко очень хотел найти эту поэтессу, чьи стихи ему очень понравились. Но тщетно. Есенинский праздник помог ему встретиться с ней, и, как показала жизнь, поэзия Красновой стала еще талантливее, тоньше и загадочнее. Они обменялись на память адресами, номерами телефонов, и теперь в дорожной сумке Олега Ивановича, на самом верху лежал первый том её избранного «Тайна» с потрясающе-лестным для каждого пишущего автографом: «Символу литератур-

ной Сызрани, гостю Рязани, моему собрату по перу Олегу Корниенко и моему давнему почитателю, радуясь нашей встрече на Есенинском празднике и предпразднике и восхищаясь твоими книгами, выступлениями и тобой как человеком и всесторонне развитой творческой личностью, птицей высокого полёта («вертолётчиком»)! Нина Краснова, рязанка, живущая в Москве. 3.X.14. Рязань».

P.S.

Олег Корниенко потом прислал мне письмо, в котором написал: «Нина, я постараюсь написать об Анатолии Шамардине. Этот человек, возможно, через тебя и для меня дорог стал. Хотя мимо такого таланта, как он, разве можно пройти мимо и не заметить и не полюбить его? (...) Я, возможно, слышал Анатолия (по радио) и раньше. Но не знал... И рад, что теперь знаю и что у меня есть его диски с песнями, которые ты подарила мне...» — *Н.К.*

ГОСПОДЬ БОГ И ТОЛЯ ШАМАРДИН ПОМОГАЮТ МНЕ ЧЕРЕЗ ДОБРЫХ ЛЮДЕЙ

(Как поэтесса Ирина Алексеева помогла мне отвезти в Рязань
«Эолову арфу»)

...Когда у Толи Шамардина была машина, мы с ним регулярно — раза два в год — ездили в Рязань и возили туда, в багажнике и в салоне, журналы «Наша улица» и мои книги, а когда я стала выпускать альманах «Эолова арфа», в котором всегда присутствовали произведения рязанских авторов, то ещё и альманах, и развозили всё это по библиотекам и по другим культурным точкам. А в последние годы у Толи не было машины, он продал её, чтобы сделать себе зубы, которые нужны ему прежде всего как артисту, как певцу, как публичному человеку, и с которыми у него всегда была проблема, и частично подремонтировал их и собирался сделать себе имплантанты, чтобы уже не знать никакой проблемы с зубами. И мы перестали ездить в Рязань, потому что не на тележках же, не в сумках на колёсах, возить нам туда печатную продукцию. И этой печатной продукции у меня дома, в Перове, в моей однокомнатной хрущёвке, накопилось столько, что по квартире ни проехать, ни пройти нельзя было свободно. Приходилось ходить

по тропинкам между пачками тиражей, как в ущельях между скалами, которые к тому же иногда обваливались и падали...

В 2012 году я выпустила 5-й номер «Эоловой арфы», тиражом 700 экземпляров, из которых экземпляров 200 заказали себе рязанские авторы и всё собирались приехать ко мне в Москву и увезти их на своей машине, но так и не приехали и не увезли за два с лишним года. Взяли с презентации альманаха в ЦДЛде две пачки, потом ещё две, и всё. И ждали, когда мы с Толей привезём в Рязань остальное. А к 5-му номеру в 2013 году добавился 6-й, тиражом 1000 экземпляров. Караул! Хоть из дома беги и ночуй на лестничной площадке или на улице. А мои коллеги всё спрашивали меня, когда я выпущу 7-й номер, только не спрашивали, где мне размещать и хранить его у себя дома.

...26 апреля 2014 года Толя Шамардин ездил со своим приятелем смотреть по газетному объявлению «Из рук в руки» новую (старую, как и все прежние, какие были у него) машину... за 10 тысяч рублей.

— Толя, ты шутишь? Какую машину ты получишь за 10 тысяч рублей? Металлолом. Тебе ли это не знать, опытному водителю с тридцатилетним стажем? — сказала я ему, не понимая, шутит он или не шутит.

— Я сделаю себе инплантанты, а потом мы наберём денег на хорошую машинку... и купим хорошую машинку, да?

— Да. (Хорошую по сравнению с той, которую тебе предлагают за 10 тысяч рублей.)

— И наконец отвезём в Рязань «Эолову арфу» и немножко разгрузим твою квартиру от печатной продукции...

Часть моих тиражей он собирался перевезти к себе в свою новую квартиру в Ускове:

— У меня там больше простора, чем у тебя...

А 27 апреля Толя улетел к Богу в Рай. И ни инплантанты себе не сделал, ни машинку не купил... И ничего этого ему теперь не нужно.

...Без Толи у меня вся жизнь рухнула. И, как говорится, всё подворье рухнуло... И я не знала, что мне теперь делать и как быть без Толи. Я почувствовала себя одинокой. Такого верного и хорошего друга я лишилась, с которым шла по жизни плечом к плечу и поддержку которого чувствовала больше двадцати лет, с тех пор, как переехала из Рязани в Москву.

...24 сентября мне неожиданно позвонила поэтесса Ирина Алексеева и сказала, что завтра она, на своей машине, на которой летом помогла мне перевезти из Ускова, из новой квартирки Толи Шамардина, ко мне в Перово, то есть спасти и сохранить, кое-какие его вещи и архивы, едет в Рязань на конференцию, посвящённую другу Есенина Сергею Клычкову, и пригласила меня составить ей компанию. Но я сказала, что 1 октября еду в Рязань на юбилейный вечер рязанской поэтессы Людмилы Салтыковой и на праздник поэзии Есенина, и поэтому 25 сентября поехать в «страну берёзового ситца» не могу — это будет для меня чересчур много.

— Тогда я могу отвезти в Рязань твой альманах «Эолова арфа», который ты два года не можешь отвезти туда.

...Ну как после этого не верить в чудо?!

Не иначе, сам Господь Бог и Толя Шамардин позаботились обо мне и послали мне Ирину Алексееву, чтобы она сделала то, что собирался и не успел сделать Толя.

...Ирина Алексеева отвезла в Рязань 15 пачек 5-го номера «Эоловой арфы» и, как говорится, до кучи — ещё несколько пачек 3-го, 4-го и 6-го номера, прямо домой главе Рязанского Союза литераторов Алексею Бандорину и Людмиле Салтыковой, чтобы они раздали номера рязанским авторам...

Спасибо тебе, Боже, за то, что ты не даёшь мне упасть духом! Спасибо тебе, Толя Шамардин, за то, что ты не бросаешь меня, даже очутясь на том свете, и что ты на пару с Господом Богом помогаешь мне через добрых людей, через ту же Ирину Алексееву! И спасибо тебе, Ирина Алексеева, Ирочка, за то, что ты оказалась для меня настоящей подругой «в минуту жизни трудную»!

16 января 2015 г.,
Москва

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ФЕСТИВАЛЬ «НАЧАЛО» В СОЛОТЧЕ

Забегала я на днях в Союз писателей Москвы, чтобы взять там у Оли Головановой и успеть прочитать перед заседанием Приёмной комиссии книги авторов, желающих вступить в этот Союз. И столкнулась там с Лолой Звонарёвой, с которой давно не виделась, а по телефону последний раз разговаривала в мае, когда похоронила Толю Шамардина, и говорила я с ней тогда о Толе, который очень тепло относился к Лоле, как и она к нему. И сказала ей, что в газете «Слово» вышла моя некрологическая статья о нём, под которой стоят подписи его друзей, и подпись Лолы тоже. Лола тогда искренне пособлезновала мне и предложила напечатать статью о Толе ещё и в журнале «Литературные знакомцы». И теперь, когда мы увиделись с Лолой, она заговорила со мной не о ком-нибудь, а о Толе, обняла меня и сказала:

— Это такая невосполнимая потеря... Римма Казакова... Толя Шамардин... Душа-человек! И такой голос!..

Я сказала ей, что готовлю альманах «Эолова арфа», весь посвящённый Толе, и книгу, посвящённую ему. Она сказала, что напишет свои странички о нём:

— Как вы с ним приезжали в Солотчу, в детский лагерь, на фестиваль «Начало» (который под руководством Лолы Звонарёвой проводится там каждый год уже много лет подряд. — *Н. К.*)... Там все до сих пор вспоминают Толю... и тебя...

Мы ездили с Толей туда по приглашению Лолы всего один раз, в августе 2008 года (а Солотча — это же родина моей матушки!)... и целую неделю жили там в детском лагере... в сосновом бору, в дощатых дачках... просыпались рано утром, бежали на улицу умываться под ручкой-ручниками... шли на завтрак в столовую... и потом целый день до самой ночи занимались с ребятами десяти-пятнадцати лет. Я на пару с рязанской журналисткой Людмилой Гоенко вела литературный мастер-класс, а Толя вёл музыкальный мастер-класс... и всё это — не в помещениях, а под открытым небом, по-эпикурейски, на вольном воздухе, на скамеечках, под деревьями, около клумб с цветами. Толя и я, как и все ребята и как все участники праздника, носили синие трикотажные майки с белыми эмблемами «Начало» и красные пионерские

галстуки. И мы оба чувствовали себя одновременно и пионерами и пионервожатыми.

(А я когда-то, в 17 лет, и была в пионерлагере пионервожатой, и ещё руководительницей кукольного кружка и ставила с ребятами кукольные спектакли и сама тоже играла в этих спектаклях вместе с ребятами, но не в Солотче, а в деревне Ласково, которая тоже считается родиной моей матушки, как и вся мещёрская рязанская ветка.)

Нам с Толей очень понравилось в Солотче, в этом райском мещёрском уголке земли, откуда тянутся мои рязанские корни. Мы там и выступали, и в узком кругу организаторов фестиваля, и на сцене, перед ребятами. Я читала свои стихи, а он пел песни... и имел потрясающий успех! И всех покори́л и всех влюбил в себя! А приехали мы в Солотчу прямо из Москвы на машине, которая тогда была у Толи, кажется, на «Мазде»... На ней мы и уехали потом и думали, что ещё вернёмся в этот лагерь, но, увы, больше не вернулись, почему-то не смогли, я теперь уже не помню — почему, завертели́сь в водовороте своей жизни и в многочисленных культурных мероприятиях, хотя Лола потом опять не раз звала нас в Солотчу, на фестиваль «Начало». Там с нами были ещё и художница Наталья Баженова, и поэт Григорий Певцов, и рязанский радиожурналист Вячеслав Астафьев. Приезжал туда и поэт Геннадий Норд с сотрудником Рязанского департамента культуры Михаилом Крыловым и компанией, и рязанская поэтесса Людмила Салтыкова... А всё же мы с Толей пусть всего один раз, но побывали там, и нас из истории этого фестиваля, как и из истории Солотчи и всего рязанского края, не выкинешь и не вычеркнешь.

*14 ноября 2014 г.,
Москва*

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И СОЛОУХИНСКИЕ ПРАЗДНИКИ В СЕЛЕ АЛЕПИНЕ ВЛАДИМИРСКОЙ ОБЛАСТИ

4.08.2014. (Из фейсбука Нины Красновой)

1.

В прошлом году (в 2013-м), как и два раза до этого, со мной на Солоухинские чтения в Олепино ездил Анатолий Шамардин, который был знаком с Владимиром Алексеевичем и которого тот очень ценил как певца, за его голос неземной красоты и за русские романсы, и как композитора — за его песни на мои стихи, которые я успела прокрутить и подарить ему (на кассете «Время нежностей»).

В 1997 году мы с Толей были в Храме Христа Спасителя на отпевании Солоухина. Стояли в очереди за свечками рядом с Солженицыным, который стоял прямо за мной. И, кстати сказать, потом по ТВ из всех, кто присутствовал на отпевании, из огромного количества людей, нас троих показали крупным планом, хотя мы все во время этой церемонии уже находились в разных концах Храма. Что Солженицына показали, этому мы не удивились. Он — прославленный писатель, медийный человек. А что показали меня и Толю, это нас очень удивило. Наверное, наши с ним лица произвели впечатление на оператора и режиссёра. У меня было сдержанно плачущее выражение лица, с глазами, о которых говорят, что они на мокром месте, и слёзы катились по щекам, а само лицо было бледное-бледное. А у Толи было очень скорбное выражение лица, а само лицо, узкое, смуглое, как на иконах Феофана Грека, чем-то напоминало лик Христа.

2.

Отрывок из моего репортажа о Солоухинском празднике 2013 года:
...Анатолий Шамардин, знавший Владимира Солоухина лично, познакомившийся с ним в 1964 году, во Владимире, будучи тогда преподавателем иностранных языков в пединституте, а потом солистом Владимирской филармонии, рассказал (на Солоухинском празднике 2013 года) о своих встречах с Солоухиным и во Владимире, где они оба бывали в гостях у своих общих друзей, и потом в Москве, где Шамардин какое-то время работал в ресторане «Москва» и куда Солоу-

хин приходил со своими друзьями специально, чтобы послушать русские романсы в исполнении Шамардина. Солоухину очень нравились и песни Шамардина на стихи Нины Красновой. Две из них, любимые песни Солоухина, Шамардин спел на празднике в Алепине: сначала — хороводную «Сон под пятницу», где героиня вместо брюк надевает «белу платицу с вышивкой по рукавам», чтобы «стать милее» предмету своего сердца, а потом — темповую, заводную песню «Россиянка» («Я не пью и не курю»), героиня которой, как и сама Нина Краснова и, как, кстати, и сам Анатолий Шамардин, не пьёт и не курит, что сейчас для россиянок и для россиян — редкость. И прочитал маленькую лекцию о вреде курения, которое сокращает жизнь курильщиков и окружающих их людей минимум на тридцать лет, и призвал всех к здоровому образу жизни, чтобы народ России был здоровым и сильным».

...Я тогда сфотографировала Толю на сцене, на фоне дома Владимира Солоухина... и потом ещё около самого дома... и потом на званом обеде в Собинке. И как же дороги мне теперь эти фотографии: Анатолий Шамардин — на родине Владимира Солоухина!

3.

А в этом году (в 2014-м) я ездила на Солоухинские чтения, посвящённые 90-летию со дня рождения Владимира Солоухина, одна... не одна, а, как всегда, со специальным автобусом в 50 человек, но без Толи Шамардина. И он уже не пел наших с ним песен на этом празднике. Я подарила Розе Лаврентьевне Солоухиной и её дочкам Ольге и Елене диски с песнями Толи «Сон под пятницу» и «Золотые шлягеры народов мира» и газеты со статьями о нём, и Владимиру Крупину, и Нине Карташовой, и Михаилу Мендоса-Бландону. А за трапезой в кафе «Золотая Рыбка», когда Михаил Мендоса-Бландон предложил помянуть всех участников праздника, которые ушли от нас в мир иной, помянула вместе со всеми Толю Шамардина и выпила за него со своими соседями по застолью красное вино.

А на обратном пути в Москву, в автобусе, Нина Карташова попросила меня сказать что-то по свободному микрофону и спеть свои частушки (она давала этот микрофон всем желающим), и, хотя мне не хотелось выступать, а тем более петь частушки, потому что настроение у меня было грустное, я взяла микрофон и выступила, рассказала автобусу об Анатолии Шамардине, всем, кто знал, и всем, кто не знал

его, но пусть теперь знает, и спела и прочитала несколько своих весёлых, хулиганских частушек, которые стала сочинять под влиянием рязанского фольклора, под влиянием моей матушки, рязанской частушечницы, и под влиянием поэта-фронтовика Николая Старшинова и которые Толя Шамардин любил и пел и даже записал на диск под музыкальный аккомпанемент и которые, кстати сказать, любил и Владимир Солоухин...

Мужики перепились,
Принялись резвиться,
В вытрезвитель приплелись,
Чтобы протрезвиться.

Я в стогу с одной бабенью
Занимался полюбенью.
Надоела мне бабень
И с бабенью полюбень.

Сашка ростом выше Нинки,
Он по пояс — в облаках.
Нинка Сашке до ширинки
Достаёт на каблуках.

И ещё я прочитала четыре свои строчки, посвящённые Толе:

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

«Пассажиры», участники Солоухинских чтений, поэты, писатели, литературоведы, профессора, артисты, музыканты, певцы и певицы, бурно аплодировали мне! А Толя Шамардин, сидя на небесах, я думаю, был рад, что праздник всё же не обошёлся без него.

Из статьи Нины Красновой для Экслибриса «Независимой газеты»

XVII СОЛОУХИНСКИЕ ЧТЕНИЯ ОКОЛО РАЗРУШАЮЩЕЙСЯ ЦЕРКВИ В АЛЕПИНЕ (90-летие со дня рождения Владимира Солоухина)

В этом году Солоухинские чтения на родине Владимира Солоухина в селе Алепине Владимирской области были посвящены 90-летию со дня рождения этого великого русского писателя. И начались они с панихиды у его могилы, с заупокойной молитвы, которую совершили священники во главе с владыкой, митрополитом Евлогием. А затем, по сложившейся традиции, на импровизированной сцене около дома юбиляра, украшенной букетами местных луговых цветов, пижмы, сурепки, куриной слепоты, люпина, и застеленной ковром и укрытой от солнца надувной резиновой крышей, состоялся концерт с участием гостей из Москвы и местных поэтов, писателей, артистов.

Открыл праздник Президент Благотворительного Фонда «Энциклопедия Серафима Саровского» Михаил Орландович Мендоса-Бландон, «русский патриот с нерусской фамилией», как он сам себя называет с улыбкой. (...) «Солоухин — это русский мир», — сказал он.

Писатель Владимир Крупин высказал мечту Владимира Солоухина о том, чтобы в Алепине был возрождён храм, Свято-Покровская церковь: «Рядом с домом Владимира Солоухина, рядом с нами стоит разрушающийся храм. Он погибает. И, глядя на него, у меня и у всех сердце болит...» (...)

Отец Виктор Благодичный выступил от группы священников:

«Наш владыка, митрополит Евлогий после богослужения собрал всех нас и (...) предложил нам прямо здесь объявить сбор пожертвованных на восстановление Свято-Покровского храма в Алепине и первый положил на тарелку своё пожертвование. И мы, священнослужители, вслед за владыкой уже тоже положили туда свой взнос...» (Отец дьякон прошёл с тарелкой по рядам, и все гости и участники праздника положили на тарелку свои пожертвования, в том числе — одна из первых — и я. — *Н. К.*)

Поэтесса Нина Краснова, ученица Солоухина, сказала, что «Солоухину сейчас было бы 90 лет, и он мог бы жить и сейчас, живёт же тёща Владимира Крупина, которой 96 лет, дай Бог ей здоровья. Но и Солоухин живёт... и, слава Богу, его жена Роза Лаврентьевна, которой 89 лет, пребывает в силе и здравии, и их дочери, Ольга и Елена, и их дети, все они присутствуют на празднике. Владимир Солоухин писал о том, что кем бы ни был по своей профессии человек, но если он считает себя русским человеком, он должен знать главные святыни России — Троицу Рублёва, церковь Покрова-на-Нерли... Михайловское, Константиново. А теперь такой святыней для нас стала и родина Солоухина — село Алепино. И как радостно и приятно видеть, что отчий дом писателя подреставрирован немножко, и что здесь появился новый палисадничек, а около церкви возник памятник павшим героям... Как говорится, дело осталось за малым — восстановить церковь в селе. Уж если мы такой храм, как Храм Христа Спасителя, смогли поднять, то и Свято-Покровскую церковь в Алепине поднимем. Мышка собирает зёрнышко по зёрнышку, а мы копеечка по копеечке соберём всем миром деньги на церковь в Алепине и восстановим её. Солоухин мечтал об этом».

Выступали на празднике и певцы — солист Большого театра Николай Семёнов, заслуженные артистки России Елена Баженова, Галина Митрофанова, Татьяна Филимонова, народная артистка России Людмила Сафонова, и дуэт гитаристов — отец и сын Юрий и Евгений Клепаловы, и поэтесса и редактор книг Солоухина Людмила Барыкина, и писатель Василий Дворцов, и поэт Юрий Баранов, и профессор Владислав Быстров, и владимирский писатель, председатель Солоухинского культурного Центра Николай Лалакин, и владимирский певец Виктор Чаузов, он спел песню суздальского композитора Владимира Карпова на стихи Владимира Солоухина «Захотелось быть», и мастер художественного слова артист Виктор Золотанов, он прочитал отрывок из «Тараса Бульбы» Гоголя: «Пусть красуется вечно любимая Христом русская земля...».

А вела программу праздника, как всегда, поэтесса Нина Карташова, и, как всегда, делала это блистательно, и читала стихи Владимира Солоухина... (...)

Затем в кафе «Золотая рыбка» состоялась трапеза, на которой все

почтили память не только юбиляра, но и тех, кто ездил в Алепино на его праздники и недавно ушёл в мир иной: и писателя Семёна Шуртакова; и автора мемуаров о Солоухине Юрия Емельяненко; и составителя книг о Солоухине Владимира Афанасьева; и альпиниста и орнитолога Александра Кузнецова; и общественного деятеля Наталью Зуеву; и старейшую учительницу Марию Пчелинцеву; и певца и композитора Анатолия Шамардина. И помолились о них «Упокой, Господи, души их... Царствие им Небесное!» — И выпили за них церковного вина — кагора. Причём Михаил Мендоса-Бландон сказал, что в нарушение сложившейся традиции, можно даже и чокнуться рюмками, потому что «православные люди у Бога все живы!»

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Нина Краснова (в ответ на обращение Ольги Солоухиной и Владимира Крупина о восстановлении Храма на родине Владимира Солоухина в селе Алепине Владимирской области): Восстановление Храма в Алепине — это благое дело. И это мечта самого Владимира Солоухина. И я внесу свою лепту в восстановление Храма. Я внесу ее и за себя. И за упокоившегося песнопевца Анатолия Шамардина, который любил Владимира Солоухина, дружил с ним и выступал в Алепине на Солоухинских чтениях!

11 декабря 2014 г.

Ольга Солоухина: Ниночка, спасибо тебе огромное. Ты нам родной человек. А твои рассказы про Анатолия Шамардина я читаю с такой грустью. Пусть земля ему будет пухом.

Нина Краснова: Спасибо тебе, Оленька, за твои добрые слова об Анатолии Шамардине. Он всегда восхищался тобой! Говорил: Оленька Солоухина — красавица и умница! 11 декабря 2014 г.

Нина Краснова: Олечка! Для меня ты и Роза Лаврентьевна, и вся ваша разветвленная семья — родные, дорогие люди, как и Владимир Алексеевич, которого я считаю своим литературным отцом! Поэтому я с радостью буду участвовать в восстановлении Храма в Алепине! И да поможет нам Господь! Анатолий Шамардин тоже считал, что надо восстановить церковь в Алепине. И, кстати сказать, он же был со мной в Храме Христа Спасителя на отпевании Владимира Алексеевича. И до того скорбное и грустное у Толи было лицо, что операторы выхватили его из тысяч лиц и показали по ТВ в сюжете об отпевании Владимира Солоухина.

Царствие Небесное Владимиру Солоухину!

И Царствие Небесное Анатолию Шамардину!

Ольга Солоухина: Да, такие люди ушли! Царствие небесное! А нам — Бог в помощь! Я верю, что все получится. Нам будут помогать и папа, и Анатолий Шамардин. Я в это очень верю! Спасибо тебе, Ниночка.

Нина Краснова: Да, Оленька, я в этом нисколько не сомневаюсь и тоже, как ты, верю, что всё у нас получится! И нам будут помогать и сам Владимир Солоухин, твой папа, и Божий человек, песнопевец с ангельским голосом и чистой душой Толя Шамардин, и сам Господь Бог, и все Силы Небесные!!! 11 декабря 2014 г.

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И НЕКРАСОВСКИЕ ПРАЗДНИКИ В ЯРОСЛАВСКОЙ ОБЛАСТИ

НЕКРАСОВСКИЙ ПРАЗДНИК В КАРАБИХЕ 2008 ГОДА

Опубликовано 18.07.2008 01:00

Просмотров: 8146

(Репортаж)

«Гости съезжались», но не «на дачу», как у классика, а в музей-усадьбу «Карабиха», на очередной Некрасовский праздник. Съезжались из разных мест. Кто из близлежащего Ярославля, кто из Тулы, кто из Владимира, кто из Рязани, кто из Санкт-Петербурга, кто из других городов России, кто-то из-за рубежа. Из Москвы прибыла делегация журнала «Юность»: критик и литературовед Лев Аннинский, поэт Владимир Костров, главный редактор «Юности» поэт Валерий Дударев, член редколлегии поэт Ярослав Литвиненко, поэтесса Нина Краснова, прозаик Юрий Блинов, музыкант Татьяна Прокопец, певец и композитор Анатолий Шамардин. Был и всеми желанный гость — актёр Театра на Таганке Валерий Золотухин, который ради этого отложил киносъёмки в новом фильме.

Открытие праздника состоялось под небом ясным и высоким, без единого облачка, без единой тучки. На эстрадной дощатой площадке с классическим портретом Некрасова во всю стену, под навесом, перед зрителями, сидящими на серых деревянных скамейках, выступили со своими проникновенными словами о Некрасове представители администрации города и области, директор Департамента культуры Лариса Сорокина, директор усадьбы-музея Андрей Ивушкин, глава Ярославского союза писателей Герберт Кемоклидзе, профессор Московского Университета МВД России Владимир Некрасов и другие гости.

О Волга! Колыбель моя!

Любил ли кто тебя, как я?

Кто не знает этих стихов Некрасова! Родился Некрасов в 1821 году под Ярославлем, на Волге, в селе Грешневе, которое принадлежало отцу поэта, помещику. Своё первое четверостишие сочинил в 1828 году, се-

милетним мальчиком. Усадьбу «Карабиха», которая находится в 15 километрах от Ярославля, купил в 1863 году, провёл там десять летних сезонов, написал много стихов, поэму «Мороз, Красный Нос», «Орину, мать солдатскую», задумал поэму «Кому на Руси жить хорошо» и работал над нею, здесь же он работал над номерами журнала «Современник», здесь и отдыхал в кругу своих родных.

Сотрудницы музея-усадьбы «Карабиха», заместитель директора, куратор праздника Татьяна Полежаева и её коллеги в длинных нарядах светских дам, с причёсками-буклями встречали своих гостей, словно родные и близкие поэта, которые до сих пор живут в этой усадьбе. Они угостили нас черносливовой наливкой, которую поднесли в маленьких рюмочках темного стекла, на круглом медном подносыке. Устроили викторину по стихам поэта, разыграли по ролям сценки, основанные на сюжетах из жизни обитателей усадьбы, а потом затеяли бал, с полонезами и вальсами, в который вовлекли тех, кого могли и кто этого захотел. А потом пригласили всех на званый обед, за сервированные столы с букетами гвоздики и резеды в белых вазах.

Карабиха — святое место, озарённое поэзией Некрасова, красотой этой поэзии и овеванное духом великого поэта.

Бродя с экскурсоводами по залам и комнатам дома-музея, этого дворянского гнезда с его убранством и атмосферой XIX века, и по территории усадьбы, среди берёз, лип, тополей и кедров, по Верхнему и Нижнему французскому парку, по Фиалковой горе, или около пруда, в котором раньше плавала форель, или у каскада «Гремиха» с чистой водой, посетители могут подумать: «Кому на Руси жилось хорошо? Да самому Некрасову! Вот кому!»

Но не может великому поэту (ни в старые, ни в новые времена) житься хорошо, если его народу живётся плохо или не очень хорошо. (К тому же в молодые годы поэт и сам испытал бедность и нужду, лишившись покровительства своего крутого и грозного отца и его материальной поддержки, и по себе знал, что это такое.) Душа поэта, «печальника народного», болела о народе, о тяжелой русской доле, что и проявилось в его творчестве. Об этом и сказал со сцены Лев Аннинский. И прочитал некрасовское стихотворение, которое когда-то потрясло его. О том, как отец, который ругал и проклинал своего маленького сыночка и говорил ему: чтоб ты лопнул и чтоб ты сдох, теперь несёт по улице, под мышкой гробик с его трупиком и плачет. «Это сти-

хотворение о том, как мы проклинаяем то, о чём потом плачем», — сказал Лев Аннинский, вкладывая в свои слова глубокий подтекст.

Валерий Золотухин сказал, что никто не написал о тяжелой русской доле так, как Некрасов, и особенно о тяжелой женской доле, и никто так не воспел простую русскую женщину, крестьянку, как он. «Коня на скаку остановит, в горящую избу войдет!» Валерий Золотухин мастерски, с чувством, с толком, с пронзительным внутренним трепетом, так, что у всех мороз пошёл по коже, прочитал отрывок из поэмы «Мороз, Красный Нос», который заканчивается строкой «Здесь одни только камни не плачут», потом — стихотворение Пушкина «О чём шумите вы, народные витии», а потом спел песню Александра Морозова «Покаяние», не на стихи Некрасова, но созвучные им, от которой камни могут заплакать и от которой зрители и заплакали.

Владимир Костров сказал, что у Некрасова были очень горькие стихи, но есть и очень весёлые и очень ироничные. Например, о «старце», который жил в селе и «чудным пением пленял сердца народные» и захотел научить красных девок петь песни, и что из этого получилось:

Всю зиму девки красные
С ним в риге запиралися.
Оттуда пенье слышалось,
Но чаще — визг и смех.
И что же с ними сталося?
Он петь-то их не выучил,
Но перепортил всех.

Нина Краснова передала зрителям поклон от своих земляков из Рязани, с земли Есенина, который испытал на себе влияние Некрасова, как и многие русские поэты, и прочитала своё стихотворение «О бедном мужике и добрых людях», которое написалось у неё под влиянием Некрасова. А потом спела свои вольные частушки. Некрасов не сочинял частушек, но элементы этого жанра, который возник и сложился как жанр только в середине XIX века, у него есть, например, в стихах «про дядюшку Якова», у которого «про баб товару всякого». Пела она «а капелла» и публика аккомпанировала ей ритмичным хлопанием в ладоши.

Валерий Дударев рассказал зрителям о журнале «Юность», в ко-

тором живут традиции русской поэзии, Некрасова, Блока, Есенина, Рубцова, прочитал свои стихи как наглядное подтверждение этого и предоставил слово молодому поэту Ярославу Литвиненко и прозаику с Урала Юрию Блинову, которые тоже не ударили в грязь лицом.

Анатолий Шамардин спел свои романсы и песни на стихи Валерия Дударева и Нины Красновой, по духу близкие поэзии Некрасова, под которые публика пошла в пляс, прямо на травяной площадке между сценой и рядами скамеек и между скамейками, а потом спел песню на стихи Некрасова «Что ты жадно глядишь на дорогу»:

Что ты жадно глядишь на дорогу
В стороне от весёлых подруг?
Знать, забило сердечко тревогу.
Всё лицо твоё вспыхнуло вдруг...

Владимир Костров подпел ему, и они спели её дуэтом, без репетиции. А зрители подтянули им обоим.

Директор «Карабихи» Андрей Ивушкин преподнёс каждому из гостей роскошный том Некрасова «Да, только здесь могу я быть поэтом!..» — «Избранное», выпущенное ярославским издательством «Верхняя Волга» при содействии Комитета РФ по печати, со стихами и поэмами поэта, с его фотографиями и автолитографиями, с портретами, выполненными маслом, карандашом, акварелью, с выдержками из его писем и воспоминаниями современников о нём, с перечнем фактов его биографии и с изумительной художественно-аналитической статьёй Николая Пайкова «Корни и ветки», который и составил этот том, включив туда не только широкоизвестные, но и малоизвестные произведения поэта.

Праздник получился на славу! И погода стояла прекрасная. Пока не хлынул дождь, а потом проливной ливень, по примете Валерия Золотухина, который сказал: «Каждый раз, когда я поднимаюсь на сцену, под навес, чтобы выступить, начинается дождь». Но дождь не испортил праздника и не разогнал публику. Наоборот — поднял настроение у людей на новый высокий уровень, как воду в шлюзах Рыбинского водохранилища. К тому же, по народной примете и по наблюдениям френологов, дождь и ливень во время важного мероприятия — это всегда к добру, а не к худу.

Не обошлось на празднике и без маленького эксцесса: Нина Краснова записывала речи участников праздника на диктофон, а потом по рассеянности оставила этот диктофон на скамейке и спохватилась только в шатре, раскинутом в Верхнем парке на лужайке, где праздниковцы спасались от дождя и трапезничали, и испугалась, что он теперь не найдется. Но Герберт Кемоклидзе успокоил поэтессу и сказал ей: «У нас в Ярославле ничего не пропадает и ничего не теряется». А научный сотрудник «Карабихи», специалист по Некрасову Григорий Красильников и не «ярославские ребята» из «Юности», Валерий Дударев и Ярослав Литвиненко, демонстрируя неустарелость и актуальность старого лозунга «В жизни всегда есть место подвигу!», ринулись из шатра под ливень и разыскали диктофон. Его бережно спрятали от мокрых струй и вручили «ребятам» в целостности и невредимости зрители, поклонники Валерия Золотухина, которые за час до этого взяли у него автографы на... десятирублёвые купюры, за отсутствием листочков бумаги. И таким образом не пропала для истории стенограмма праздника.

В завершение всего, на следующий день, гости из Москвы прогулялись пешком, под дождичком и под зонтами, по историческому центру Ярославля, побывали в Спасо-Преображенском монастыре... в музее Ярославля... встретила с местными поэтами, среди которых есть участники форума молодых писателей в Липках под Москвой, а потом откушали щей, бифштексов и пирогов с яйцом и капустой в кафе «Босфор» (некоторые раньше никогда не были в «Босфоре», как Есенин на Босфоре). И... искупнулись в притоке Волги — Которосли, около гостиницы «Юбилейная», в которой поселились на время праздника и из окон которой была видна эта река, и омылись водами Которосли, как водой Иордана, приняли крещение Некрасовым.

9–11 июля 2008 г.,

Москва.

Фото автора.

Газета «Слово», 2008 г.

«Независимая газета», Ex libris, 2008 (в сокращении).

P.S.

Я не написала здесь, что в Карабихе после объявленной программы праздника состоялся — уже ближе к вечеру — сольный концерт Анатолия Шамардина на площадке перед усадьбой Некрасова и перед

толпами гостей праздника, которые прибывали и прибывали туда и не расходился до самого окончания концерта, замороженные голо-сом песнопевца, и танцевали под его песни, причем танцевали даже маленькие двухлетние девочки, кружась около певца, как ангелочки, и даже один парень с нарушенной координацией (больной полиомелитом?), блаженный, вышел плясать, а дамы так и рвались станцевать вместе с Анатолием, чтобы при этом еще и обнять его и прижаться к нему... В концерте принял участие и ярославский ансамбль «Бирюзовые колечки», который, оказывается, уже много лет поёт песни Анатолия Шамардина, а Анатолий и не знал об этом. — Н. К. 1.02.2015.

НЕКРАСОВСКИЙ ПРАЗДНИК В КАРАБИХЕ 2013 ГОДА

(Отрывки из репортажа Нины Красновой о 4-м Некрасовском празднике 2013 г.)

46-й Некрасовский праздник поэзии прошёл на ярославской земле. И начался он с традиционного возложения цветов к памятнику Николаю Некрасову в Ярославле на берегу реки Волги. В этой торжественной церемонии приняли участие местные поэты и писатели и гости из Москвы.

Затем праздник продолжился в Карабихе, где он тоже начался с возложения цветов к памятнику Некрасову на парадном дворе музея-усадьбы. Прелестные девушки в русских национальных костюмах встретили гостей и участников праздника хлебом-солью и величальной песней. Поэт Евгений Гусев, участник 30-ти Некрасовских праздников, с воодушевлением прочитал свои стихи «Некрасов. Поэзия. Волга». (...)

Народу в Карабихе собралось видимо-невидимо. Погода была чудесная, как по заказу метеорологов. Солнышко сияло на ярко-голубом безоблачном и бессмоговом небе, птички пели на раритетных деревьях, на липах, дубах и кедрах, перелетая с дерева на дерево и с ветки на ветку и рассматривая «гостей со всех волостей».

На территории музея-усадьбы всю работала ярмарка народных ремесел, где каких только товаров не было, как в песне «Коробейники»... здесь тебе и свистульки, и тряпичные куколочки, и расшитые полотенца и столешники, и шляпки, и картузы, и косынки, и бусы и брошки,

и зеркальца, и расчески и гребни, и расписные шкатулочки, и плетеные корзиночки, и даже... батарейки «дюрасел» к диктофонам (их-то автор этих строк и купил для своего диктофона, чтобы зафиксировать праздник на аудиокассету).

Главная тема 46-й Некрасовского праздника называлась «Ключи от счастья женского» и была посвящена русской женщине-труженице, матери, хранительнице домашнего очага, воспетой Некрасовым в поэмах «Мороз Красный Нос», «Кому на Руси жить хорошо» и в стихах. А эпицентром праздника, как всегда, была площадка с эстрадой и со скамейками, на которых не было ни одного свободного места.

Программа праздника состояла из официальной части и из неофициальной.

В официальной части праздника выступили официальные лица, со своими совсем неофициозными словами любви к Некрасову, и поприветствовали всех гостей и участников праздника: директор музея-заповедника Николая Некрасова в Карабихе Андрей ИВУШКИН, заместитель директора, куратор праздника Татьяна ПОЛЕЖАЕВА, председатель городской Ярославской Думы Илья ОСИПОВ, и.о. директора департамента культуры Ярославской области Марина ВАСИЛЬЕВА, глава Ярославского муниципального района Татьяна ХОХЛОВА, сопредседатель Некрасовского комитета Союза писателей России Владимир СТЕПАНОВ, лауреат Некрасовского праздника поэт Василий ЛЕОНОВ, главный редактор журнала «Юность» поэт Валерий ДУДАРЕВ, председатель Ярославского отделения СП России Герберт КЕМОКЛИДЗЕ... (...)

Потом началась неофициальная часть 46-го Некрасовского праздника, зрители увидели большую программу на тему «Ключи от счастья женского», по страницам и по мотивам поэмы Некрасова «Кому на Руси жить хорошо», литературно-музыкальную композицию «Бабы притча» с участием актрисы театра на Малой Бронной Юлии КАЗАКОВОЙ и ярославских актёров из разных ярославских театров и с участием оркестра народных инструментов Ростовского муниципального района под управлением художественного руководителя и дирижёра Игоря ШЕВЧЕНКО.

На эстраде и на площадке перед эстрадой возникли живые некрасовские персонажи, бородатые мужики и молодые парни в «полосатых рубахах всех цветов» и в полосатых портках, бабы и девки в пёстрых

платках, в плисовых жакетках, в кофтах с вышитыми рукавами и в ярких сарафанах и в понёвах, и «красавицы, одетые по-столичному», и «старуха старая, рябая, одноглазая»... и как пошли они все плясать да старинные песни петь да разыгрывать жанровые сценки из своей жизни да читать стихи Некрасова:

«Хорошо, светло в мире Божием», «Толпа без красных девушек — что рожь без васильков»... «Ой, свивала я веночек, Приходил ко мне дружочек», «Полно горевать, пойду на улицу гулять»...

Живая Россия XIX века со всем ее колоритом, со всеми ее радостями и горестями пришла из поэмы Некрасова на сцену, и поэзия Некрасова по-новому раскрылась перед зрителями и явила себя во всей своей народной силе, мощи и красоте и наполнила этой силой, мощью и красотой душу каждого зрителя. И все почувствовали: да, Некрасов — это поистине народный поэт, «печальник народный», каких у нас не было ни до него, ни после, он в своем творчестве сохранил для истории — на все времена! — Россию своего времени и сделал ее бессмертной. Честь и слава и хвала ему!

Зрители «получили большое удовольствие» от этой программы и горячо благодарили за неё и её участников, и её сценаристку Татьяну ПОЛЕЖАЕВУ, и режиссёра Андрея ЗУБКОВА, доцента Ярославского театрального института, и аплодировали им, отбивая все свои ладоши!

Не скудеет и да не оскудеет ярославская земля и Россия своими талантами!

Народный артист России, лауреат Государственной премии Аристарх ЛИВАНОВ сказал, что Некрасовский праздник — «это народный праздник» (...) и прочитал наизусть стихотворение Некрасова «Есть женщины в русских селеньях» и спел несколько песен из своего репертуара, «Виноградную косточку в землю зарю...» (...) и русскую народную песню «Как служил солдат...» и еще несколько песен.

А певец из Нижнего Новгорода Андрей САВЕЛЬЕВ спел несколько русских народных песен, которые гармонично вписались в тему и в стиль праздника, — «Кабы мы любили да не разлюблили», «Выйду на улицу, гляну на село», «Ямщик, не гони лошадей», «Калинка-малинка», «Дорогой длинною» и песню на стихи Некрасова «Коробейники» (...).

Потом «под сенью муз» выступили литературные гости из Москвы, поэты, прозаики, критики: Андрей ТУРКОВ, Валерий ДУДАРЕВ,

Игорь МИХАЙЛОВ, Нина КРАСНОВА, Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ, Юрий ЮРЧЕНКО, Василий ЛЕОНОВ, Мариам КАБАШИЛОВА, Анатолий ШАМАРДИН.

Критик, литературовед, участник Великой Отечественной войны, лауреат премии правительства России в области культуры, автор книг о творчестве Блока, Твардовского и т. д. Андрей ТУРКОВ сказал:

«Не так проста была жизнь поэта Некрасова, какую она кому-то может показаться (...)... И не так проста судьба поэзии Некрасова...» (...)

Поэт, драматург, актёр, член Союза российских писателей, автор нескольких пьес, которые идут в Германии, Франции, в Украине и России Юрий ЮРЧЕНКО (он уже 20 лет живёт в Париже и приехал в Карабаху оттуда, а не только из Москвы) сказал:

(...) «Некрасов — великий лирик (как все великие русские поэты). И его стихи о русской женщине — они не только о русской женщине, а вообще о женщине. Время изменилось, и тема женщины и тема любви к женщине раздвинула свои рамки...» (...) Юрий Юрченко прочитал два своих стихотворения: «Где ж вы раньше были, гады (те, кем любовь внесена в реестр заболеваний. — Н. К)? Я б всю жизнь пробюллетенил...» и «Как я любил тебя, Черкешенка моя...»

Поэт Виктор ПЕЛЕНЯГРЭ, основатель Ордена куртуазных маньеристов, член Союза российских писателей, автор суперхитов Лаймы Вайкуле, Николая Баскова и других популярных певцов (...) высказал свои интересные, оригинальные суждения о поэзии Некрасова и сказал, что это «великий поэт», и процитировал его стихи «О Муза! Я у двери гроба...»... (...) а потом спел песню на свои стихи «Как упоительны в России вечера...» (под минусовку). Причем песню про упоительные вечера он посвятил Карабаху, изменив в одном куплете рефренную строку на строку «Как упоительны в Карабаху вечера», чем привёл публику в восторг.

Поэт Валерий ДУДАРЕВ:

(...) У нас здесь ещё есть человек с удивительной судьбой, заслуженный артист России, солист оркестра Леонида Утесова Анатолий Шамардин. Утесов сам лично принимал его к себе в оркестр. Толя не только великолепно поет, но и великолепно пишет песни на стихи авторов «Юности». Он поет их для вас. (...)

А ещё с нами сюда приехала поэтесса Нина Краснова. Она принцесса поэзии «Московского комсомольца» — не помню, какого года, она — постоянная принцесса. И вообще — это удивительная поэтесса, землячка Есенина, которая чувствует родную землю, потому что, как писал Есенин, если ты не любишь родину, тогда никогда не будешь поэтом. Вот Нина Краснова она вышла из Рязани. И вот она перед вами — «россиянка» из песни Анатолия Шамардина «Россиянка»!

Поэтесса Нина КРАСНОВА:

«Сюда, на Некрасовский праздник в Карабаху я приехала первый раз в 2008 году, с группой журнала «Юность» во главе с Валерием Дударевым, как и сейчас. И тогда я первый раз прошлась по этой земле и как-то особенно глубоко прониклась поэзией Некрасова, которую знала с детства и которая оказала на меня своё влияние, как и поэзия Есенина, на которого поэзия Некрасова тоже оказала своё влияние, как и на всю русскую поэзию...» (...)

Заместитель главного редактора журнала «Юность» писатель, критик Игорь МИХАЙЛОВ (...) объявил лауреатку приза лучшей поэтессы Ярославля «Есть женщины в русских селеньях» — Любовь НОВИКОВУ. Та прочитала свои стихи.

Самая молодая из поэтесс, присутствующих на Некрасовском празднике, Мариам КАБАШИЛОВА (...) прочитала одно своё стихотворение (...):

И было настоящим чудом —
Что чудо не происходило.

Солист оркестра Леонида Утёсова, певец и композитор Анатолий ШАМАРДИН, который приезжает в Карабаху третий раз и каждый раз выступает там с большим успехом, обретая новых поклонников и поклонниц, спел — в интервалах между поэтами — несколько песен на стихи авторов журнала «Юность» — «Жёлтые заборчики» на стихи Валерия Дударева, и три песни на стихи Нины Красновой — «Сон под пятницу», «Вечер в клубе» и «Россиянка», или «Я не пью и не курю». И произошло чудо! Под эту весёлую, с переливами гармошки, темповую песню ярославские зрители, в основном зрительницы в годах, дамы бальзаковского возраста, и даже и старые старушки, повскакивали со своих мест, со скамеек, и пустились плясать на зелёной травяной

пощадке перед сценой, лебедино взмахивая руками и кружась, и тогда певец легко спрыгнул к ним со сцены, держа в руках микрофон, и составил им компанию, стал тоже приплясывать с ними и при этом петь припев: «Я любого покорю...», — и покорил всех зрителей!

(...)

Потом выступили, прочитали свои стихи поэты Ярославля и Ярославской области, от двух союзов писателей, кто от Союза писателей России, кто от Союза российских писателей: Владимир ПЕРЦЕВ, Василий ПОНОМАРЕНКО, Андрей КОВРАЙСКИЙ, Олег ГОНОЗОВ, Владислав ШАШКИН, Тамара ПИРОГОВА, Тамара РЫКОВА, Владимир ПОВАРОВ, Николай РОДИОНОВ, Юлия СТРИЖЁВА, Михаил ТРУБНИКОВ, Лариса ЖЕЛЕНИС и другие, и участник 30-ти Некрасовских праздников Евгений ГУСЕВ,

Очередной 46-й Некрасовский праздник поэзии удался на славу! Да ещё со званым обедом в шатре для гостей на территории музея-усадьбы в Карабихе, а потом — со званым ужином в Ярославле, в ресторане гостиницы «Юбилейная». А завершился праздник на другой день, в воскресенье, экскурсией по городу и по Спасо-Преображенскому монастырю, по историко-архитектурному заповеднику, и встречей гостей из Москвы с ярославскими писателями в зале «Классика». Но это — тот праздник, который не кончается и «который всегда с тобой», как и поэзия Некрасова, и поэзия вообще.

Материал подготовила
поэтесса Нина КРАСНОВА
9-11 июля 2013 года

Журнал «Наша улица», 2013.
«Независимая газета», Ex libris, 2013

P.S.

...На званом ужине в ресторане при гостинице «Юбилейная» состоялся сольный концерт Анатолия Шамардина, где певец пел и русские песни из своего репертуара, и иностранные, на разных языках народов мира. И участники праздника, присутствовавшие на концерте, аплодировали этому русскому Орфею и танцевали под его песни. И сам он тоже танцевал и приплясывал вместе со всеми. — Н. К. 1.02.2015.

КОММЕНТАРИИ фейсбукцев:

Гонозов Олег: В этом году Карабиха грустила по Анатолию. Несколько раз начинался дождь, переходящий в ливень. А потом снова выходило солнце! 8 июля 2014 г. 8:32

Нина Краснова: Олег! Спасибо Вам и Карабихе за любовь к Анатолию Шамардину!!!

Ваграм Борисович Кеворков: Шамардин был, есть и будет! 8 июля в 16:48

Нина Краснова: Да, Ваграм! 8 июля в 18:14

Татьяна Полежаева: Ниночка! Всех нас огорчило это печальное известие (о смерти Анатолия Шамардина). Как легко и чисто звучал голос Анатолия у нас на природе! Как жаль, что это уже не повторится. Как прекрасно, что это было. Мы будем помнить... 8 июля в 22:15

Нина Краснова: Танечка Полежаева! Спасибо Вам за Толю Шамардина! Он очень любил Карабиху и Вас! И с удовольствием выступал на Некрасовских праздниках и общался с Вами и всё время мечтал опять приехать в Карабиху. Он теперь навсегда связан и с Карабихой, с Вами, с ярославской землёй, где он нашёл новых своих почитателей! 9 июля в 17:14

АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН И ГОРОД ШАДРИНСК

Нина Краснова

ШАДРИНСК — ШАМАРДИНСК

О городе Шадринске, об этом уральском городе Курганской области, я ничего не слышала и не знала, пока не познакомилась с Толей Шамардиным, который когда-то, в 60-е годы, жил и преподавал там в пединституте немецкий язык и руководил художественной самодеятельностью. Толя много рассказывал мне о Шадринске и всё время возвращался к этой любимой для него теме: Шадринск.

1. О комнате в общежитии, о личном пространстве в 25 квадратных метрах

Анатолий Шамардин:

— Я жил в Шадринске в общежитии, но в отдельной комнате, площадью 25 квадратных метров! Целых 25 метров! Представляешь, Нина? У меня было своё большое личное пространство, которого я раньше никогда нигде не имел и о котором всегда мечтал. Я мог там уединяться от людей и чувствовать себя свободным и независимым и читать книги, и готовиться к лекциям по немецкому языку, который я преподавал в пединституте, и играть на гитаре и петь и сочинять песни, заниматься творчеством... Я был счастлив, что у меня теперь есть свои стены. И я тогда очень много песен сочинял! В основном на стихи местных авторов. Например, на стихи молодого поэта Александра Виноградова, у которого вышла книга. А выпустить книгу, да ещё молодому поэту, тогда было очень непросто, и он гордился ею и показывал её мне и говорил: «Вот, у меня вышла кни-и-га...» (Это значит — я уже профессиональный поэт.) Я написал на его стихи песню «Новогодний вальс»... Очень красивая песня... Тогда же я написал и свою первую песню на стихи Виктора Бокова «Луговая рань». Купил в магазине его книгу, прочитал её, и у меня сама собой возникла мелодия и получи-

лась песня, которую я потом спел Бокову в Москве по телефону, и она очень понравилась Бокову, и он сказал: «Годится...»... — и стал приглашать меня на свои вечера, чтобы я пел там эту песню...

У человека, а особенно у творческого человека, должно быть своё личное пространство, и оно было у меня в Шадринске. И поэтому я тогда сочинял очень много песен! И вспоминаю Шадринск с самыми светлыми чувствами.

2. О печке и дровах

Анатолий Шамардин:

— У меня в комнате (в общежитии пединститута, в Шадринске) была печка, которую я топил дровами... Зимой на улице холодно, а я натоплю свою печку, и мне тепло в моих стенах и хорошо и комфортно... Я всегда запасался дровами, брал их у кладовщика на складе. Но на это надо было сначала взять разрешение у ректора. А ректор был очень хмурый и суровый мужик, к которому очень трудно было подступиться, он никогда никому не улыбался и относился ко мне как к несерьёзному человеку, потому что я всегда улыбался и приветствовал его в какой-то такой непривычной для него старомодной шуточной манере. Когда он встречался мне, я приподнимал свою шляпу и церемониально говорил ему: «Моё Вам почтение, глубокоуважаемый господин ректор (и я называл его имя и отчество)!». И вот этот ректор — перед самым Новым годом, когда на дворе трещали морозы, — сказал мне что дров на складе нет, и чтобы я не рассчитывал получить дрова, а я знал, что они есть. И я пошёл к кладовщику и сказал, что ректор велел выдать мне дрова, в качестве премии за то, что я очень хорошо преподаю студентам немецкий язык, и ещё за то, что я очень хорошо пою и сочиняю песни... и мне как тенору надо беречь свой божественный голос и нельзя простужаться, и что в моей комнате должно всегда быть как минимум плюс 20 градусов по Цельсию. И кладовщик без звука выдал мне дрова. И я на следующий день увидел ректора и поприветствовал его в своей манере и сказал ему: «Я оччч-чень рад видеть и приветствовать Вас! Я оччч-чень благодарен Вам, любезный господин ректор»! — «За что?» — удивился он. — «За дрова, которые с Вашего высочайшего позволения выдал мне вчера кладовщик!»

Теперь у меня в комнате тепло, как на Средиземноморье и как в Раю, плюс 20 градусов по Цельсию...»

3. О профессоре, книгочее

Анатолий Шамардин:

— На одном этаже со мной, вернее — этажом выше меня, жил в общежитии пединститута, тоже в отдельной комнате, которая была, правда, поменьше моей, профессор пединститута... Книгочей, который с утра до ночи читал книги и знал всю русскую и зарубежную литературу всех времён и у которого вся комната была в стеллажах и была сверху донизу забита книгами, он покупал их в магазине и тратил на них всю свою зарплату и поэтому жил очень бедно и питался очень плохо, пил чай с сухарями, но зато у него была богатая библиотека, которой он очень дорожил, там были редкие старинные книги, фолианты в тяжёлых переплётах... Он приглашал меня к себе в гости, и мы часами говорили с ним о писателях, о философах... Он давал мне читать кое-что... Один раз одна книга упала сверху, со шкафа, прямо ему на голову и едва не проломила ему череп... Я тогда даже написал и посвятил этому бедолаге шуточное стихотворение на немецком языке (Толя читал мне это стихотворение, и я, кажется, записала его на каком-то листочке, но этого листочка у меня сейчас нет под рукой, я помню только одно слово оттуда — «пинк!» — и приблизительное содержание стихотворения: «На полках стояло много книг, книгочей и читал их с утра до ночи, и вдруг одна книга упала ему на голову — пинк (плюх!)... а красный гроб был длинен и тяжёл...» — Н. К.). Недавно я узнал, что мой друг-профессор умер... может быть, ему на голову опять упала книга... Жалко его... очень уж интеллектуально развитый и добрый был профессор... и очень ценил меня и как преподавателя, и как певца и композитора... Выходит, что моё стихотворение, которое я посвятил ему, оказалось в какой-то степени пророческим. А куда делась его библиотека со всеми книгами и фолиантами? Наверное, он завещал её библиотеке пединститута.

4. О журналисте Виталии Долгих

Анатолий Шамардин:

— Время от времени я ходил в редакцию газеты «Шадринской рабочей», приносил туда свои песни, и они печатались там, с нотами... У меня сохранились некоторые экземпляры этой газеты с моими песнями. В «Шадринском рабочем» работал тогда в отделе писем журналист Виталий Долгих. Он привечал меня. Потом он уехал работать журналистом в Германию по линии ТАСС. Но мы с ним не потеряли друг друга. И когда он после перестройки вернулся в Россию, мы стали встречаться уже в Москве, куда он переехал со своей семьей, и я уже тогда жил в Москве... Я ездил к нему в гости. Я и у него на даче был, парился в его бане...

(Виталий Долгих недавно, три года назад, умер. Он жил в районе станции метро «Выхино», на улице Молдогуловой. Мы с Толей не раз бывали у него, на праздниках. Он, как и Толя, в совершенстве знал немецкий язык и говорил с Толей не только на русском, но и на немецком языке, чтобы не разучиться говорить на «дойчлянд». Виталий, как и вся его семья, был горячим поклонником Толи Шамардина, восхищался его голосом и его песнями, ходил на его концерты и переживал о том, что Толя, при своих феноменальных музыкальных способностях и исключительных вокальных данных не сделал себе карьеру: «Это всё потому, Толя, что ты не дружишь с властями. Не умеешь и не хочешь подладиться к ним... Они помогли бы тебе. А если ты не дружишь с ними, как и зачем они будут тебе помогать?..» — «Я не знаю, что значит — дружить или не дружить с властями. Я просто пою и сочиняю песни... А дружу с людьми, а не с чинами, и не смотрю, у кого из людей какой чин, какое звание, какие регалии...» — «Вот то-то и оно... Наивный и не практичный ты человек, Толя...»).

Мы с Толей были на похоронах Виталия Долгих. Вдова усопшего Раба Божьего Лида, которой, как и ему, очень нравилась моя частушка «Хороша Лидушечка/Тем, что не блядушечка», на поминках в ресторане «Вечера на хуторе близ Диканьки» просила Толю спеть что-нибудь весёлое. А Толя плакал, комакая в руках коричневый ситцевый носовой платок, и не мог петь, да и гитару с собой на похороны не взял — он же не на концерт шёл...)

...Шадринск, Шадринск... До Толи Шамардина я ничего не слышала и ничего

не знала об этом городе. Но Толя так часто рассказывал мне о нём и о шадринцах, что этот город стал мне дорог, как будто я, как и Толя, когда-то жила там. И невольно этот город стал ассоциироваться у меня с фамилией Шамардин:

Шадринск — Шамардинск.

2 января 2014 г.,
Москва

Старая хроника. Источник: Shadrfm.Ru 20.08.2012, 14:04

СПУСТЯ 44 ГОДА АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ВНОВЬ ПОСЕТИЛ ШАДРИНСК

«Золотой тенор России» Анатолий Шамардин в юности жил в нашем городе и преподавал иностранные языки в ШГПИ (в пединституте. — *Н. К.*). Приглашение выступить на юбилее (на 350-летию Шадринска. — *Н. К.*) стало для певца приятным сюрпризом, ведь о городе и его жителях у него остались только самые теплые воспоминания.

Анатолий Шамардин выступил перед почетными горожанами на их встрече с главой Администрации Алексеем Кокориным накануне праздника, а также радовал своим творчеством всех шадринцев на центральной эстраде в день празднования 350-летия города.

Анатолий Шамардин, певец, композитор: Я объехал с гастролями всю Россию, но как-то так получалось, что в Шадринск мои пути не лежали, и гастролей моих здесь никогда не было. И вдруг я получил приглашение (от управления культуры Шадринска, выступить на 350-летию города. — *Н. К.*). Конечно, радости моей не было конца. Как оказалось, меня здесь помнят, сегодня на концерте были мои бывшие студентки, мои друзья. Что для меня значит Шадринск, не выразить словами.

Певец отмечает, что город запомнился ему творческой атмосфе-

рой и интересными людьми. Современный Шадринск также оставил у Анатолия Шамардина только приятные впечатления.

Анатолий Шамардин, певец, композитор: Мы вчера допоздна бродили по городу, хорошее впечатление осталось у нас о городе и жителях, которые ценят и помнят своё историческое прошлое и своё настоящее. Ни у кого здесь нет никакой пафосности, гордыни, а во всём есть какая-то мудрая простота и людей простых, и тех, кто находится у власти. Трудно себе представить, чтобы люди (которые находятся у власти) были такие простые и доступные и в то же время от души работали и болели за свой город.

Добавим, что «золотой тенор» приехал в город своей юности вместе с поэтессой и журналисткой Ниной Красновой, которая является его верной творческой спутницей на протяжении многих лет, — на ее стихи Анатолий Шамардин пишет песни, а поэтесса, в свою очередь, увековечивает певца в книгах и статьях.

1.01.2015

КОММЕНТАРИИ:

Галина Йонаш: Ниночка, когда я читаю все трогательные воспоминания о Толе, — просто, начинаю реветь в голос, страдать и плакать. Но как только в это самое время, включаю Его песни и слышу ЕГО голос, — хочется всех обнять, со всеми танцевать! Мы — вместе, Ниночка!

Нина Краснова: Да, Галечка, мы вместе! И наш Толя с нами! И утешает нас своими песнями, чтобы мы улыбались... Толечка создан для того, чтобы дарить Радость людям! И те чиновники и завистники, которые лишали его этой возможности, лишали людей возможности получить эту Радость!

Галина Йонаш: «Марину» (итальяскую песню в исполнении Анатолия Шамардина) — кто может заменить?..

Нина Краснова: «Марину» никто не сможет заменить, как и все другие песни, которые поёт Толя!

Галина Йонаш: Потанцуем, чуть-чуть?

Нина Краснова: Две Галины и Нина вышли на новое свидание друг с другом и с Толей Шамардиным.)))

Нина Краснова: Толя будет этому очень рад!))) И будем танцевать с нами. Он красиво танцевал (танцует).

Галина Йонаш: Вот, танцую, наслаждаюсь голосом, ритмом и настроением, вместе с Толей!

Галина Йонаш (слушает в исполнении Анатолия Шамардина японскую песню «Муки любви» «Мудано котоса»): «Модана — ке-ту-са» ... Спокойной ночи, Ниночка!

Нина Краснова: Галечка, к утру ты выучишь японский язык по Толечкиным песням!)))

Нина Краснова: Толечка очень рад, что в Санкт-Петербурге у него появилась такая идеальная поклонница, идеально относящаяся к нему и идеально чувствующая и воспринимающая его, — Галина Йонаш!!!

Галина Йонаш: Слушая этот чудесный голос. — хочется все языки мира выучить!

Старая хроника. 2012

Николай Фонарёв (псевдоним Нины Красновой)

НА УРАЛЕ НАС ПРИНИМАЛИ НА «УРА»!

Городу Шадринску Курганской области исполнилось 350 лет. По такому случаю шадринцы устроили грандиозный праздник, который длился несколько дней и к которому они готовились заблаговременно и подготовились на славу! В программу праздника вошли разные культурные мероприятия, в том числе встречи мэра Алексея Кокорина и его команды с жителями города, награждение почётных жителей грамотами, народные гуляния на центральной улице Комсомольской (Торговой), и на примыкающих к ней улицах, и аттракционы с каруселями, надувными резиновыми горками, с воздушными шарами на верёвочках, с салютами и фейерверками, и концерты под открытым небом на разных площадках города, и большой гала-концерт на эстраде перед мэрией и т. д. На свой праздник шадринцы пригласили «гостей со всех волостей», а также гостей из Москвы — певца и композитора Анатолия Шамардина, «золотого тенора России», который 3 года, с 1966 по 1968, работал в Шадринске, преподавал там в пединституте немецкий язык и руководил художественной самодеятельностью и который не был в Шадринске 44 года (!), и поэтессу Нину Краснову, которая раньше никогда не бывала в Шадринске и вообще на Урале.

В музыкальной школе, в старинном особняке, в тёплой, домашней неформальной обстановке состоялся их творческий музыкально-литературный вечер, на котором присутствовали и ученики разных классов этой школы во главе со своим директором Людмилой Фёдоровой, и зрители, которые помнят и любят Анатолия Шамардина с 60-х годов, в том числе и его студентки тех лет, и его друг юности, уроженец и почётный житель Шадринска поэт Александр Виноградов, мэтр поэзии. Он сказал своё доброе слово об участниках вечера:

— Анатолий Шамардин — соловей Весны Света, поёт Гимн Жизни на дюжине языков мира! А Нина Краснова — поэт глубоких природных народных корней, прекрасно чувствует дух и смысл Слова!

Ведущим вечера был начальник отдела культуры Шадринска певец, музыкант, поэт Сергей Чернов. Он сказал:

— Анатолий Шамардин и Нина Краснова — эталоны русской отличной интеллигенции, они несут русские культурные традиции в искусстве и литературе. — И спел в честь них свою песню про Урал-батьюшку и Сибирь-матушку.

Анатолий Шамардин рассказал всем о себе и о Шадринске:

— В Шадринске прошли мои лучшие творческие годы. Я сочинил здесь много песен на стихи Александра Виноградова и свою первую песню на стихи Виктора Бокова «Луговая рань». Потом уехал поступать в Ленинградскую аспирантуру и с лёгкой руки Эдуарда Хилия попал на эстраду, в Ленинградскую филармонию, а потом переехал в Москву и работал в оркестре Леонида Утёсова. И всегда я вспоминаю Шадринск с самыми приятными чувствами. — Он спел песни из своего репертуара на разных языках мира, на немецком, греческом, итальянском, японском, песню «В городском саду» на стихи Алексея Фатьянова, песню «Новогодний вальс» на стихи Александра Виноградова и песни на стихи Нины Красновой «Сон под пятницу», «Я не пью и не курю», «Если хотите». Зрители с удовольствием подпевали ему.

Нина Краснова рассказала о своей творческой дружбе с «шадринцем» Анатолием Шамардиным, фамилия которого перекликается с названием Шадринска (Шадринск для неё звучит как Шамардинск), и о своих прекрасных впечатлениях о шадринцах и о Шадринске и прочитала стихи на 350-летие этого чудесного города:

— Я написала их перед поездкой в Шадринск, на Урал. Я представи-

ла себе, как шадринцы будут принимать нас здесь с Анатолием Шамардиным, и увидела в слове Урал слово «ура». И представила себе, что нас на Урале будут принимать на «ура». Кроме того я узнала из Интернета, что в Шадринске к 350-летию этого города появился скульптурный «Гусь-балалаечник», и я вставила его, этот весёлый символ праздника, в свои стихи. А, между прочим, «Гусь...» этот, с балалайкой, стоит у парадных дверей в музыкальное училище, и он был первым, кто сегодня встретил и поприветствовал нас тут у дверей, и мы даже сфотографировались с ним.

Нина Краснова

ШАДРИНСК
(К 350-летию этого города)

Певцу и композитору Анатолию Шамардину

В историческом городе Шадринске, там, на Урале,
Примут шадринцы нас на «ура», на «ура»... на «ура» ли?
Предвкушение встречи с друзьями лова на лету,
В Шадринск мы прилетели на крыльях любви, и на «Ту»,
Чтобы в празднике города Шадринска с ними участвовать,
Город Шадринск своими стихами и песнями чествовать.

До чего же хорошие жители в городе этом.
Посмотрите на них, древнерусские предки (вы где там?).
Город Шадринск — и очень красивый такой, и культурный.
Есть у Шадринска «Гусь-балалаечник» — символ скульптурный.

В историческом городе Шадринске, там, на Урале,
Нас увидев, уральцы «ура» по-уральски орали,
Нас цветами осыпав, своих не незваных гостей,
Нам пригоршнями радость давая из разных горстей,
И устроили нам на концерте такие овации,
Нас до звёзд поднимая без помощи средств авиации.

Певца и композитора Анатолия Шамардина и поэтессу Нину Краснову на Урале и правда принимали на «ура», и им обоим на Урале, как

и в стихах поэтессы, зрители «ура» орали... поднимая своих званых гостей до звёзд и осыпая цветами.

26 августа 2012 г., Москва

«Независимая газета», Экслибрис. 2012.

(Там материал напечатан в сокращённом виде, а здесь он дан целиком.)

КОММЕНТАРИЙ Нины Красновой

...А что самое интересное — так это то, что всё получилось в жизни точно так, как я представила себе это в своём стихотворении! Нас с Анатолием Шамардиным в самом деле принимали в Шадринске, на Урале на «ура», на Урале нам «ура» орали, осыпая нас цветами и поднимая нас до звёзд! Только летели мы на Урал не на самолёте марки «Ту», а на новом самолёте «А-320». И это единственное в моём стихотворении художественное отклонение от правды жизни, но оно не столь существенное. Тем более, что художественная правда бывает куда важнее правды жизни. — *Н. К.*

«ЧЕГО СТАРЕНЬКОГО?»

(Одно из писем радиослушателя о любви к Анатолию Шамардину, Москва, Пятницкая, 25, редакция радиовещания)

09.08.2012

Ведущий радиопередачи «Чего старенького?», музыкальный специалист высшего класса, коллекционер старых пластинок и старых песен Игорь Макаров передал певцу и композитору Анатолию Шамардину письмо из города Кургана, которое написал и прислал на радиостанцию «Маяк» почитатель Анатолия Шамардина Владимир Подаруев.

Вот это письмо, от слова до слова.

В архиве у Анатолия Шамардина я нашла вот такое письмо, пришедшее в редакцию радиовещания на Пятницкой, 25, ведущему передаче «Чего старенького?» Игорю Макарову от одного из почитателей Анатолия Шамардина, от пенсионера Владимира Подаруева, живущего в городе Кургане:

(13 февраля 2001 года, г. Курган)

«Уважаемый господин Макаров!

Уважаемая госпожа Салахетдинова!

С большим интересом слушаю передачу «Чего старенького?». Почти из каждого выпуска что-то записываю. Мне нравится и музыка, которая звучит в вашей передаче, и любопытные комментарии.

А написать вам решил по двум причинам.

1. Как-то в январе вы передали песню «Новогодний вальс» Анатолия Шамардина*. Если я не ошибаюсь, то этот замечательный композитор жил в городе Шадринске Курганской области. Я помню, как гордились им шадринцы и с какой теплотой отзывались о нём. В моей фонотеке была очень мелодичная и красивая песня Анатолия Шамардина на стихи Виктора Бокова. К великому сожалению, я её потерял. Названия не знаю и слов не помню, вроде бы там упоминались травы и росы**.

Буду вам обоим очень признателен, если вы свяжетесь с Анатолием Шамардиным, передадите ему пламенный привет от земляков и включите в один из выпусков «Чего старенького?» эту песню на стихи Бокова. Надеюсь, песня Шамардина понравится слушателям и даст зарядку в череде танцевальной музыки, тем более, что иные меломаны сетуют на обилие танцевальных мелодий.

2. Вы неоднократно объявляли, что передача идёт дважды в сутки. Ничего подобного! За всё время звучало лишь три выпуска в три часа тридцать пять минут.

Обычно и постоянно этот час забивает Вася Косолапов или Артур Макарьев. Макарьев — это не Макаров, хотя и он дока в музыке.

За сим прощаюсь и ещё раз благодарю за великолепные ретроизыски!

С совершеннейшим к редактору и ведущему уважением — Владимир Подаруев, пенсионер, свободный художник в области журналистики.

Писано: дня — вторника, числа — тринадцатого, месяца — февраля, лета 7509-го от сотворения Мира. Аминь!»

Я думаю, это письмо не нуждается в комментариях. Оно как нельзя лучше говорит о любви радиослушателя из Кургана к Анатолию

Шамардину. У Анатолия Шамардина в архиве много писем от радиослушателей со словами любви к нему. И под этими словами подписались бы тысячи и тысячи почитателей этого необыкновенного певца и композитора. — *Н. К.* 3.01.2015.

* Песню «Новогодний вальс», о которой идёт речь в письме Владимира Подаруева, Анатолий Шамардин написал когда-то на стихи шадринского поэта Александра Виноградова, когда жил в Шадринске (с 1966 по 1968 гг.) и преподавал иностранные языки в местном пединституте. — *Н. К.*

** А песня на стихи Бокова, о которой идёт речь в письме и в которой есть «травы и росы», это — «Луговая рань», которую Анатолий Шамардин написал в Шадринске в 1967 году и с которой выступал на Курганском телевидении. — *Н. К.*

Комментарий Нины Красновой. 9.08.2012, Живой Журнал:

...С 1966–1968 года прошло более сорока лет! А почитатели Анатолия Шамардина из Шадринска помнят и любят песни этого чудо-певца и чудо-композитора, хотя его песни почти не звучат в радио и-телеэфире... А если бы они звучали там с той же периодичностью, с какой звучат песни иных далеко не чудо-певцов и не чудо-композиторов, но раскрученных на всю страну, или пусть не с той же периодичностью, а время от времени, их знал бы, любил бы и пел бы весь народ. — *Н. К.*

ПЕРВЫЕ И ПОСЛЕДНИЕ ГАСТРОЛИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА В ШАДРИНСКЕ

* * *

Приглашение в Шадринск

Как же счастлив был Анатолий Шамардин, Толя, когда летом 2012 года получил из Шадринска, от управления культуры приглашение выступить в Шадринске на празднике 350-летия этого города, города, где Толя жил с 1966 по 1968 год и преподавал в пединституте немецкий язык и руководил художественной самодеятельностью! Как же он был

счастлив, что его там не забыли и помнят и любят и ждут, даже спустя целых 44 года!

* * *

Шадринцы разыскивали Анатолия Шамардина 16 лет

Оказывается, шадринцы целых 16 лет разыскивали Анатолия Шамардина, чтобы пригласить его в Шадринск — выступить! (По инициативе почётного гражданина Шадринска, Толиного друга юности, поэта Александра Виноградова.) Но почему-то никак не могли найти Толин адрес и телефон и нашли через меня. Кто-то дал им мой телефон. И в один прекрасный день или вечер Сергей Чернов позвонил мне и хорошо поставленным дикторским голосом сказал, что управление культуры Шадринска хотело бы пригласить Анатолия Викторовича Шамардина на 350-летие города Шадринска — выступить перед шадринцами.

Толя, естественно, согласился! И управление культуры заодно пригласило на праздник и меня, как соавтора наших с Толей песен и как журналистку, которая напишет обо всём.

* * *

09.08.2012, 20:42

КОГДА-ТО АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН ЕЗДИЛ ВЫСТУПАТЬ ИЗ ШАДРИНСКА В КУРГАН НА ПАРОВОЗЕ БЕЗ ПРИЦЕПНЫХ ВАГОНОВ (История от Анатолия Шамардина)

Десять лет назад я взяла у певца и композитора Анатолия Шамардина большое-большое интервью, которое получилось размером с маленькую книгу о жизни и деятельности Анатолия Шамардина, о его пути в искусство, об известных людях, которые помогали ему на этом пути, и о разных интересных и весёлых случаях из его жизни.

И под конец этого интервью, которое называлось «Русское белькан-

то Анатолия Шамардина» Анатолий Шамардин рассказал мне весёлый случай, связанный с городом Шадринском Курганской области и с городом Курганом.

ОТРЫВОК ИЗ ИНТЕРВЬЮ НИНЫ КРАСНОВОЙ С АНАТОЛИЕМ ШАМАРДИНЫМ 2002 года:

Нина Краснова: — Анатолий, под конец нашей беседы вы, может быть, вспомните какой-нибудь экстравагантный и веселый эпизод из вашей артистической жизни?

Анатолий Шамардин: — Когда я жил и работал в городе Шадринске (с 1966 по 1968 г.), преподавал в местном пединституте иностранные языки, я был приглашен в город Курган выступить на телевидении, спеть, люди хотели меня послушать. Но ехать туда нужно было срочно, чтобы не опоздать к намеченному дню и часу, а ехать было не на чем, ни одной машины при институте не оказалось. И шадринцы предоставили в мое распоряжение ПАРОВОЗ, целый паровоз, но, естественно, без прицепленных к нему вагонов. И я ехал в нем один, вернее — вдвоем с машинистом, и с гитарой. И приехал в Курган на паровозе, как Ленин на броневике. И сотрудники телевидения и зрители встречали меня на перроне, среди зимы, цветами.

(Это интервью печаталась в сокращенном виде, фрагментами:

в журнале «Наша улица» (№ 3–2003),

в газете «Сенеж» (№ 2, 13 января 2003 г., под псевдонимом Александр Кузнецов),

в газете «Слово» (№ 4, 31 января — 6 февраля 2003 г., и № 48–49, 5–18 декабря 2003 г.),

в газете АИФ «Долгожитель» (№ 20, октябрь 2004 г.)

и т. д.)

И вот теперь Анатолий Шамардин собирается ехать, лететь на самолёте в город Шадринск на юбилей этого зауральского города, на 350-летие Шадринска, куда его пригласили шадринцы в лице комитета по культуре при администрации города. И меня тоже пригласили

туда, и я тоже лечу в город Шадринск, как поэтесса, на стихи которой Анатолий Шамардин написал много песен, и как корреспондентка, которая напишет материал о празднике Шадринска.

Нина КРАСНОВА

* * *

Здравствуй, Шадринск!

..Сам начальник управления культуры города Шадринска Сергей Чернов приехал встречать нас с Анатолием Шамардиным в аэропорт Екатеринбургa, куда мы прилетели на самолёте «ИЛ» из Москвы 16 августа, в три часа ночи, и повёз нас в Курганскую область, в Шадринск, который находится километрах в трёхстах от Екатеринбургa. По дороге Сергей Чернов рассказывал нам о себе, а мы ему о себе, и, конечно, он рассказывал нам об истории своего края и обо всех местах, обо всех населённых пунктах, которые мы проезжали, и вспоминал легенды, связанные с ними, показывал нам из окна разные достопримечательности, то есть заодно проводил с нами экскурсию на машине по Курганской области. Общаться с ним нам было удивительно легко и интересно, как если бы мы знали его сто лет и сто лет были друзьями.

Сергей Чернов — покори́л нас обоих! Начальник, а в нём нет никакого официоза, никакого начальничества! Душа-человек! И какой тонкий знаток искусства, литературы, да ещё и сам певец и композитор, творческая личность! И при этом какой ответственный человек! Вот какие люди должны быть в управлениях культуры при администрации города. Если бы таких людей было больше... Россия процветала бы...

И собой он хорош! Видный мужчина, большой, крупный, уральский богатырь, пышущий недюжинной силой и энергией.

В Шадринск мы приехали в семь часов утра. Сергей помог нам устроиться в гостинице «Урал». Там мы и жили все дни праздника, в прекрасных условиях, лучше, чем в домах ЛондАна, завтракать, обедать и ужинать ходили в ресторан при гостинице, брали себе из блюд всё, что нам захочется... причём всё это для нас было бесплатно, за счёт города, который пригласил нас на свой праздник, да потом ещё бух-

галтерия управления культуры выдала Толе гонорар за его концерты, от чего Толя давно отвык (не от концертов, а от гонораров).

...Я раньше никогда не бывала в Шадринске, как и в Курганской области. А Толя жил там почти три года, с 1966 по 1968-й. И для него эти места были и остались родными. Он волновался, когда мы въезжали в Шадринск, всматривался в улицы, узнавал и не узнавал их, они изменились за 44 года, искал глазами старые дома, радовался им, как если бы своим старым друзьям, когда видел, что они сохранились. Радовался он и новой архитектуре, которая появилась в Шадринске и которая придавала новые черты лицу Шадринска, по-своему красивые, которые органично сочетаются со старыми чертами.

...За три дня праздника мы с Толей побывали и выступили на трёх мероприятиях: 16 августа — в центре досуга и культуры «Октябрь», на встрече мэра города Алексея Кокорина с почётными гражданами, 17 августа — в музыкальной школе, на встрече со студентами разных лет, и 18 августа — на главной площадке города, на уличной эстраде, около мэрии, перед жителями Шадринска, я там, правда, не выступала, а только вышла поклоняться публике, когда Толя спел нашу с ним песню «Я не пью и не курю».

В свободное от мероприятий время мы готовились к этим мероприятиям или отдыхали от них и гуляли вдвоём по Шадринску, и Толя показывал мне его... Показал и своё общежитие, где он когда-то жил. Оно, слава Богу, сохранилось, и педагогический институт, где он преподавал иностранные языки...

Толя начертил мне план улиц, чтобы я немножко лучше представляла себе планировку Шадринска и чтобы лучше ориентировалась в пространстве этого города и лучше запоминала его.

Гуляли мы по Шадринску и втроём и вчетвером, Толя, я и Сергей Чернов и Александр Виноградов, и ещё кто-нибудь с нами. То по Комсомольской (Торговой) улице, украшенной клумбами и вазонами и кашпо, то ещё где-нибудь... На Комсомольской улице к 350-летию установлен и открыт памятник жертвам Чернобыльской аварии, жертвам радиации.

Ходили мы и в парк Победы, где установлены мраморные плиты с именами шадринцев, погибших на войне...

Ходили мы и на набережную реки Исеть... Видели там скульптуру Архангела Михаила, который считается покровителем Шадринска, ходили вокруг Архангела и помолились на него.

Михаилом Архангелом
Старый город храним...

Написал Сергей Чернов в одном из своих стихотворений.

А неофициальным символом Шадринска является «Гусь-балалаечник», памятник которому поставлен и открыт около музыкального училища к 350-летию Шадринска...

На набережную реки Исеть приезжают молодожёны в день своей свадьбы и вешают на чугунную ограду свои замочки, запирая их на ключ, замочки эти — символы любви, символы сердец, ключи от которых находятся только у семейной пары влюблённых.

...Сергей Чернов знает в Шадринске каждый дом и историю каждого дома, мимо которого мы проходили. Все они в основном 19 века:

— Вот магазин мыловара Труфилова. А вот магазин купца 1-й гильдии Мокеева. А вот усадьба купца Густомесова. А вот дом усадьбы кондитера Кондюрина... А вот белошвейная мастерская Зеликмана. А вон реальное училище... А вон магазины фирмы «Зингер». А вон вдалеке ректификационный завод и винные склады — в Шадринске когда-то, да ещё и не так давно, существовало своё ликёро-водочное производство, которого теперь нет. А вон — паровая мельница, там теперь магазины и офисы...

* * *

Сведения о Шадринске

(Из буклета)

Шадринск — уникальный уголок российской провинции. Он ведёт свою историю с 1662 года. В 18–19 вв. являлся одним из центров

торговли, имел винокуренный и фарфоровый заводы, мыловарню, пимокатную фабрику. Расположен на реке Исеть. Покровителем города считается Архангел Михаил. Неофициальным символом является легендарный Шадринский Гусь, которого, по преданию, доставляли на стол Великой Императрицы Екатерины II. Знамениты наши земляки: скульптор И. Шадр, художник Ф. Бронников, математик И. Первушин, агроном Т. Мальцев.

Современный Шадринск сохранил очарование купеческого городка. Тишина уютных улочек, утопающих в зелени, старинные особняки, великолепие православных храмов соседствует с современными кварталами, промышленными предприятиями, торговыми и развлекательными центрами.

Ценителям искусства стоит посетить старейший в области драматический театр, краеведческий музей, детей ждёт городской сад с аттракционами, любителей активного отдыха — развлекательные заведения, активный туризм и отдых на природе.

Шадринск стоит на месторождении минеральных вод (аналог лечебной воды Ессентуки-4). Леса и водоёмы в окрестностях города изобилуют мелкой и крупной дичью, вплоть до кабанов. Излюбленный трофей иностранных туристов — рога косули.

* * *

(Информация из Интернета, 17 августа 2012 г.)

Глава Шадринска встретился с почётными горожанами

Люди, своим трудом прославившие город, собрались 16 августа в центре досуга и культуры «Октябрь».

В канун юбилея Шадринска чествовали тех, чей звёздный час выпал на сложное для нашей страны время распада одного государства и зарождения другого, тех, кто жил и работал на благо малой Родины. В тёплой дружеской атмосфере всех собравшихся приветствовали глава города Алексей Кокорин, председатель городской Думы Евгений Стеблов, начальник отдела культуры Сергей Чернов и заместитель

главы города по социальным вопросам Людмила Новикова. Порадовали своими песнями заслуженные артисты России, «золотой тенор» Анатолий Шамардин и солист Кубанского государственного казачьего хора Михаил Цирульник, прочитала свои стихи Нина Краснова, также для всех присутствующих спел Сергей Чернов. Кроме того, почётным гражданам Шадринска были вручены памятные подарки.

Алексей Кокорин, глава города Шадринска:

Вы одни из самых заслуженных людей, которые вершили судьбы нашего города. Разные времена были, и здесь сегодня собрались представители разных поколений; не все сегодня смогли прийти, некоторых, к сожалению, уже нет в живых, но это жизнь. Каждому из вас есть, что вспомнить, из той замечательной жизни, которую вы прожили во имя города. Спасибо вам огромное за всё, что вы свершили, многие из вас были вынуждены принимать непопулярные решения, но в тот момент так нужно было. Я уверен, что все присутствующие здесь почётные граждане — это высоко значимые в обществе люди, и пусть так будет. Дай Бог вам доброго здоровья, благополучия и процветания, вам и вашим семьям, и вашим добрым делам. Я убеждён, что мы с вами сделаем этих добрых дел для города ещё очень и очень много. С наступающим вас юбилеем родного города. Спасибо вам!

* * *

Вечер в центре досуга и культуры «Октябрь»

(Отрывки аудиозаписи вечера с плёночного диктофона Нины Красновой «SONI»)

Ведущая вечера:

— Дорогие друзья, у нас сегодня есть для вас ещё один сюрприз. Сейчас Сергей Александрович Чернов представит вам легендарного шадринца, экс-солиста оркестра Леонида Утёсова Анатолия Шамардина!

Сергей Чернов:

— Дорогие друзья! Буквально несколько мгновений тому назад

вы слышали, как поёт солист Государственного Кубанского казачьего хора Михаил Павлович Цирульник, который буквально вот в это воскресенье ещё был в Израиле, ездил туда на гастроли, на две недели, и в понедельник мы созванивались с ним по телефону. Он, конечно, вне времени и вне пространства, в Ростове-на-Дону, не знает, ни какой сейчас день недели, ни какой год (смех в зале)... вы понимаете, что такое гастроли — без выходов, без проходов, без отгулов, но всё же он — после своих гастролей — приехал к нам в Шадринск на праздник.

И вот сейчас мне хотелось бы зафиксировать ещё один момент. Людмила Николаевна Новикова правильно сказала, что здесь собрались наши почётные граждане, чей звёздный час выпал на самые трудные эпохальные мгновения, когда ломалась история одной страны и зарождалась страна другая, новая Россия, когда одни отрасли гибли, были на излёте, на исходе, но тем не менее благодаря вам Шадринск сегодня жив, благодаря вам о Шадринске знают не только в разных уголках России, но и в разных уголках мира. И вот сейчас мне хотелось бы представить двух людей, которые, я считаю, составляют цвет столичной русской интеллигенции. — Один человек, вы о нём наверняка знаете, — Анатолий Викторович Шамардин — певец, композитор, выпускник Горьковского института иностранных языков, 1966–1968 годы — преподаватель Шадринского педагогического института, кафедры иностранных языков, в дальнейшем — преподаватель многих педагогических и не только педагогических вузов СССР, солист многих филармоний. И его спутница — Нина Петровна Краснова — замечательный талантливый поэт, поэтесса, литератор, эссеист, журналист, ее работы можно встретить во многих изданиях, она печаталась в сорока странах мира, но я не буду вам раскрывать всех её карт. Нина Краснова, вам слово!

Нина Краснова:

— Владимир Солоухин когда-то говорил, что любовь к какой-то конкретной стране и к конкретному городу начинается с любви к конкретному человеку, к конкретным людям, к представителям этой страны и этого города. Вот и моя любовь к Шадринску и шадринцам началась с любви к конкретному человеку, к моему другу, к певцу и композитору Анатолию Шамардину, который когда-то жил и работал в Шадринске, с 1966 по 1968-й, преподавал здесь иностранные языки,

руководил художественной самодеятельностью и сочинял и пел песни и говорит, что это была для него самая счастливая творческая пора, у него была здесь в общежитии своя комната, 25 квадратных метров, были условия для творчества, и он был очень доволен своей жизнью. Я познакомилась с ним в 1988 году, в Москве, на вечере нашего с ним друга — Виктора Бокова, старейшего поэта, который дожил до 95 лет (и умер не так давно). Анатолий писал песни на его стихи, а потом стал писать песни на мои стихи. Он очень много рассказывал мне о Шадринске и о шадринцах. И благодаря ему круг шадринцев, конкретных представителей Шадринска, постепенно расширился для меня. В этом кругу появился поэт Александр Виноградов, на стихи которого Толя когда-то написал очень лирическую песню «Новогодний вальс». Вошла в этот круг и семья уроженцев Шадринска — Виталий и Лидия Долгих, у которых мы с Толей бывали дома в Москве, в гостях (правда, Виталий не так давно умер)... Лидия, кстати сказать, узнала, что мы с Толей летим в Шадринск на 350-летие города, и тоже прилетела сюда из Москвы, и находится здесь. А теперь в этом кругу — и наш с Анатолием новый друг Сергей Чернов, и все люди, с которыми мы успели встретиться и познакомиться в Шадринске. И все люди, которые собрались в этом зале!

...Шадринцы очень хорошие люди! И Шадринск очень хороший город!

Я рада, что я приехала сюда, вместе с Анатолием Шамардиным к вам на праздник! И поздравляю всех вас, то есть всех нас с этим праздником!

Анатолий Шамардин:

— Нина, прочитай свой экспромт о Шадринске!

Нина Краснова:

— Прочитать?

Сергей Чернов и Анатолий Шамардин:

— Да, прочитай...

Нина Краснова:

— Я сочинила в Москве экспромт о городе Шадринске и об Урале.

Шадринск у меня уже давно ассоциируется с Шамардиным: Шадринск — Шамардинск... есть переключка (какое-то родство) между названием Шадринск и фамилией Шамардин. Когда один московский поэт узнал, что мы с Толей едем, летим в Шадринск, то сказал, в шутку, что пора Шадринск переименовать в Шамардинск...

А Урал у меня просассоциировался со словом «Ура» и с глаголом «орали». И я представила себе, что мы с Толей Шамардиным приехали на Урал, в Шадринск... и выступили здесь, и нам все «на Урале «ура» орали»... и на этом я и построила своё стихотворение. И оно получилось такое игровое. И ещё я узнала, что символ Шадринска — «Гусь-балалаечник», я и этого гуся вставила в стихотворение.

(Нина Краснова читает своё стихотворение «Шадринск».)

В историческом городе Шадринске, там, там на Урале,
Примут шадринцы нас на «ура», на «ура»... на «ура» ли?

(И т. д.)

А сейчас я прочитаю четыре свои строчки, посвящённые Анатолию Шамардину, и он выйдет на сцену и споёт вам свои песни в стиле русского бельканто, он у нас в России — один-единственный, кто поёт в этом стиле!

СОЛИСТ ОРКЕСТРА ЛЕОНИДА УТЁСОВА

Анатолию Шамардину

Представитель русского бельканто,
Знающий и Бебеля, и Канта,
Анатолий Шамардин —
Это просто шарм один!

Вот Анатолий Шамардин, этот «шарм один», сейчас будет выступать перед вами!

(*Аплодисменты!*)

Анатолий Шамардин (под аплодисменты зрителей выходит на сцену, обращается к звукооператору Владиславу.):

— Можно «Россиянку» (можно включить трэк с минусовкой этой песни — музыкальное сопровождение)?

Песня, которую я сейчас спою, называется «Россиянка». Стихи Нины Красновой! Песня эта, должна, конечно, идти от женского лица, но вы услышите её в моём композиторском исполнении.

(Анатолий Шамардин поёт песню «Россиянка».)

РОССИЯНКА

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Нины Красновой

Я любого покорю,
Очень многих покорила.
Я не пью и не курю,
Не пила и не курила.

Посмотрите в окуляр:
Нет совсем не персиянка –
Перед вами россиянка,
Но редчайший экземпляр,
Словно бабочка пестрянки.
Словно бабочка пестрянки,
Перед вами россиянка.

Покоряю всех подряд,
Никого не атакуя.
Трудно встретить, говорят,
Нынче женщину «такую»...

Я не пью и не курю,
Не пила и не курила.
Я любого покорю.
Что ж тебя не покорила?

(Анатолий Шамардин обращается к зрителям.)

Припев («Я не пью и не курю...») вы можете подхватить и петь вместе со мной! (Приплясывает, двигаясь по линии то справа налево, то слева направо.)

(Аплодисменты!)

Спасибо, спасибо вам!

Мы приехали в Шадринск в половине седьмого утра. Нас привёз из аэропорта, из Екатеринбурга Сергей Чернов... Впервые мы (я и Нина) встречаем такого представителя культуры, я бы сказал, впервые встречаем во всей Российской Федерации такого представителя культуры, который бы так разбирался в сферах культуры, как Сергей Чернов, и который бы был таким настоящим представителем культуры на Руси... Если бы на Руси, в России все были такими, как Сергей Чернов, то жизнь у нас стала бы во многом лучше! Он и образован, и умён, и всесторонне развит, и талантлив, и добр, и прост в общении, и заботлив... Он сам лично встретил нас в аэропорту... ехал за нами туда в такую даль, из Шадринска... Не спал из-за нас всю ночь... Мы тоже не спали и недоспали, а для меня как для тенора очень важно выспаться, чтобы голос звучал лучше, но благодаря вашему тёплому приёму, я думаю, что я сейчас распоюсь.

...Я хочу сказать несколько слов о замечательном городе Шадринске, в котором я жил и работал почти три года. Здесь у меня родилось больше всего песен и по количеству, и лучше всего по качеству. Сама атмосфера города была здесь такая, представьте себе 1967–1968 год, что песни напрашивались, сочинялись, рождались сами собой. Очень благоприятная была атмосфера. И люди, с которыми я общался здесь, были очень талантливые. Вот Саша Виноградов, который частенько заходил ко мне в гости и с которым мы написали не одну песню. Я спою вам хотя бы одну на его стихи — «Новогодний вальс». А кроме песен мы с Сашей писали музыку и либретто к спектаклю «Причуды Белиссы» по произведениям Лопе де Вега. И всё это делалось у нас весело, легко и быстро. И спектакль этот тогда шёл в театре.

В Шадринске много талантливых людей! И я вижу их здесь. Здесь и певцы с замечательными голосами, ваши земляки. По поводу певцов и голосов я даже написал и напечатал когда-то в нескольких газетах

и в альманахах материалы, в которых показал своё видение, своё представление о том, какая должна быть российская музыка и какие должны быть певцы.

Сейчас я вместе с вами слушал Михаила Цирульника, солиста казачьего хора. Ну, это чудо, а не голос! Где еще можно видеть (слышать), чтобы баритон пел так, как поёт Цирульник, чтобы у него были и басовые низа, и баритональная середина, и теноровые верха... Ну, это всё равно, что выйти спеть, например, арию Ленского, а потом — «Вдоль по Питерской». Я впервые сталкиваюсь с таким певцом, у которого такой широчайший диапазон, такой богатейший по окраске голос и такой артистизм...

Теперь переходим опять к Сергею Чернову. Он — не только начальник управления культуры, он — великолепный баритон, великолепный музыкант! Я слышал, как он играет на баяне, он знает русскую культуру, русский мелос, он сочиняет песни, пишет стихи... Я восхищаюсь им!

Я восхищаюсь Шадринском, вашими земляками.

Теперь переходим опять к Саше Виноградову. Мы встретились с ним почти 45 лет назад. И вот я вижу его спустя 44 года. Он николько не изменился. (Я не нахожу в нём никаких изменений, он для меня тот же Саша, каким был 44 года назад.)

И вот собрались здесь руководители города, мэр Алексей Геннадьевич Кокорин... Чувствуется, что они все на своём месте, все знают своё дело. И я думаю, что с такими людьми Россия выиграет, в России будет на кого равняться. Шадринск — небольшой город, но вот такой замечательный, и такие замечательные здесь люди.

Частько заходил ко мне в гости, но, правда, он не так давно умер, Юрий Александрович Трапезников, старейший преподаватель пединститута, заходил и скромно говорил: «Анатолий, спойте для меня «Луговую...» («Луговую рань») на стихи Виктора Бокова.

С Боковым мы написали много песен, фольклорного характера, ездили с ним по России, я пел эти песни на его стихи. И вот сейчас я хочу спеть свою песню в этом же стиле — на стихи Нины Красновой. Песня называется «Сон под пятницу». Я потом подарю вам пластинку с этой песней (не пластинку, а диск).

Эта песня тоже от женского лица. Стихи Нины Красновой, а аккомпанирует мне в этой песне замечательный гитарист Сергей Орехов,

с которым мы успели записать в студии десять песен. Сергей Орехов — единственный в нашей стране гитарист, игравший на семиструнной гитаре, которой было 170 лет, она передавалась из поколения в поколение, как скрипка Страдивари, и досталась ему, эта гитара. И он был король семиструнной гитары! Его чтили в Америке и во Франции, и так далее.

Мы записали с ним песню «Сон под пятницу». Жаль, что Цирюльник ушёл и не услышит её. Она — хороводная, и очень простая, но и не очень простая. И её хорошо петь на несколько голосов. Пожалуйста, послушайте её, «Сон под пятницу», стихи Нины Красновой.

(Анатолий Шамардин поёт песню «Сон под пятницу».)

СОН ПОД ПЯТНИЦУ

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Нины Красновой

Мне приснился сон под пятницу:
Я надела белу «платьницу»
С вышивкой по рукавам
И пошла на вечер к Вам.

Я пойду на вечер в пятницу,
Вместо брюк надену «платьницу
С вышивкой по рукавам,
Чтобы стать милее Вам.

(Аплодисменты, крики: «Браво!»)

Спасибо!

И немножко ретро песен я спою, парочку песен, которые я любил петь в Шадринске... Я руководил здесь небольшим струнным ансамблем в пединституте, и слушатели просили меня спеть что-нибудь из старых песен... например, на стихи Фатьянова и на стихи других поэтов того времени, 50–60-х годов. Я хочу спеть одну из них, которую вы все знаете, я спою её, как говорится, совершенно живьем. «В городском саду»! Владислав, поставь минусовку с этой песней (музыкальное сопровождение).

(Анатолий Шамардин поёт песню-ретро на стихи Алексея Фатьянова «В городском саду играет духовой оркестр. На скамейке где сидишь ты, нет свободных мест».)

Прошёл чуть не полмира я,
С такой, как ты, не встретился,
И думать не додумался,
Что встречу я тебя.

(Анатолий Шамардин обращается к зрителям.)

Вы можете подпевать мне.

(Зрители с удовольствием подпевают ему.)

(Аплодисменты! Затем Анатолий Шамардин поёт ещё одну известную песню-петро — «Утомлённое солнце».)

(Аплодисменты, крики: «Браво!»)

А сейчас я спою одну песню на стихи моего друга, шадринца, поэта Александра Виноградова! Я сочинил эту песню, когда ещё жил и работал в городе Шадринске, уже будучи совершенно немолодым человеком (Анатолий Шамардин смеётся), мне тогда было... мы с Сашей одинакового примерно возраста, не будем называть возраст. (Анатолию Шамардину тогда было 27 лет. — Н.К.) Я спою песню на стихи Саши Виноградова «Новогодний вальс». Это была первая наша с ним песня, ее напечатали тогда в «Шадринском рабочем». И вы знаете... недавно в Москве организаторы концертов пригласили меня на какой-то корпоратив и попросили: «Спойте что-нибудь новогоднее». А поскольку в зале раздавались пожелания: «Спойте, ну, хотя бы песню из «Карнавальной ночи», — я вышел на сцену и сказал: «Вы знаете, «Карнавальную ночь» вы уже слышали. А лучше давайте я спою вам замечательную песню на стихи шадринского поэта Саши Виноградова, мы с ним написали эту песню 45 лет тому назад. Я думаю, она сгодится вам сегодня». И я спел «Новогодний вальс».

(Анатолий Шамардин берёт гитару и, аккомпанируя на гитаре сам себе, поёт песню «Новогодний вальс».)

НОВОГОДНИЙ ВАЛЬС

Музыка Анатолия Шамардина
Стихи Александра Виноградова

За окном пушистый вечер
лётся, как тогда.
Думал я что, Вас не встречу
никогда.

Припев:
Не забыть мне Вас,
Ваших ясных глаз.
В ночь уносит нас
новогодний вальс.

Как Снегурочка из сказки,
Вы пришли опять,
Но в любой смогу я маске
Вас узнать.

Припев:
Не забыть мне Вас,
Ваших ясных глаз.
В ночь уносит нас
новогодний вальс.

И мне кажется, что с Вами
свой найду я путь.
Ну ответьте мне глазами
что-нибудь.

(Под конец Анатолий Шамардин свистит художественным свистом,
как соловей.)

(Аплодисменты, крики: «Браво!»)

И последнюю коротенькую песню я сейчас спою.

Поскольку я преподавал иностранные языки и пел разные тирольские и всякие итальянские и даже японские песни, я спою одну песню на иностранном языке. Недавно в Москве у меня был концерт на Большой Лубянке, в клубе МВД. Никогда я там раньше не выступал. И вот меня пригласили туда с концертом. И я целых три часа пел песни на 12 языках мира, в том числе и на японском. И среди прочих песен у меня там была итальянская народная песня, она называется «Весёлые крестьянки». (Анатолий Шамардин обращается к звукооператору.) Владик, включи, пожалуйста, трэк с этой песней!

Один куплет я перевел на русский язык и пою на русском языке.

(Анатолий Шамардин поёт песню «Весёлые крестьянки» и пританцовывает.)

Шагал забавный ослик рядом,
Цок-цоко-цоко, дили-дон,
С большой корзиной винограда
Шагал на рынок важно он,

Цоко-цоко, цоко-цок,
Цоко-цоко, цоко-цок,
Цоко-цоко, цоко-цок,
Цоко-цок.

(Аплодисменты, крики: «Браво!»)

Спасибо! Спасибо вам большое за ваш приём, за то, что вы хорошие добрые, замечательные люди!

(Анатолий Шамардин обращается к поэту Александру Виноградову, сидящему за первым столом.) Может быть, Саша Виноградов хочет что-то сказать?

Александр Виноградов:

— Изумительно, что в нашем родном городе есть и должен быть праздник Дня культуры города. И очень радостно, что перед нашим замечательным юбилеем мы уже сегодня начинаем отмечать этот праздник. (В диктофоне слышатся звуки вина и сока, наливаемых в фужеры.)

Анатолий Шамардин! Ну представьте себе — это человек, который сохранил чистоту души и чистоту голоса, и поёт на 12 языках мира! Это необыкновенно!

Если бы у нас было больше времени, мы бы с вами до глубокой ночи сидели бы и слушали бы его и не могли бы расстаться с ним! Спасибо, что он приехал к нам, что он не забыл наш родной город! Спасибо вам всем, что мы — вместе, что нам есть, что вспоминать, что нам есть, о чем говорить, и что нам есть, кого любить, и любить свой родной город!

Сергей Чернов:

— Еще я добавлю, дорогие друзья... Если у кого-то созрело желание продолжить общение с Анатолием Шамардиным и его творчеством, мы вас ждем завтра в детской музыкальной школе, в 14 часов, на встрече с Ниной Красновой и Анатолием Шамардиным!

Ведущая вечера:

— Еще раз дружные теплые аплодисменты нашим гостям, участникам вечера! (Обращаясь к гостям, участникам вечера.) Спасибо вам за творческие подарки, которые вы сделали шадринцам! Очень приятно нам было получить их от вас! Вы — наша гордость, гордость!

Сергей Чернов:

— А сейчас я прошу всех выйти к подиуму! Давайте сделаем одну общую, коллективную фотографию. Это будет очень ценная фотография, для истории!

Фотография, которая через энное количество лет станет артефактом!

(Участники вечера — и мы с Анатолием Шамардиным — вышли к подиуму и сфотографировались на память.)

Ведущая:

— А теперь вы все можете пообщаться друг с другом, угоститься всем, что приготовили для вас организаторы мероприятия.

(В течение всего вечера гости и участники праздника сидели в большом банкетном зале, маленькими группками по три-четыре человека, как на «Голубом огоньке», за круглыми столиками с яствами и напитками на белых скатертях-самобранках, длинных, до самого пола. И слушали выступающих, а теперь могли свободно поговорить друг с другом, пообщаться и поугощаться.)

К нам с Анатолием подходили люди, говорили нам спасибо, и мы подписывали и дарили им свои подарки — наши диски с песнями и книги.)

P.S.

Сергей Чернов сказал Анатолию Шамардину, чокаясь с ним своей рюмкой:

— Вы находитесь в блестящей вокальной форме и ещё дадите фору молодым!

Толя смущённо заулыбался и сказал:

— Я не выспался и не распелся... Я выплюсь и распоюсь и буду нормально выступать...

— У теноров особая постановка дыхания и особая культура пения... А в такой манере, в какой Вы поёте, у нас никто не поёт и не умеет петь. Даже (Сергей произнёс фамилию одного очень раскрученного и очень популярного сейчас тенора, который всё время выступает по телевидению. — Н. К.)... Он тоже старается петь мягко, спокойно, без надрыва, но так, как у Вас, у него не получится.

Мы с Толей в свою очередь похвалили Сергея Чернова, который спел на вечере песню «Урал-батюшка, Сибирь-матушка», где есть и «белая папах», и «чёрный пистолет», и есть такие слова:

Если нет Сибири, так и нет Руси.

Если нет печали, счастья не проси.

Если нет России, так и нет меня!

Он пел её с таким эмоциональным напором и с такой удалью, «в казачьей манере», «крепким голосом», очень здорово!

Сергей сказал:

— Я сегодня первый раз исполнял эту песню на людях.

* * *

Здание общежития Анатолия Шамардина сохранилось

В один из дней мы с Толей прогулялись от нашей гостиницы «Урал» по Комсомольской (Торговой) улице до улицы Октябрьской, где находилось и находится общежитие пединститута, в котором Толя, молодой специалист, преподаватель иностранных языков, жил целых три года, в большой комнате площадью 25 квадратных метров, с печным отоплением (которое теперь уже наверняка не печное)... и где Толя был счастлив, имея свой угол, а значит и условия для творчества, и сочинял песни и сочинил их так много, как много потом никогда и нигде не сочинял.

— Счастливое это было время! — прокомментировал мне Толя свои воспоминания о том времени, — Но сейчас я не хотел бы снова оказаться там, чтобы повторить снова весь свой путь в искусство.

— А вон на боковой стене — окошко профессора Трапезникова, у которого была очень большая библиотека и к которому я ходил вечерами поговорить о смысле жизни и о разных высоких материях. Он не так давно умер. Жалко! Очень хороший был человек, со старинными интеллигентными манерами, и очень начитанный, человек энциклопедических знаний... И очень любил слушать, как я пою... Говорил мне: «Анатолий, спой «Луговую...», мою «Луговую рань» на стихи Бокова.

Мы с Толей сфотографировали друг друга около этого общежития, которое теперь может быть, и не общежитие... и заглянули во двор через железные ворота, которые были на замке.

— Вход в общежитие находился там, — объяснил мне Толя.

В книге-справочнике «Шадринск» Виктора Мокеева (Челябинск, Южно-уральское книжное издательство, 1986), про улицу Октябрьская говорится, что она называется так с 1920 года (а как она называлась раньше, не говорится): «В её каменных и полукаменных строениях просматривается дореволюционный купеческий Шадринск. В последние годы многие многоэтажные дома вытесняют эти отжившие свой век постройки. Останутся лишь некоторые из них как архитектурные памятники старого города».

Здание общежития, где когда-то жил Анатолий Шамардин, слава

Богу, сохранилось как архитектурная постройка старого города. А сама улица обрела черты нового времени за счёт евроремонта некоторых зданий и за счёт рекламных вывесок.

* * *

Встреча Анатолия Шамардина со своими студентками в музыкальной школе.

(История от Анатолия Шамардина, записанная Ниной Красновой от лица Анатолия Шамардина)

Есть песня «Давно не бывал я в Донбасе». А я давно не бывал в Шадринске, где в 60-е годы (с 1966 по 1968) я преподавал в пединституте иностранные языки и руководил художественной самодеятельностью. Я уехал из этого города 44 года назад и, соответственно, не был там 44 года. И вот недавно я приехал туда, по приглашению администрации и управления культуры Шадринска — участвовать в празднике 350-летия этого города, выступить в концертных программах. Начальник управления культуры Сергей Чернов, кстати сказать, отличный певец и композитор и ещё и поэт, сказал мне:

— Толя, вечером ты будешь выступать в музыкальной школе. Там будут твои студентки.

Очень хорошо! Я люблю выступать перед молодыми девушками, как и вообще перед женским полом!

Я побрился бритвой «Жилет», принарядился, взял с собой гитару и пришёл в музыкальную школу. Смотрю в зал. Думаю: а где же мои студентки? В зале сидят в основном дамы постбальзаковского, то есть пенсионного возраста... и малые детишки, внуки и внучки эти дам. И вдруг я вижу, у стены, в углу сидит милая девушка с пшеничной косой. Думаю: «А, вот и моя студентка! Что-то я её не припоминаю, но она точно моя студентка!» И я говорю своим зрителям в микрофон:

— Я рад видеть в этом прекрасном зале всех вас и петь для вас свои песни на разных языках и на русском, в том числе и свои собственные! И рад видеть здесь одну свою студентку, которая вон сидит у стены, девушка с косой, я узнал её...

А соседка этой девушки, дама преклонных лет, и говорит мне:

— Толя, это моя дочка, а твоя студентка — это я! — и идёт она ко мне и преподносит мне букет оранжерейных цветов и обнимает и целует меня, ну и я её, соответственно, тоже.

Я не учёл того, что с 1968 года прошло уже 44 года, и мои студентки, молоденькие девушки 60-х годов, давно выросли и стали мамами и бабушками и сильно изменились... Как и я тоже сильно изменился за это время. Но, правда, мои студентки, которых я уже не смог узнать, узнали меня и сказали, что я почти не изменился, по крайней мере остался таким же весёлым, и голос у меня такой же молодой, звонкий и охмуристый, как раньше.

И я с удовольствием пел для них, а с одной из них, которая вышла к сцене танцевать под мои песни, даже и потанцевал.

(Когда Анатолий Шамардин вернулся в Москву, он на своих вечерах и концертах рассказывал своим зрителям о городе Шадринске и о шадринцах и рассказывал и эту смешную историю, примерно такими вот словами, какими я пересказала её здесь. — Н. К. 4 января 2015 г.)

* * *

Подарки от Анатолия Шамардина

Перед поездкой в Шадринск мы с Толей Шамардиным успели выпустить два вида Толиных дисков с песнями, по 500 экземпляров каждый, при помощи Толиного друга Владимира Двуреченского, специалиста этого дела: диск «Песни народов мира» с песнями народов мира на разных языках, и диск «Сон под пятницу» с Толиными песнями на мои стихи. И часть этого тиража мы взяли с собой в Шадринск и раздали шадринцам, дисков 50... Не всем, кому попало, а Сергею Чернову и его жене Нине, некоторым сотрудницам управления культуры, Александру Виноградову, мэру города Алексею Кокорину, директору музыкальной школы Людмиле Фёдоровой, некоторым участникам и зрителям вечеров, где мы выступали, некоторым нашим с ним новым знакомым, а также — сотрудникам гостиницы «Урал», в которой мы жили почти целую неделю и в ресторане которой завтракали, обедали и ужинали (бесплатно, за счёт города), мы подарили диски горничным, официант-

кам и поварам... Чтобы у людей в Шадринске (пусть и у малого количества) были эти диски и чтобы люди слушали их. Чтобы от нас с Толей в Шадринске остались

не только какие-то воспоминания в сердцах людей, но и плоды нашего творчества, плоды нашего искусства.

А я подарила шадринцам экземпляры своей книги «Избранное» 2011 года.

* * *

1. Гала-концерт в Шадринске.

18 августа Анатолий Шамардин участвовал в гала-концерте, который проходил на центральной площади Шадринска перед мэрией, на большой сцене.

Ведущий, представляя Анатолия публике, сказал, что сейчас выступит певец и композитор, который когда-то жил и работал в Шадринске, в пединституте, учил студентов иностранным языкам:

— Золотой голос России! Экс-солист оркестра Леонида Утесова Анатолий Шамардин! Город Москва!

Анатолий в своём традиционном для него наряде — в чёрном бархатном пиджаке и в красной рубашке с чёрными вертикальными полосками, весь такой стройный, подтянутый и вдохновенный, вышел на сцену под аплодисменты публики и сказал:

— Я с волнением выхожу на эту сцену и поздравляю вас с вашим великолепным праздником! Так получилось, что целых 44 года я не был в Шадринске (несмотря на то, что много ездил с концертами по стране). И вот наконец я приехал в Шадринск и хочу вам спеть свои песни. Среди них у меня есть один вокализ, который я сочинил в Шадринске, когда преподавал здесь иностранные языки и проживал на Октябрьской улице. Песня называется «Приятная встреча». Я как в воду глядел, когда сочинял её, я как знал, что я опять приеду сюда и у нас с вами будет приятная встреча. Она произошла благодаря руководству вашего города и начальнику управления культуры Сергею Чернову! Благодаря им я снова попал в этот город! Я вас люблю! Я ценю талантливый народ вашего города! И сейчас спою вам песню, которая называется «Росси-

янка». Музыка — моя. Стихи написала замечательная российская поэтесса Нина Краснова! Нина, покажись шадринцам, пожалуйста! (Я вышла на сцену и поклонилась зрителям.) Вот она, Нина Краснова, да! Итак, песня «Россиянка»!

(Анатолий спел её под музыку в новой аранжировке, изящно и весело пританцовывая на сцене! Потом спел ещё несколько песен на иностранных языках — «Красивая девушка», «Весёлые крестьянки», тоже пританцовывая. И, естественно, вызвал у зрителей полный восторг! И получил от них цветы и поцелуи!

(Причём всё это транслировалось на большом экране сбоку от сцены.)

2. Приятная встреча Анатолия Шамардина со своей ученицей через 44 года.

Ко мне — на зелёную травяную площадку около сцены — подошла дама лет шестидесяти пяти, приятной наружности, с простым добрым лицом, и, вся светясь от неопишуемой радости, оттого, что она увидела и услышала Анатолия Шамардина, сказала:

— Я училась у Анатолия Шамардина, я его студентка 60-х годов и его вечная поклонница!

— Да?! Как вас зовут:

— Татьяна Тегальцева!

— Татьяна, Вы учились у Анатолия Шамардина в пединституте? Он учил вас немецкому языку?

— Да! Он преподавал нам немецкий язык и пел нам песни на немецком языке, прямо на лекциях. Некоторые преподаватели считали, что этого делать нельзя, что это как-то несерьёзно и несолидно. Никто из преподавателей не пел песен на лекциях, это было не принято. Да никто и не умел петь так, как он. А он пел... Это тогда было очень ново.

— Через песни легче учить иностранный язык. Через песни он лучше усваивается. Сейчас даже появилась такая методика — изучать язык через песни.

— Да, конечно! И Анатолий Шамардин учил нас — по своей методике — петь песни на немецком языке и на русском, в том числе и его собственные. И мы пели их. Он занимался с нами не только немецким языком, но и художественной самодеятельностью. Мы пришли

к нему и сказали: мы хотим петь! Он сказал: «Я вас научу!» И он учил нас и на уроках, и после уроков. Так хорошо, так весело было! И мы так благодарны ему! Мы выступали вместе с ним на концертах, на вечерах иностранных языков! И в стройотрядах пели! Он играл на гитаре... Такая хорошая память у нас осталась обо всём этом! Это же была наша молодость, наша юность! Чудо! И мы всегда жалели, что он уехал! Очень жалко нам было, что он уехал, очень жалко!

— Ну а теперь он вот приехал! Теперь он будет каждый год ездить сюда!

— Столько лет прошло... Мы вообще в него были все влюблены, мы обожали его! И мы все в институте звали его — Толик Шамардин! Он был черноволосый, красивый, с таким носом греческим...

— Вы столько лет не виделись с Анатолием и узнали его сразу, как только увидели?

— Конечно!

— Мне моя подруга говорит: «Узнаешь ты его теперь через столько лет или узнаешь?». И я сразу его узнала, стоило ему только выйти на сцену, и даже только боком повернуться, я его сразу узнала, смотрю: конечно, это он! Конечно, это он! Ха-ха-ха!

— Он мало изменился за 44 года. Не настолько, чтобы Вы могли не узнать его. И главное — нос у него не изменился. Утёсов когда-то в шутку сказал Толе, который пришёл к нему в оркестр: «Как ты с таким носом будешь петь русские песни? Разве можно петь их с таким носом? Ладно, пой иностранные». А тогда, в советское время, певцам не позволялось петь песни на иностранных языках, то есть это не поощрялось, от певцов требовали советского репертуара.

— Да.

— То есть Утёсов сделал Толе такую поблажку, сказал: пой иностранные песни и какие хочешь. И Толя пел и поёт иностранные, и русские, в том числе и свои собственные на стихи разных поэтов.

— Он учил нас петь, подсказывал, что надо делать, чтобы петь лучше. Преподавал нам и немецкий язык, и секреты вокального искусства. Мы прямо с открытыми глазами и с открытыми ртами смотрели на него, ловили каждое его слово, вбирали и впитывали в себя всё, что он нам говорил! Жалко, что как-то быстро это время прошло, и он уехал... Очень жалко!

— Но оно сохранилось в Вашей памяти и сейчас вернулось?

— Да.

— Татьяна, а Вы сами — уроженка Шадринска?

— Да.

— А вам пригодился в жизни немецкий язык, который Толя преподавал Вам?

— Да. Я потом всю жизнь работала в пединституте, преподавала немецкий язык!

— Здесь, в Шадринске?

— Да.

— Ой, надо же!

— Это благодаря Толику Шамардину! Благодаря ему я решила преподавать немецкий язык.

— И сейчас преподаёте?

— Нет, сейчас я уже на пенсии.

И в этот самый момент к нам, лёгок на помине, подошёл разрозневшийся от своего успеха у зрителей Толя Шамардин, который уже выступил в гала-концерте и дал интервью корреспондентам. Я представила ему его ученицу Татьяну Тегальцеву, которую Толя то ли узнал, то ли нет, я не поняла, по крайней мере он сделал вид, что узнал, и обошёлся с ней очень ласково. Воскликнул:

— Какая приятная встреча!

Нина Краснова (Анатолию Шамардину): — Толя, Татьяна рассказала мне, как ты учил студентов немецкому языку и пению. Они все очень любили тебя и все были в тебя влюблены...

Анатолий Шамардин (смеясь): — Да? А я и не знал об этом!

Татьяна Тегальцева (Анатолию Шамардину): — Жаль, что ты мало позанимался с нами и как-то быстро уехал из Шадринска...

Анатолий Шамардин: — Да, да, да... Это случайно я уехал. Мне здесь было хорошо, мне здесь очень нравилось. Я поехал в Ленинград, поступать в аспирантуру и поступил. Но мне там не понравилось. Не понравились все эти доктора наук... Они преподавали то, что я и без них уже знал. Они просили меня, чтобы я читал стилистический анализ в разных группах... то, что я делал и в пединституте. То есть мне в аспирантуре было неинтересно, мне там было абсолютно нечего делать. Ничего там для меня не было нового. А возвращаться в Шадринск мне было уже поздно, здесь моя вакансия была уже занята.

Нина Краснова: — А Эдуард Хиль сказал тебе: «Толя, зачем тебе иностранные языки? Иди в эстраду».

Анатолий Шамардин: — Я полтора года пробыл в Ленинграде, ходил там по театрам, на разные концерты. А потом Хиль меня услышал... Я пришел к нему на концерт, предложил ему свою песню («Ну, конечно, море синее...»), и спел ему её), а он говорит: «А Вы где поёте?» — Я говорю: «Я нигде не пою, я языки преподаю в аспирантуре». — Он говорит: «Зачем тебе с таким твоим голосом преподавать языки? Зачем они тебе? Иди, — говорит, — в филармонию к директору, возьми с собой гитару и, ничего не говоря, спой...» — Я так и сделал, пришёл к директору и, ничего ему не говоря, спел ему «Куано мама» («Красивую девушку»), и меня тут же отправили на гастроли, и пошло-поехало! Я стал артистом Ленинградской филармонии.

Нина Краснова: — А потом попал в оркестр Утесова.

Анатолий Шамардин: — Да, потом я попал в оркестр Утесова, потом в Росконцерт... ездил выступал по всей по России и по всему Советскому Союзу... А потом ездил в Европу... и там мнегодились мои иностранные языки. Я раз восемь, каждый раз по шесть месяцев, был в Германии, читал там лекции о русском фольклоре, на немецком языке, в вальдорских школах, и давал концерты и вёл их на немецком языке, в общем, всё у меня было связано одно с другим нормально.

Нина Краснова: — Боков в шутку говорил тебе: Толя, ты на всех языках поёшь и говоришь без акцента, и только на русском — с акцентом (с южнорусским произношением).

Татьяна Тегальцева: — У Толи дар от природы! И дар к языкам, и дар к пению... и к сочинению песен... и бесподобный голос! Какое счастье, что Толя приехал в Шадринск 44 года назад и теперь, через 44 года! И какое счастье, что у меня теперь есть диск с его песнями! Я буду крутить и слушать этот диск. Это здорово!

Нина Краснова: — А не сфотографироваться ли нам втроём на память?

...Мы сфотографировались втроём на фоне зелёных кустов и на фоне мэрии Шадринска.

* * *

Альма-матер Анатолия Шамардина — пединститут

...Поздно вечером, когда в небе Шадринска сверкали разноцветные праздничные салюты, похожие на разноцветные букеты, мы с Толей прогулялись до пединститута, и Толя показал мне свой пединститут, свою альма-матер, где он когда-то преподавал иностранные языки.

— Больше у нас не будет дня и не будет времени увидеть мой пединститут, — сказал Толя.

— А не можем же мы уехать отсюда и так и не увидеть его. Не так часто мы бываем в Шадринске. Ты — раз в 44 года сюда собрался, а я — и вообще первый раз в жизни.

Здание института очень внушительное, старинное, с каменными узорами... Такого красивого пединститута ни в одной столице нет, а в Шадринске он есть! Мы с Толей сфотографировали друг друга около него, как за два дня до этого — и около общежития на Октябрьской улице, где когда-то жил молодой, поющий своим полётным голосом песни народов мира преподаватель немецкого языка Толя Шамардин, в которого были влюблены все студентки.

* * *

«Посиделки» в Шадринске

В Шадринске у нас с Толей Шамардиным были встречи с шадринцами не только на культурных мероприятиях, но и на дружеских «посиделках». Такие «посиделки» были у нас, например, в управлении культуры, где мы пили чай с яблочными пирогами... Там была и жена Сергея Нина Чернова, моя тёзка, с которой Сергея соединила судьба много лет назад, на культурной почве, Сергей выступал в концертах, а Нина вела эти концерты. Ничего случайного нет в этой жизни.

Были у нас «посиделки» и в музыкальной школе, где есть свой музыкальный музей... с разными музыкальными инструментами и разными другими ценными экспонатами, которые директор Людмила Фёдорова, Людмила Петровна, подвижница музыкальной

культуры, собирает уже много лет везде, как только может и где только может.

* * *

Песни Анатолия Шамардина стали народными

Кто-то из Толиных поклонниц сказал Толе, что его песни до сих пор звучат в Шадринске, что их поёт какой-то местный фольклорный ансамбль.

— А какие песни?

Поклонница назвала одну — то ли «Черёмуху заречную» то ли «Красную рябину»...

— Я уж и забыл, что когда-то написал эту песню... А люди поют её, надо же, — приятно удивился Толя Шамардин автор песни, которая уже превратилась в народную и живёт сама по себе... ..

* * *

Известные и малоизвестные города

— Толь, — говорила я Толе, когда мы гуляли с ним по Шадринску. — Города — как люди, в том числе и как люди искусства и литературы. Есть города или какие-то красивые местности, которые неизвестны или малоизвестны в мире, а есть которые известны на весь мир. Но это не значит, что города или местности, известные на весь мир, лучше неизвестных или малоизвестных, а даже наоборот. Так и певцы, и композиторы, и поэты... Шадринск — не такой уж известный в России город, но он намного лучше иных очень известных городов... и здесь есть свои звёзды, которых не видно, допустим, в Москве или в каких-то других точках нашей страны и нашей планеты... отчего они не перестают быть звёздами.

Как в космосе... мы видим только те звёзды, которые видны нам, но не видим другие звёзды, которые нам не видны, отчего они не перестают быть звёздами.

...И Москва такой космос, где видны не самые лучшие звёзды, даже если они и самые известные. Там видны, а значит и известны только те звёзды, которые нам показывает экран телевизора, экран этой своеобразной обсерватории.

* * *

Живой Журнал Нины Красновой. 11.09.2012, 1:25 (Запись 10.09.2012, 22:04)

Знаменитые и незначительные люди и города

Есть знаменитые и незначительные люди. И есть знаменитые и незначительные города.

Знаменитые города — как знаменитые люди. Кто-то считает, что знаменитые города и люди — лучше незначительных, и чем знаменитее люди и города, тем они и лучше. А это далеко не так. Или далеко не всегда так.

Незначительные люди могут быть несравненно лучше и интереснее значительных. Как и города.

Шадринск — не самый знаменитый город на карте России и на карте мира. Но какой же он хороший! И какие хорошие там люди, в том числе и представители власти. Чего не скажешь о многих более значительных городах и людях (в том числе и представителях власти).

* * *

Знаменитые люди Шадринска

Поэт Александр Виноградов, для меня, как и для Толи Шамардина, теперь просто Саша, рассказал мне о значительных людях Шадринска, о художнике Бронникове, об агрономе Мальцеве, о скульпторе Шадре... я даже записала всё это на диктофон, на плёнку, но пока ещё не расшифровывала её, руки у меня до этого пока не дошли.

Саша рассказывал мне всё очень обстоятельно, подробно, спокойно, не спеша, как будто лекцию в академии читал.

У него большая окладистая густая борода серого цвета, и такие же густые серые усы, и такие же густые серые волосы. Он похож на старинного академика 19 века и на мудреца. Он по своей философии жизни и по своему багажу знаний и есть академик, он и есть мудрец.

Толя сказал мне, что раньше у Саши не было бороды и усов, но я не видела его без бороды и усов и теперь не могу представить его без них. А у Толи раньше как раз была борода (кавказская молодёжная бородка) и были усы, но не серые, а чёрные, то есть тёмно-коричневые. Я видела фотографии, где Толя с бородой и усами.

Толя, глядя на Сашу, не без некоторой зависти сказал мне:

— Надо же, какие у Саши густые волосы, сохранились же, несмотря на возраст.

У Толи когда-то волосы тоже были густые, а потом стали редеть. Особенно когда он пожил в Арзамасе, где тогда произошла химическая авария. В Арзамасе он тоже преподавал иностранные языки и руководил художественной самодеятельностью.

Я сказала Толе:

— А ты говори всем, что это у тебя твои поклонницы повыдергали все волосочки, взяли их себе на память.

Скульптор Шадр больше всего знаменит своей скульптурой «Булыжник — орудие пролетариата» (в названии которой мне слышится какая-то ирония) и своими скульптурами Ленина. Но и не только этим.

А фамилия Шадр — это, оказывается, псевдоним, от названия города Шадринск.

* * *

«Общий портрет города складывается из людей...»

Так сказал на вечере в Центре досуга Сергей Чернов.

Очень хороший портрет Шадринска сложился у нас с Толей из тех людей, с которыми мы встретились в Шадринске на празднике этого города 15–20 августа 2012 года.

* * *

Письмо и стихи на дорожку

Жена Сергея Чернова Нина дала нам с Толей на дорожку конверт, в котором было её письмо, а при нём стихи Сергея «Золото души».

Письмо Нины Черновой — Нине Красновой и Анатолию Шамардину:

«Дорогие Нина и Анатолий!

Посылаю Вам на память Серёжины стихи и хочу сказать вам, что золото ваших прекраснейших душ — самой высшей пробы!

Я очень рада, что познакомилась с вами, и желаю вам, чтобы на внутреннем дворике вашей души цвели самые яркие цветы и всегда было тепло и уютно!

Нина Чернова.

г. Шадринск,

19 августа. Утро, 9:30.

Сегодня Преображение Господне».

К письму Нина приложила стихи Сергея Чернова «Золото души» — о том, что «простая человеческая дружба» дороже «злата-серебра» и что «лишь золото души не дешевет», и что «лишь золото души никто не смеет... в ломбарде заложить», и надо беречь это золото, ценнее которого нет ничего на свете.

* * *

Подарки от шадринцев

...Из Шадринска в Екатеринбург нас с Толей доставил на машине приятель Сергея Чернова, молодой парень «кавказской национальности», очень мудрый и рассудительный, он по дороге рассказал нам о своей жизни, о своих планах и сказал, что мечтает жениться на девушке, которая полюбит его самого, а не его зарплату.

Из Екатеринбурга мы с Толей долетели на самолёте до Москвы. Привезли с собой сувениры от шадринцев — книги и альбомы о Шадринске, наборы открыток с видами Шадринска, диски и кассеты с фильмами и песнями о Шадринске. А главное — прекрасные впечатления о Шадринске и о шадринцах и любовь шадринцев к нам и нашу любовь к ним и душевную благодарность Шадринску и шадринцам и нашим новым друзьям, и, конечно, к Сергею Чернову и его жене Нине, и нашему старому другу поэту Александру Виноградову за гостеприимство и за всё.

* * *

Из Живого Журнала Нины Красновой. 24.08.2012, 16:22

Шадринцы хотят, чтобы мы приезжали к ним чаще!

...Не успела я написать в своём ЖЖ страничку о том, как шадринцы принимали нас с Анатолием Шамардиным в Шадринске на юбилейном празднике города, как получила от шадринцев радушный комментарий к этой страничке:

ext_317781 wrote:

Aug. 23rd, 2012 05:31 pm (UTC)

Приезжайте чаще, будем рады!

...Мы тоже будем рады — приезжать в Шадринск чаще! И рады, что вы будете рады нам, если мы будем приезжать к вам чаще, не раз в срок четыре года.

Сейчас я привожу в порядок и раскладываю по полочкам свои впечатления о Шадринске и о шадринцах, а впечатления эти у меня, как и у Анатолия Шамардина, самые лучшие!!!

И ещё я просматриваю свои фотоматериалы, которые я привезла из Шадринска в Москву... и их тоже привожу в порядок, сортирую, рас-

кладываю по файловым папкам, часть фотографий отдала в фотосалон на проявку и распечатку... Всего я сделала в Шадринске 386 фотокэдров на своём цифровом фотоаппарате «Sony»... примерно 180 из них получились неплохими, а какая-то часть получилась очень хорошей...

* * *

Живой Журнал Нины Красновой. 22.08.2012, 18:28

На машине ехать намного опаснее, чем лететь на самолёте!

(Анекдот от Анатолия Шамардина)

Перед нашими с Анатолием Шамардиным «гастролями» в город Шадринск Курганской области, куда мы должны были 15 августа 2012 года лететь на самолёте из Москвы через Екатеринбург (Свердловск), то есть долететь на самолёте до Екатеринбурга, а потом пересесть на машину и на машине доехать до Шадринска, Анатолий Шамардин, зная, что я не очень привыкла летать на самолётах, которые в наше время к тому же иногда разбиваются, рассказал мне анекдот из своей коллекции.

— Один человек, зная, что его друг собирается куда-то лететь на самолёте, но очень боится, успокоил его:

«Да ты не бойся, Федя, лететь на самолёте. Потому что на машине ехать намного опаснее, чем лететь на самолёте. Мои знакомые год назад ехали на машине, по хорошему ровному шоссе, соблюдали все правила движения, не превышали скорость, и вдруг на них упал какой-то самолёт...»

Кстати сказать, в Ленинграде 22 августа самолёт «АН-24» упал на детский сад, на дворик детского сада. Правда, никто там не погиб. Погибли только (!) два пилота.

— «АН» — это очень ненадёжный самолёт, — сказал мне Анатолий Шамардин. — «АН»-ы падают чаще всех других, и на этих самолётах всё время кто-нибудь разбивается... На «АН», ещё в советское время, разбился детский хор Всесоюзного радио и известнейший пародист советского времени Чистяков...

Мы с Анатолием Шамардиным летели из Москвы в Екатеринбург, а потом и из Екатеринбурга в Москву, слава Богу, не на «АН», а на великолепном самолёте новой марки «А-320» (Урал-авиалинии), разработанном итало-французско-американской компанией, которым управляли наши российские лётчики.

Одна пассажирка из Иркутска сказала нам на аэровокзале в Домодедове:

— У нас наши российские самолёты сейчас бывают не очень хорошие, старые, устаревшие, износившиеся, летишь на них, они трясутся, шумят, и крылья у них хлопают и того гляди отвалятся... но лётчики у нас — самые лучшие в мире, они даже самыми плохими самолётами управлять умеют, а хорошими — тем более...

* * *

Живой Журнал Нины Красновой. 03.09.2012, 13:32

Письмо из Шадринска Нине Красновой от Сергея Чернова

Сегодня ночью я вставила в свой Живой Журнал копию моей «НГ»-вской публикации о празднике 350-летия города Шадринска, взятую мной из Интернета, с сайта Ex libris-НГ. И утром получила из Шадринска письмо от организатора и участника этого праздника — от начальника Отдела культуры Сергея Александровича Чернова. Радостное, благодарное, горячее дружеское письмо!

Сергей Чернов — Нине Красновой:

сегодня в 07:28

Здравствуйте, Нина Петровна!

Огромное спасибо и низкий поклон за теплый материал в НГ!!!

Горячие приветы от Отдела культуры, Александра Михайловича Виноградова и Нины Черновой!!!

В свободное время читаем вслух дома Вашу книгу и слушаем диск Анатолия Викторовича!!! Храни вас Бог.

Удачи и здоровья!

Чернов С.

Когда я посылала по электронной почте свой материал о празднике Шадринска Евгению Лесину и Андрею Щербак-Жукову в «Независимую газету», я написала им: «Я буду рада, если этот материал появится в моей любимой «Независимой газете»! И шадринцы будут рады!!! и повесят газету на стены администрации и на стены всех домов Шадринска и поместят её в своём краеведческом музее!!! И будут славить вас и нас и Эсклибрис «Независимой газеты» в веках!»

Я оказалась, как говорится, не бабкой, а угадкой, то есть пророчицей. Шадринцы и в самом деле рады моему материалу о 350-лети Шадринска... А я рада, что они рады!!!

А вообще в газете всё это выглядит намного красивее, чем в моём Живом Журнале. И чтобы увидеть, как там всё это выглядит, да ещё с цветной фотографией, на которой запечатлены гости и участники праздника Нина Краснова (автор этих строк) и Анатолий Шамардин, а с ними (с нами) «Гусь-балалаечник», надо нажать вот на эту кнопку с буквами:

Подробнее:

http://exlibris.ng.ru/fakty/2012-08-30/3_ural.html?insidedoc

Нина Краснова — Сергею Чернову:

Дорогой Сергей Чернов! Спасибо Вам за Ваше письмо!

В ответ на него шлю свои горячие приветы Вам, Отделу культуры Шадринска, поэту Александру Михайловичу Виноградову и Нине Черновой и т. д.!!! И ещё — Гусю-балалаечнику! И прилагаю к своим приветам такие же горячие приветы от Анатолия Викторовича Шамардина!

Нина КРАСНОВА

* * *

Живой Журнал Нины Красновой. 09.09.2012, 3:53 (08.09.2012, 20:43)

Начальник Отдела культуры города Шадринска и его песни

Когда мы с Анатолием Шамардиным уезжали к себе в Москву из гостеприимного зауральского городка Шадринска, в котором пробыли несколько дней, начальник Отдела культуры Администрации Шадринска, певец, музыкант, композитор и поэт и наш куратор и гид Сергей Чернов подарил нам — наряду со всеми другими подарками, книгами и справочниками о Шадринске и открытками с видами Шадринска — аудио-диск с записью песен в своём собственном исполнении. Анатолий спрятал этот драгоценный подарок в свои вещи и, по своей творческой рассеянности, забыл — куда, и потом никак не мог вспомнить — куда. Перерыл все свои вещи и нигде не мог найти его. «И куда я сунул его?» сокрушался он.

И вот днём 8 сентября, когда мы с ним собирались идти к одному нашему товарищу, музыканту, репетировать программу нашего очередного концерта, Анатолий взял свою шестиструнную гитару, зачехлённую в твёрдоматерчатый чёрный чехол, и в боковом кармане чехла обнаружил... свою пропажу! аудио-диск Сергея Чернова «Облепиховый мёд»! Слава Богу! Ура-а!

Тут же мы включили аппарат «Vitek» (который в просторечье называется «Витёк») и стали слушать на нём песни в исполнении Сергея Чернова! И получили такое огромное и своеобразное удовольствие, которое не сформулируешь ни одними словами и которое даже и сравнить не с чем!

На диске — 18 песен.

Семь из них сочинил композитор Шадринска Юрий Гаврилов:

«Летят паутинки», «Пусть Шадринск наш процветает», «Вышей мне рубаху», «Коньячок», «ГТТ», «Газушка», АТС, «Шадринский район».

А одиннадцать — сочинил сам Сергей Чернов (музыку к ним):

«Сторонушка рябинная», «Туман-туман», «Над рекою Течей», «Зауральская ночь», «Облепиховый мёд», «Горельник», «Праздник песни», «Рябинины», «Чубчик», «Иванович, Ивановна», «Автоагрегатный», «От Мушкино до Пойково».

Во всех песнях — такая естественная, чистая, искренняя, ничем (в том числе и идеологией) не замутнённая любовь к своему мало-знаменитому (для кого-то) городу, к своему краю, к его природе, к его людям, к его милым девушкам, и даже к его заводам (например, к Автоагрегатному заводу), и такая хорошая человеческая гордость героя песен своей малой родиной, своей землёй, без подобострастного отношения к большим знаменитым городам...

Все песни Сергей поёт с душой, красивым крепким баритоном, со своими интонациями и вибрациями, с великолепными низами и верхами, с тонким артистизмом, с эмоциональным напором и драйвом, с настроением, соответствующим тексту каждой песни, и — главное — с душой! Красивым крепким мужским голосом и с душой!

...Мы послушаться его не могли!

А одна песня Сергея Чернова понравилась нам больше всех других и потрясла нас больше всех других! «Рябинины»! О рябине, олицетворяющей девушку, и о тумане, олицетворяющем «парня молодого», и об их любви, которая закончилась расставанием — навсегда или на время? об этом в песне не говорится.

Сергей поёт её на два голоса — первым своим голосом и вторым своим же. И поёт так тревожно-волнующе, так проникновенно, так драматично, достигая идеального совпадения голоса с мелодией и с содержанием песни... Причём содержание её не ограничивается только конкретными словами текста, оно имеет некий лирический надтекст, подтекст и контекст, некий объёмный смысл и сосмысл... Здесь — и печаль и отчаяние девушки, которая тяжело переживает своё расставание с любимым, здесь — и сочувствие к ней исполнителя песни, здесь — и его стремление утешить «рябину» и вселить в неё оптимизм и внушить ей, что даже несчастливая любовь — благо, и что любовь не бывает напрасной, даже если она заканчивается расставанием, здесь — и его просьба к девушке-рябине не судить строго своего любимого, который уплыл от неё, как туман, но не исключено, что рано или поздно он вернётся к ней, не может быть, чтобы не вернулся...

Ты не пой, ой,
ты не пой про расставание с любимым...

Если милый за туманом где-то сгинул,
Ты его за это не суди...

И что-то такое ещё есть в этой песне и в самом её исполнении Сергеем Черновым, и в тембре голоса певца, помимо всего прочего, о чём я сказала... что-то такое просветлённо чудесное и глубоко трогательное и щемящее, отчего её нельзя слушать без слёз... Мы с Анатолием слушали её и радовались ей и восхищались ею и... оба обливались слезами. А потом мне захотелось плясать под неё, под её забойный ритм. Давно я не плясала.

В этой песне талант Сергея Чернова как певца и композитора раскрывается с особой силой и с особым блеском. В других песнях — тоже, но в этой — ярче всех!

Эта песня — визитная карточка Сергея Чернова, с которой он мог бы выходить на самую большую и самую престижную сцену не только в Шадринске, но и в Москве! И где угодно... и везде он с нею имел бы фурорный успех! А если бы выступил на Центральном ТВ, то стал бы любимцем миллионов зрителей. И не только с этой песней. Да к тому же он и сам собой хорош — уральский богатырь высокого роста, плотного телосложения, косая сажень в плечах.

...Вот такой в Шадринске начальник Отдела культуры Администрации. Дай Бог каждому городу такого... Но на все города таких не хватит. Он один такой — на весь Шадринск и на весь Урал.

Нина КРАСНОВА

* * *

10.09.2012, 15:37

Приветы из Шадринска в Москву и из Москвы в Шадринск

Когда не было электронной почты, люди писали друг другу письма от руки и посылали их друг другу простой почтой или заказной, которая доставлялась из города в город на поездах и на самолётах, а ещё раньше, допустим, в XIX веке, на лошадях, с помощью ямщиков. Письма

шли от отправителя к адресату иногда по целой неделе, а то и по две... и могли затеряться в дороге. А теперь появилась электронная почта, и люди могут общаться друг с другом по этой почте и не бояться, что их письма затеряются в дороге и не дойдут до своих адресатов. Причём письма теперь идут из пункта А в пункт Б не неделю или две, а всего несколько секунд, преодолевая самые огромные географические расстояния в сотни и тысячи километрово по земле, по воде и по воздуху. Допустим, из России в Америку, из Москвы в Вашингтон... Или из европейской части России на Урал... через среднерусскую и западно-сибирскую равнину и через Уральские горы... Например, из Москвы в Шадринск, который находится в 2-х тысячах км от Москвы... То есть теперь между людьми как бы не существует никаких расстояний, никаких «дистанций огромного размера», как сказал бы Грибоедов.

Вчера поздно вечером я послала по электронной почте свой привет из Москвы в Шадринск, начальнику Отдела культуры Администрации Шадринска, певцу, композитору, поэту, музыканту Сергею Чернову. И вчера же Сергей Чернов получил мой привет из Москвы. А сегодня в 7:00 утра прислал мне в Москву свой привет из Шадринска!

1. Привет из Москвы

9 сен. в 22:31

Кому: Нина Краснова — Сергею Чернову

Добрый вечер, Сергей!

В Москве — поздний вечер, а в Шадринске — ранняя ночь?

...Вчера мы с Анатолием Шамардиным слушали Ваш диск «Облепиховый мёд», песни в Вашем исполнении, среди которых есть и песни Вашего сочинения. Мы испытали такой огромный восторг и радость от всего этого и такое огромное удовольствие получили!

А одна Ваша песня растрогала нас до слёз — «Рябинины»! До того она хороша! Я слушала её и плакала в своём углу и старалась, чтобы Анатолий не увидел, что я плачу, но посмотрела и увидела — Анатолий тоже слушает её и плачет. В ней и в Вашем голосе заложено что-то такое, что её нельзя слушать без слёз, хотя поёте Вы её с оптимистическим настроением. В этой песне особенно ярко проявляется красота

и сила Вашего голоса и Вашей души, которая «рвётся наружу», и Вашего таланта певца и композитора! Если Вас выпустить с этой песней на Центральное радио и на 1-й телеканал, Вы забудёте всех звёзд и станете кумиром миллионов!

Мы с Анатолием прослушали эту песню много раз. А потом мне захотелось плясать! И я впервые за много месяцев, после своей травмы коленного сустава, заплясала! А уже думала было, что теперь не скоро смогу плясать и танцевать, при том, что очень люблю это делать.

СПАСИБО ВАМ, СЕРГЕЙ, за Ваши песни, за Ваше чудесное искусство! И за всё хорошее, что Вы несёте в мир!

...Мы с Анатолием сегодня опять слушали Ваш диск. Наслушаться не можем.

Спокойной Вам ночи! Счастливых снов, которые сбывались бы!

Привет Вам от Анатолия! И привет всему Отделу культуры Администрации Шадринска, всем Вашим «девочкам», и Нине Черновой! И поэту Александру Виноградову! И — Администрации Вашего чудесного города во главе с Алексеем Кокориным!

Мы с Анатолием будем счастливы приехать к Вам и в следующем году!

Нина Краснова

P.S. Я написала в своём Живом Журнале за 9 сентября страничку о Вас и о Ваших песнях. И 3 сентября я писала о Вас.

Н.

2. Привет из Шадринска

10 сен. в 07:00

Кому: Сергей Чернов — Нине Красновой

Здравствуйте, Ниночка Петровна и Анатолий Викторович!

Спасибо за теплые и потому всегда необходимые для художника слова одобрения моих творческих опусов. Я — человек, как мне кажется, адекватный в самооценке... и понимаю что удалось или не совсем удалось! Но, Нина Петровна, Вы попали в точку. Действительно песня «Рябиныны» — мой самый удачный «ребенок». СПАСИБО!!! На исходе

вашего шадринского вояжа я вскользь обмолвился о нашей будущей встрече на шадринской земле. Я думаю об этом непрестанно... О её формате, месте.

И пока прихожу к следующему видению — это должен быть творческий вечер Нины Красновой и Анатолия Шамардина в (...) (сие пока тайна велика есть. Н. К.).

Желаю вам здравствовать и душой, и телом!

В надежде на новые совместные культурологические проекты!!!

Сергей Чернов

До чего же отзывчивый человек — Сергей Чернов! Среди начальников Отделов культуры, которые встречались мне и Анатолию Шамардину в жизни, Сергей Чернов — первый и единственный такой отзывчивый! И первый и единственный начальник Отдела культуры, наделённый сразу несколькими талантами от Бога, талантом певца, композитора, поэта и музыканта, и способный воспринять и оценить чьи-то ещё таланты, невзирая на то, раскручены они кем-то или нет, и знамениты ли они на всю страну и на весь мир или нет.

Повезло Шадринску со своим начальником Отдела культуры Сергеем Черновым. И мне и Анатолию Шамардину повезло с Шадринском и с Сергеем Черновым. Тьфу-тьфу-тьфу, не сглазить! «Привет ему, привет», как сказал бы мой знаменитый земляк Сергей Есенин.

Нина КРАСНОВА

* * *

«Напишем про Шадринск?» — «Напишем!»

...Я по горячим следам написала для Экслибриса «Независимой газеты» статейку о 350-летию Шадринска и о нашем с Толей концерте в музыкальном училище, и напечатана её там (то есть Женя Лесин напечатал). И написала несколько страничек о Шадринске в своём Живом Журнале (в Интернете).

А Толя очень хотел, чтобы я написала ещё и более обширный материал о Шадринске... и чтобы рассказала подробно, какие хорошие

люди живут там, по-настоящему любящие свой город и заботящиеся о нём и о его истории и о его культуре, и как они гостеприимны, и как они встретили нас с ним, на самом высшем уровне, как звёзд мировой величины... и, конечно, похвалить и мэра города Кокорина, и начальника управления культуры Сергея Чернова, и почётного жителя города Александра Виноградова...

— Мы напишем о Шадринске? — спрашивал меня Толя.

— Напишем! Обязательно напишем и напечатаем в моём альманахе «Эолова арфа» (а где ещё это напечатаеть?!)

— Мы напишем о Шадринске? — опять спрашивал он меня через какое-то время.

— Напишем, Толечка! — вот только я выпущу альманах, посвящённый Вознесенскому... Вот только напишу мемуары о Золотухине... Вот только напишу для Эклибриса разные другие срочные статьи о новых текущих литературных мероприятиях, в которых мы с тобой участвовали... вот только издам свою новую книгу в «Вест-Консалтинге»...

— Мы напишем о Шадринске? — всё спрашивал и спрашивал меня Толя время от времени и всё ждал, когда же мы напишем о Шадринске, то есть когда же я напишу это, а Толя добавит к этому ещё что-то своё. И мы пошлём всё это в Шадринск нашим друзьям, чтобы они порадовались этому и чтобы знали, что мы их помним и любим.

Так и не написала я ничего больше, пока Толя был жив, всё откладывала это из-за каких-то более срочных литературных дел... Да и книги и альбомы о Шадринске утонули в моём архиве и надо было искать их там, чтобы освежить свои воспоминания о Шадринске и войти в тему...

...Но всё же то, что я обещала Толечке, я выполнила в какой-то степени сейчас. Жалко, что поздновато. Но лучше поздно, чем никогда. Хотя недавно мне попался другой вариант этого афоризма: лучше никогда, чем поздно, или — чем поздно, лучше никогда.

* * *

Коллективная фотография с Анатолием Шамардиным в Шадринске 2012 года

— А сейчас я прошу всех (участников вечера) выйти к подиуму! — сказал своим громким, хорошо поставленным баритональным голосом Сергей Чернов по окончании торжественной и литературно-музыкальной части вечера в Центре досуга и культуры «Октябрь», накануне Дня города Шадринска. — Давайте сделаем одну общую, коллективную фотографию. Это будет очень ценная фотография, для истории! Фотография, которая через энное количество лет станет артефактом!

Участники вечера весело вышли к подиуму и сфотографировались на память.

И мы с Анатолием Шамардиным тоже сфотографировались со всеми. И в Центре досуга... и потом, на другой день — ещё и в музыкальной школе, после нашего с ним вечера. И во все другие дни праздника в разных других местах Шадринска.

И никто не знал, и я не знала, что Толе, который собирался жить сто лет, потому что он же не пьёт и не курит, осталось жить всего год и восемь с лишним месяцев, и что уже через год и восемь с лишним месяцев, а не через энное количество лет, все фотографии того праздника, на которых есть Толя, и те, которые сделали фотографы Шадринска, и те, которые сделала я, станут арте-фактами. Как и видеозапись вечера в музыкальном училище, которую прислал нам с Толей в конце 2012 года Сергей Чернов. На диске с видеозаписью — очень красивая и качественная коллективная фотография! На ней — Сергей Чернов, Александр Виноградов, Лидия Долгих, я и другие участники и гости вечера и — в центре — Толя Шамардин, в своём самом парадном — чёрном бархатном — пиджаке, в красной рубашке с чёрными полосками и с шейным платочком, худощавый и стройный, как танцор из северокавказского ансамбля песни и пляски, и совсем молодой для своих (тогда 74-х) лет, полный сил, оптимизма и творческих планов...

* * *

Впечатления

— Какие у вас впечатления о Шадринске? — спросил нас с Толей Сергей Чернов после вечера в Центре досуга и культуры 16 августа. И спрашивал время от времени во все другие дни праздника.

— Самые лучшие!

— Много впечатлений?

— Ой, много!

— Вам теперь хватит их на неделю и на две недели...

— Нам хватит их теперь на всю жизнь! — ответили мы с Толей.

...И мы не знали, что всей жизни у Толи оставалось всего год и восемь с лишним месяцев. Мы думали, что на всю жизнь — это на сто лет.

И, вернувшись в Москву, мы с Толей везде только и говорили о Шадринске и о шадринцах и о своих впечатлениях. И на «посиделках» в журнале «Юность», и в домашнем кругу, и на литературных вечерах.

И Толя ставил Шадринск и руководство Шадринска и начальника управления культуры всем в пример и говорил:

— Вот так меня и нас с Ниной должны принимать во всех городах и в её родной Рязани, как нас принимали в Шадринске! Вот так нас должны приглашать и вот так должны принимать!

* * *

География биографии Анатолия Шамардина

В каких только городах России не работал Анатолий Шамардин, в вузах или в филармониях!

Арзамас, Белгород, Владимир, Елабуга, Шадринск, Ленинград, Смоленск, Липецк, Брянск, Калуга, Иваново, Тула, и Москва — столица нашей Родины.

Но Шадринск занимал в его душе своё особое место.

* * *

Ветеран искусства Анатолий Шамардин

— С каждым годом уходят из жизни ветераны, почётные граждане Шадринска, и для нашей памяти бесценными являются прижизненные встречи с этими людьми, — сказала ведущая вечера в Центре досуга, прелестная девушка с очень приятным голосом и чёткой дикцией, и обратилась к ветеранам, сидящим в зале: — Мы очень рады, что вы пришли сюда, пообщались друг с другом и с нами и вспомнили свой творческий путь... Мы всегда будем помнить вас и будем знать каждого из вас в лицо.

Тогда все её слова я отнесла к неким абстрактным ветеранам (чуть ли не к ветеранам Януша Осенки, то есть к ветеранам Восстания Костюшко).

А сейчас, когда я прослушивала свою плёнку с диктофонной записью этого вечера, меня молнией пронзило, и я вдруг подумала: «Да ведь эти слова и о Толе Шамардине! Ведь он для людей молодого поколения тоже — ветеран, ветеран искусства!.. И именно он рассказывал на вечере о своём творческом пути...».

И прижизненная встреча шадринцев с Толей Шамардиным, которая тогда оказалась последней для него и для них, теперь особенно бесценна, когда он ушёл из жизни. И они будут знать его в лицо и будут помнить.

А я никогда не смотрела на Толю как на какого-то ветерана, то есть старого человека. Он всегда был в моих глазах молодым. И молодые ребята, музыканты из его ансамбля греческой музыки «Милос» смотрели на него как на человека без возраста и даже никогда не называли его по отчеству, а только — Анатолий или Толя, и называли Толю Маэстро.

* * *

Сольный концертом на большой сцене

Толя мечтал съездить в Шадринск и в 2013 году, на пару со мной, и выступить там с сольным концертом на самой большой сцене. Кста-

ти, и Сергей Чернов подавал ему и нам с ним такую идею. Но съездить туда Толе и мне больше не пришлось. Увы...

* * *

Эпитафия

...Я написала о Шадринске — выполнила желание, просьбу, литературный заказ Толи Шамардина, которые стали для меня уже его завещанием (одним из литературных завещаний), но написала я что-то такое, чего не могла бы написать при жизни моего любимого друга, у меня получилась по сути эпитафия ему. Вот такой подарок к Рождеству Христову 7 января и ко дню рождения Толиному, к Толиным именинам 11 января.

* * *

Песня Сергея Чернова про расставание с любимым

Сергей Чернов подарил нам с Толей диски со своими песнями: «Облепиховый мёд» (песни Сергея Чернова и Юрия Гаврилова в исполнении Сергея) и «Зауральское поле» (песни Юрия Гаврилова, четыре из которых исполняет Сергей).

Мы с Толей в Москве прослушали их с большим интересом и удовольствием и потом слушали много раз и давали послушать своим друзьям. И не переставали восхищаться Сергеем Черновым, его талантом.

Особенно нам понравилась песня «Рябинины», где особенно хорошо раскрывается вокальный и композиторский талант Сергея... Эта песня просто потрясает душу и поднимает её высоко вверх и переполняет сильными чувствами и необъяснимой тоской.

Вчера я включила эту песню и вспомнила, как мы с Толей слушали её вместе, и не смогла сдержать своих слёз.

11 января Толе исполнится (исполнилось бы) 77 лет. Всего-то 77. Я включу эту песню для Толи и буду слушать её вместе с ним, который незримо явится мне со своих небес:

Именины, на душе сегодня просто именины,
О багряной пьяной осени тоска.
Ты не пой, ой,
Ты не пой про расставание с любимым —
Это самый невесёлый рассказ.

*3–6 января 2015 г.,
с добавками 19 января 2015 г., на Крещенье,
Москва*

P. S.

27 октября 2014 года, на полугодие со дня смерти Анатолия Шамардина, в «Новостях» по Шадринскому телевидению был показан сюжет об Анатолии — фрагмент сольного концерта этого чудо-песнопевца в Шадринской музыкальной школе 17 августа 2012 года (Анатолий спустился со сцены в зал к шадринским слушателям и поёт и пританцовывает с одной из своих шадринских знакомых 60-х годов) и фоторяд: Анатолий Шамардин с гитарой в Терлецком парке (улыбающийся), и Анатолий Шамардин с Ниной Красновой в художественной галерее «На Солянке» (серьёзный), и на московской улице, и под зонтиками в скверике (улыбающийся и смеющийся), и Анатолий Шамардин на ступеньках сцены Дома учёных (грустно-задумчивый), и Анатолий Шамардин на своём сольном концерте в клубе МВД и т. д.

Я только сейчас увидела этот сюжет, в ютубе, когда залезла в Интернет посмотреть, что нового там есть об Анатолии Шамардине? Что новенького? И увидела то, чего не видела там раньше. И у меня душа затрепетала... и полетела на воздушных в Шадринск... И как же я обрадовалась за Толю, обрадовалась, что Шадринск не только помнит его, но вот и показывает по своему телевидению. И подумала, не зря Толя любил Шадринск. Шадринск тоже любит его.

*24 января 2015 г., ночь, 2:00,
Москва*

ПОЭТИЧЕСКИЙ ВЕНОК РАЗНЫХ ПОЭТОВ
АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

Виктор БОКОВ

МОЕМУ КОМПОЗИТОРУ
АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ

Я нашёл тебя не в крапиве!
В окруженьё серьёзных дел.
Был при встрече такой ты красивый,
Потому что красиво пел.

Тенор твой трогал сердце не пошлостью,
Не эстрадной походкой ленивой.
Не было в пенье твоём оплошности,
Чистота, благородство пленили.

Так ложились стихи на мелодии,
Так тебе было сердцем велено.
Мы нашли с тобой плодородие
И засеяли поле клевером.

Ты поёшь, все тебе аплодируют,
Значит, нравится, я это знаю,
И напев и стихи лидируют
И находят поклонников в зале.

Ну, давай, Анатолий Викторович,
Песней нашей послужим культуре.
Я надеюсь, что ты не вытравишь
Музыкальную правду халтурой!

1997 г.,
Переделкино

Кирилл КОВАЛЬДЖИ

* * *

Решение внезапное, как смерть...
Нет хуже смерти, потому что память
не отключается. На «никогда»
немедленно парирует: «всегда!».

Не отвертеться. Боль маниакальна.

К забвенью унижительную зависть
питает беззащитная душа,
а память вновь свою видеозапись
под череп запускает, как ежа.

Кружение вокруг проклятой точки –
посмертное бессмертье в одиночке!

* * *

Люби, пока не отозвали
меня. Люби меня, пока
по косточкам не разобрали
и не откомандировали,
как ангела, за облака.
Люби, пока на вечной вилле
не прописали, и Господь
не повелел, чтоб раздвоили
меня на душу и на плоть.
Люби, пока земным созданием
живу я здесь, недалеко,
пока не стал воспоминанием,
любить которое легко...

МОЯ КАРТИНА

— В последнем зале есть ещё картина,
она висит одна. Для вас откроем дверь,
вы — наш почётный гость. Мы вас так долго ждали...

...И я вхожу: освещена закатом
картина на стене в знакомой с детства раме —
сидит отец вполоборота к маме,
стол, скатерть с кисточками, три прибора,
печенье, чайник, помидоры,
на патефоне замерла пластинка,
и — стул пустой с плетёной жёлтой спинкой.

— Родные ваши с вас не сводят глаз,
идите к ним, садитесь, стул для вас...

...Шагнул и оглянулся: жаль другую,
откуда я уйду, — картину в раме
снежинок, звёзд... дождей и яблок, звёзд...

Николай ИОДЛОВСКИЙ

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

1.
Ты приносил с собой тепло,
Улыбок радостных свеченье.
А как ты пел! Тебя несло
На крыльях песенных течений,

Английских, греческих, франсэ,
И итальянского извивы,
Японских песен переливы,
Немецких... И балдели все!

Но вдруг ты стих и в час дневной
Умчался в Вечность, на покой.

*5 мая 2014 г.,
Москва*

2.
Не хочу твердить: он был.
А хочу твердить: он есть.
Звонкий баловень Судьбы
И певца большая честь.

Не хочу твердить: ушёл.
А хочу твердить: остался.
Пел отрадно, хорошо
И годам своим не сдался.

Но покинул нас, спеша.
Где-то тут его душа.

*2 августа 2014 г.,
Москва*

3.
Ни немецкого не знаю,
По-французски — ни бум-бум,
Но от пения летаю,
Песням радостно внимаю,
Отвергая всякий шум.

Итальянский и японский
Не подвластны тоже мне...
Будут счастливы потомки
Слушать Толю в тишине

И внимать его бельканто
И от радости балдеть...
Будут в честь его куранты
Гимны радостные петь!

2 августа 2014 г.,
Москва

Александра ИРБЕ

1.

Александра Ирбе — Нине Красновой (по электронной почте), после своей поездки в Пятигорск, где Анатолий Шамардин когда-то учился в пединституте на факультете иностранных языков:

10.07.2014.

Ниночка, я передала диски Толи в местный Литературный журнал «Голос Кавказа»... в институт не успела. Редактор этого журнала пообещал послушать, а если поеду в Пятигорск ещё в сентябре, то, может, и материал о Толе предложить можно. Горé Машук от Толи привет передала...

Нина! Маленький стишок про тебя и про Толю.

ОН И ОНА

Анатолию Шамардину и Нине Красновой

И надо же, когда случилось,
с душою встретилась душа,
ОНА, как заново родилась,
как в детстве, стала хороша.
И ОН так радостен и нежен,
так возбуждённо говорлив,
как будто с женщиной и не жил,
а только тоненький мотив,

ещё из детства унесенный,
из рая легкого житья
пел ангелам в цвет ночи тёмной,
и в песне славилась земля.
ОН и ОНА сперва смотрели
в глаза друг другу оттого,
что и предположить не смели,
не знали счастья своего.
ОН был певец, ОНА — певица,
ОН — музыкант, ОНА — поэт,
но стали вдруг друг другу сниться
не год, не два — десятки лет.
И надо ж было так случиться:
что было, будет — все одно.
Душа с душой не разлучится,
не разлетится все равно.

*10 июля 2014 г.,
Москва*

2.

Александра Ирбе — Нине Красновой (по электронной почте):

10.07.2014.

Ниночка, и, вот, кстати, было у меня еще про Толин голос. Кажется, ты это не видела. Посылаю с одной лишь надеждой, что тебе будет приятно.

Нина Краснова — Александре Ирбе (по электронной почте):

10.07.2014.

Ой, как хорошо, Сашенька! И очень необычно, так только ты и можешь написать! Я сейчас скопирую себе это, а потом вставлю в книгу о Толе, как и твой «стишок» про нас с ним. От Толечки тебе спасибо! Он, я думаю, вперед меня всё прочитал. Твоя Нина Краснова.

Александра Ирбе — Нине Красновой (по электронной почте):

10.07.2014.

Спасибо, Нина. Я очень рада, что тебе понравилось. Таких людей, как ты и Толя, очень мало на свете... И искренне надеюсь, что там ему от моих строчек приятно.

ПЕВЕЦ АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН

В печальный дом из песенной страны
врывается, как чашка кофеина.
В его куплетах празднество страны,
где все до восхищения едино.
Соединенье чар в его чертах —
густая гладь немеркнувшего диска.
В его глазах не страх — сплошное «Ах!»,
покой Афона, ярость Сан-Франциско.
А голоса стремительный излом
рождает ощущение побега,
И, изумившись, вдруг смеется дом,
вблизи церквей и «Ноева Ковчега»,
и смотрит с удивлением в окно.
И я смотрю... Мне некуда деваться...
И замечаем: солнышко взошло,
И голуби уселись целоваться.

Июль 2014 г.

Галина БОГАПЕКО

ТВОЙ ГОЛОС, АНАТОЛИЙ ШАМАРДИН!

Вот фотография! На ней
Я и «Божественный Орфей»
Но он со мной, но без меня —

В себе, с улыбкой света дня...
Потом он пел, перебирая струны,
Преклонных лет
Он был как будто юным...
Тот вечер был
Подарком нам от Бога,
Тот вечер в «Юности» –
Триумфа звука, слога.

И времени прошло совсем немного
И каждому легла своя дорога —
Одним длиннее, а другим короче...
Судьбе виднее — протоколы строчит...
Есть миссия у каждого из нас,
Её мы завершаем в точный час...

Чу, песни слышны — это канты!
Все в честь твою, «святой бельканто»!
А ты под деревом присел,
Ты всё, что можно, в этой жизни спел...
И сердце, что вмещало целый мир,
По части ежечасно раздарил.

Я со слезами лезу в интернет,
Ищу и нахожу там твой портрет,
И о тебе страницы я листаю,
К стыду, я о тебе так мало знаю.
И ссылки с записями слушаю часами...
А ты поёшь, твой Голос, Толя, с нами —
Твой Голос, Анатолий Шамардин! —
На ветках распускается жасмин,
И засветила лампа Алладин,
И ты, «святой бельканто», не один...

*5 мая 2014 г.,
Москва*

СОНЕТЫ-АКРОСТИХИ

В августе этого года поэтесса Галина Богачеко отдыхала в Анапе и писала там стихи, вдали от московского «шума городского». И прислала мне оттуда три сонета-акrostиха, посвящённых мне и моему недавно почившему другу, певцу и композитору Анатолию Шамардину.

Первые буквы каждой строки 1-го сонета «Доминанта» выстраиваются во фразу «ТЫ НИНА КРАСНОВА», первые буквы 2-го сонета «Явление как феномен» выстраиваются во фразу

«ОН ТОЛЯ ШАМАРДИН»,

а первые буквы 3-го сонета «Если двое поют», выстраиваются во фразу

«ДУЭТ ДВУХ СЕРДЕЦ».

А если соединить все первые буквы всех трёх сонетов, получится вот такой верлибр:

ТЫ НИНА КРАСНОВА
ОН ТОЛЯ ШАМАРДИН
ДУЭТ ДВУХ СЕРДЕЦ

Спасибо тебе, чудесница-прикудесница поэзии, Галечка, спасибо от двух сердец!

Нина Краснова,
13 октября 2014 г.

*Нине Красновой и
Анатолию Шамардину*

1. ДОМИНАНТА

Тайна когда-то становится явью...

Ысях* — разноцветьем в твоих строках.

Наваждение любовное мыслями правит

И живёт виртуально в просторных стихах.

Не случайно тебе — певчей птичке печальной —

Анатолия дарит голубка-судьба.

Как крепчала любовь! За завесою тайны
Распевали вы песни, народ беребя..
Анатолий-соловушка — русский бельканто —
Сердцем пел о тебе, для тебя, для народа,
Нёс в эфир любовь свою — доминанта.
Отклик слышу я вашей судьбы благородной...
Вас венчал небосвод вековой на восходе
Алой зорькой, мелодией канты*...

*Ысях — праздник лета.

**кант — многоголосая песня.

2. ЯВЛЕНИЕ КАК ФЕНОМЕН

Он — праздник весны и лета,
Несётся по нашей планете -

Творец музыкальных куплетов
Однажды он встретил Нинетту —
Любовь свою и поэта -
Явление — как феномен!

Шагает она по свету —
Ангел в цветном сарафане — рязанская абориген!
Мечта обратилась явью,
А жизнь обретала смысл,
Рождая минуты рая!
Дни, месяцы, годы неслись,
Играла шарманка, вплетая
Народный фольклор «на бис»...

3. ЕСЛИ ДВОЕ ПОЮТ

День под вечер иссяк,
Утка крякнула: «Кряк!»
Эхо — «Кряк!» И погасла заря!
Только так, как всегда, оба сердца горя,

Догорая, луной светят в мрак.
Все пути одолеет святая любовь!
У неё свой особый знак -
Хоть сжигай, но два сердца проявятся вновь

Светлой радугой в облаках!
Если двое поют в унисон двух сердец -
Расцветают цветы на лугах,
Даже вторит им лес, даже светится крест,
Естественном отражаясь в лучах.
Царство святых небес прославляют влюблённых уста.

В РАЙСКОЙ КУЩЕ

*Анатолию Шамардину
и Нине Красновой*

Я дождю подставляю ладони
Собираю священные вести
Там за лесом в божественном поле
Ваши души скрестились вместе
Память мятой наполнила воздух
Летним тёплым и светлым днём
И далёкие грозы не грозны
Там где вы «в райской куще» вдвоём

12 октября 2014 г.

КОММЕНТАРИЙ по фейсбуку:

Галина Йонаш: Вы, Ниночка, и Толя, — знаете, какой отрадой и отдушиной стали для меня и его песни, и Ваши стихи! Вы — как два мотылька в межзвездном пространстве! СПАСИБО!!!

13 октября в 18:54

* * *

Нина, время так сурово
Где найти такое слово,
Чтоб твою утешить душу?
Сушит горе! Ой, как сушит!

Вот портрет, он там живой
Анатолий наш родной!

*31 октября 2014 г., 22:50,
фейсбук*

Из книги Галины Богалеко «Очевидное как невероятное» (М., «Спутник», 2014)

МАТРЁШКА — ЖАР-ПТИЦА

Нине Красновой

Матрёшки-Жар-птицы —
От крупной до самой малюсенькой
Гуляют в лесу травянистом,
Немножечко грустном...

Они разбежались
По разным театрам и сценам
С вечерним пожаром
Зари, к выступлениям ценным...

Но к ночи они соберутся —
В темь
Но к ночи они обернутся
Все семь
в одну Матрёшку-Жар-птицу,
Вобравшую дух
Веселья, смятенья Столицы...

И не будет вокруг
скоморошных и грустных,
и просто туманных сцен...
А в доме пусто
и лишь —
картинки со стен...

Но это твой дом,
Матрёшка-Жар-птица-Царица,
И в нём в окоём
Твой взгляд лучезарный стремится

Туда, где всегда
Ты находишь Его отраженье.
Ты помнишь, когда
Было первое это смущенье...

Ты помнишь и ту
Подведённую жизнью черту,
Когда Он ушёл
И оставил свой след на ходу...

Но ты зажигаешь
и даришь и даришь себя,
Родная Жар-птица —
Матрёшка весеннего дня.

12 сентября 2014 г.

Лариса НОСОВА

ЛУННОЕ НАРЕЧИЕ*

На селезня и уточку озёрных посмотрите,
Что нежничают на французском, русском и иврите,
А также лунном, полном тайн, наречии, влюблённых
Друг в друга, в жизнь, в узоры листьев клёнов обновлённых.

Бельканто Анатолия Шамардина и звуки
Красновских строк, сегодняшнего с вечным перестуки
Под струны утомлённой солнцем дружеской гитары,
Влекут, как тайны, чувствуются, как любви нектары.

2014 г.

* Стихотворение написано под впечатлением от песен Анатолия Шамардина «Селезень и уточка» (на стихи Нины Красновой), «Утомлённое солнце» и песен народов мира. – Прим. Н. К.

Михаил СКРЫЛЬНИКОВ

ПАМЯТИ АНАТОЛИЯ ШАМАРДИНА

Не — среди белых льдин,
Не — среди осетрин и сардин,
Не — среди прочих ерундин
Жил певец Шамардин.
А жил он среди песен.
И был он любим и весел.
Среди небесных гардин
Жил талант Шамардин*.

9 ноября 2014 г.,
Севастополь

* Это — экспромт. В данном случае я ни на что не претендую: человека знал

очень мало. Но посмотрел ролики в ютубе, как обещал тебе :-), и выводы сделать можно. Об этом и стихотворение.

Из фейсбука

Виктор ШИРОКОВ

**ТОЛЯ ШАМАРДИН И ЕГО ПОКЛОННИЦЫ
НА «ТЕРРИТОРИИ СОЛНЦА»**

Вот женщин плотная стена.
Последний день Шамардина.
Он так сумел, он всех увлёл
И улетел, как мотылёк.
«Какой мерзавец! Ах, подлец!
Зачем разбил он сто сердец?
Зачем он вообще поёт?
Чтобы отправить нас в полёт!»

2013 г.,

Москва

(После концерта Анатолия Шамардина на «Территории Солнца».)

КОММЕНТАРИИ (в фейсбуке):

24.10.2014.

Нина Краснова: Витечка, гимнописец! Спасибо тебе за твой гимн во славу Нины Красновой и Толи Шамардина! Толя уже поет это у себя в Раю и радуется и шлет тебе оттуда свой небесный дружеский привет!

Виктор Широков: Взаимно! Пригодится для печати? - такое непорочное зачатие!

Нина Краснова: Конечно, Вить! Я вставлю твой гимн в книгу о Толе и в альманах, посвященный ему!

Виктор Широков: спасибо.

Юрий Крохин (об Анатолии Шамардине): Орфей... истинный певец!

ГИМН

Нине Красновой и Анатолию Шамардину

Мне нравится, товарищи, Краснова!
Не отдыхая, пишет вновь и снова...
К тому же не про день Бородина –
Про Толечку опять Шамардина.
И он нам снова виден, снова близок...
Да здравствует свиданье без капризов!
Да здравствует любви святая власть!
Что ни покараулить, ни украсть
Поэты очень часто не умеют,
Пред зраком вечности стремглав они немеют...
И только, жизнь познавшая, Краснова
Здесь пишет ясно, трезво и толково!

24 октября 2014 г.

Виктор ШИРОКОВ и Нина КРАСНОВА

ОРФЕЙ ТОЛЯ ШАМАРДИН
(Экспромт)

Виктор Широков:

Орфей отправился к Морфею,
надеясь там увидеть фею;
он неземной был страсти полн
и пропустил волнение волн...
а вы, друзья, не отдыхайте,
а продолжение сочиняйте!

Нина Краснова:

Играла бы в Раю НА АРФЕ Я
и всё смотрела бы на Толю, НА ОРФЕЯ.)))

КОММЕНТАРИИ (в фейсбуке):

24.10.2014.

Нина Краснова: Юра, Витя, как хорошо, что у нашего Орфея Толи Шамардина есть такие друзья, такие поклонники, как вы, как все мы!!! И сколько фейсбуковцев добавилось в наш круг, в круг друзей и поклонников Толи Шамардина!!!

Виктор Широков: Нина, у тебя размер ломается. А если сделать так:

Виктор Широков:

...играла бы в раю, не слыша ора, фея,
смотрела бы на Толю, на Орфея —
такое сочетанье мышц и жил!
а чем еще её приворожил?

Нина Краснова:

Ну чем приворожил меня Орфей?
(Об этом знает друг его — Морфей.) —
Конечно, голосом божественным своим
И песнями своими! Слава им!

Нина Краснова:

Играла бы в Раю НА АРФЕ ФЕЯ
И всё смотрела бы на Толю, НА ОРФЕЯ,
И слушала бы этого ПЕВЦА
И за него бы выпила ПИВЦА!
А может быть, цейлонского ЧАЙКУ
Цейлонский ЧАЙ полезней, ЧАЙ. КУ-КУ!

Виктор Широков:

И жизнь, наверно, оттого зеркально хороша,
что в этом призрачном раю живёт твоя душа.

24 ноября 2014 г.,
фейсбук

Сергей КАРАТОВ

Сергей Каратов Нине Красновой:

30.01.2015

Нина, высылаю подборку из двух своих стихов и одного перевода из Ивана Мигалкина. Думаю, ты сможешь что-то из этого выбрать. Обнимаю. Сергей.

Сергей Каратов

Нина Краснова Сергею Каратову:

30.01.2015, 20:40

Дорогой Серёжа, мой друг со студенческой скамьи!

Спасибо тебе огромное за стихи для раздела памяти Толи Шамардина!

Я читала их и плакала... Они — о нём. И орел из стихотворения якутского поэта Ивана Мигалкина в твоём переводе — это Толя, не только потому, что у него нос был как у орла, но и потому, что Толя и по своему духу был свободной птицей, парящей высоко в небесах искусства...

Спасибо тебе за любовь к Толе! Да хранят тебя светлые силы! И тебя, и твоих близких, и Ивана Мигалкина, которому от меня привет!

Нина Краснова

*Памяти Анатолия Шамардина,
яркого певца и композитора,
прекрасного друга и замечательного человека!*

1.

* * *

Друзья мои, храни вас Божья милость
в стенах ли, у столбов ли верстовых.
Вот сердце одного остановилось,
и снова
нам на горе
изменилось
соотношенье мертвых и живых.

2.

МОЛИТВА

Река грохочет, лёд ломая,
Вверху плывёт луна немая,
И я внимаю сквозь дремоту,
Что к Господу взывает кто-то.

На фоне слабого рассвета
Не видно было силуэта,
Сквозь шум я различал едва
Мольбой объятые слова:

Любви дай женщине иной,
Чтоб не остаться ей одной,
Чтоб в доме жили голоса
Ребёнка, мужа и отца.

Чтоб в мире нежилась страна,
Чтоб мести не было и зла,

Чтоб не обрушилась стена
И смерть во тьму не унесла.

Поэту дай перо, листок,
Чтоб он коснулся красоты,
Чтоб он в словесный завиток
Облёк желанные черты.

Дай веры дайверу на счастье
Чтоб утолял он свои страсти,
Чтоб он бывал и тут и там,
Ныряя к рыбам и китам.

В пути удачи дай скитальцу,
Свет маяка для моряка,
Дай мысли выносить страдальцу,
Чтоб мудрым слыть наверняка.

3 декабря 2014 г.

3.

Иван Мигалкин

СОЕДИНЯЯСЬ С СОЛНЦЕМ...

Орлы высоко под небом синим
В лучах полуденных растворились.
Внизу деревни, камыш в трясине,
И гор вершины в тумане скрылись.

Орлам доступны все тайны мира,
Их взгляду зоркому всё подвластно.
До самых дальних границ эфира
С потоком верхним парят согласно.

Людские жизни столь скоротечны,
Их привлекают покой и блага.
На реки смотришь — их воды вечны,
Ручьи питает земная влага.

Орлы проносятся сквозь теснины
И вверх взмывают, от ран страдая.
Их души болью порой теснимы,
Их тоже старость гнетёт седая.

Однажды сердце замрёт в полёте,
Не в силах больше расправить крылья;
Прервётся песня на сильной ноте
И кровь смешается с белой пылью.

Орел уносит с собой на землю
Не воплотившиеся мечтанья,
Над ним склонится лесная зелень
И смолкнет всякое щебетанье.

Лишась духовного равновесья —
На все явления своя причина —
Друзья из дальнего поднебесья
Дождём оплачут его кончину.

Перевёл с якутского Сергей Каратов

Владимир АЛЕЙНИКОВ

ЭЛЕГИЯ

Кукушка о своём, а горлица — о друге,
А друга рядом нет —
Лишь звуки дикие, гортанны и упруги,
Из горла хрупкого летят за нами вслед
Над сельским кладбищем, над смутною рекою,
Небес избранники, гонимые грозой
К стрижам и жалобам, изведшим бирюзой,
Где образ твой отныне беспокою.

Нам имя вымолвить однажды не дано —
Подковой выгнуто и найдено подковой,
Оно с дремотой знается рискованной,
Колечком опускается на дно,
Стрекочет, чаемое, дудкой стрекозиной,
Исходит меланхолией бузинной,
Забыто намертво и ведомо вполне, —
И нет луны, чтоб до дому добраться,
И в сердце, что не смеет разорваться,
Темно вдвойне.

Кукушка о своём, а горлица — о миле, —
Изгибаю птичьих горл с изгибами реки
Ужель не возвеличивать тоски,
Когда воспоминанье не по силам?
И времени мятежный водоём
Под небом неизбежным затихает —
Кукушке надоело о своём,
А горлица ещё не умолкает.

1976

Из фесбука Евгения Степанова 3 января 2015 г.

Дмитрий Григорьев

* * *

Скоро мы переедем, людям свойственно переезжать,
потекут вещи по невидимым рекам,
а руки такие слабые — в них надолго нельзя удержать
ни песчинку, ни облако, ни человека...

Из фейсбука. 18.07.2014, 12:30

Евгений Степанов поместил у себя в фейсбуке свои стихи, напечатанные в 21-м номере «Литературной газеты», за 28 мая 2014 года.

Среди них есть стихотворение «Памяти друга», посвящённое другу Жени, поэту. Я вздрогнула, когда прочитала его, потому что оно — как будто и о моем друге — Толе Шамардине, правда, не поэте, а певце и композиторе.

Нина Краснова — Евгению Степанову:

18.07.2014.

Дорогой Женя! ... твоё стихотворение «Памяти друга» каждый человек, у которого скончался друг, может читать как стихотворение памяти своего друга, и не обязательно поэта. Я, у которой недавно скончался друг — певец и композитор Анатолий Шамардин, читаю это стихотворение как стихотворение памяти этого моего друга, заменяя слово «поэт» на слово «певец», хотя он по своему мироощущению, мировосприятию и по своему внутреннему складу тоже был поэтом.

Спасибо тебе за все твои стихи и за «Памяти друга», которые приносят утешение моей душе.

Нина Краснова

Евгений СТЕПАНОВ

СТИХИ О ЖИЗНИ И СМЕРТИ

ПАМЯТИ ДРУГА

скончался поэт — огорчился фейсбук (скончался певец...)
три тыщи друзей и три тыщи подруг

а кто-то и не огорчился ничуть
поэт же продолжил неведомый путь

живой он был счастлив и счастлив теперь
земную закрыв тяжеленную дверь

душа отлетела от тела — дыша
легко и свободно — спокойна душа

*18 июля 2014 г.,
Москва*

* * *

ну сколько можно: врут и врут
и враг и лепший корефан
левиафан как лилипуг...

* * *

очень трудная работа
на земле холодной жить
отчего же неохота...

ДИАЛОГ

— потом не будет слуг и бар
и денежного бремени
потом новатор аватар
найдет кильватер времени
и оживет воскреснет брат
простясь с холодной ямою
— но только много лет назад
твердили то же самое

24 января 2015 г.

МАМА

что мне Путин и Обама
дрязги разных королей
у меня болеет мама
мама мама не болей
что мне делать? я не знаю
я скажу слова любви
умоляю заклинаю:
мама мамочка живи

8 января 2015 г.

* * *

жизнь дается человеку с одной целью
чтобы он изобрел личный способ бессмертия
некоторым удастся

*24 января 2015 г.,
Москва*

**АВТОГРАФЫ ПОЭТОВ, ПРОЗАИКОВ, ДЕЯТЕЛЕЙ КУЛЬТУРЫ
АНАТОЛИЮ ШАМАРДИНУ (на книгах, буклетах и фотографиях)**

Евгений АНТОШКИН

На книге «Избранное» (М., «Художественная литература», 1984):

Милому и
талантливому
Анатолию
Шамардину!
С давними
самыми добрыми
чувствами
и на творческое содружество
Ев. Антошкин
15.11.85
Тел. (...)

Виктор БОКОВ

1. На фотографии (Виктор Боков среди берёз):

ЗИЛ

Анатолию
Шамардину,
талант которого
я сразу принял.
Виктор Боков
19 сент. 73 г.

2. На книге «Собрание сочинений в трех томах» (М., Художественная литература», 1983, т. 1):

Шамардину
Анатолию,
в ночь рождения!

10/ I-85 г.

3. На книге «Травушка-муравушка» (Оренбург, Печатный Дом «ДИМУР», 1997):

Анатолию
Шамардину —
композитору,
бродяге,
гуманному
отцу
безвольного сына.
Виктор Боков
16 мая 99 г.

4. На книге «Жизнь радость моя» (М., Эллис Лак, 1998):

Толе
Шамардину —
ну и ну!
Пора тебе
не лысеть
и на телефонах
не висеть!
Виктор Боков
4.XI-99 г.

Борис ВАСИЛЬЕВ-ПАЛЬМ

На буклете «Выставка работ Бориса Васильева» (Симферополь,
Симферопольский художественный музей, 1993):

Анатолию
Шамардину
в день
знакомства
с надеждой на
дружбу
Б. Васильев
13.X.-96 г.
Москва

Борис ВАХНЮК

На книге «До востребования» (Одесса, «Вариант» — «Два слона»,
1992):

...И пока в толпе заметен
Анатолий Шамардин —
Не боюсь врагов и сплетен:
Я на свете — не один!

Будь, Толя! Будем, а?
Твой Б. Вахнюк
12.1.94